

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 1, 2016

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Выпуск 1, 2016

EASTERN ANALYTICS
Issue 1, 2016

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

EASTERN ANALYTICS

Issue 1, 2016

Moscow
2017

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 1, 2016

Москва
2017

Ответственный редактор выпуска — А.В. Акимов

ISBN 978-5-89282-718-8

ISSN 2227-5568

СОДЕРЖАНИЕ

*Цветкова Н.Н.**

Китай в мировом производстве и экспорте товаров ИКТ

Аннотация. Китай стал ведущим производителем и экспортером товаров ИКТ, анализ экспорта и импорта электронных компонентов показывает, как Китай участвует в глобальных цепочках стоимости, в развитии которых важную роль сыграли прямые иностранные инвестиции и неакционерные формы организации международного производства. В Китае сформировались свои ТНК по производству товаров ИКТ. Для повышения своей конкурентоспособности китайские компании активно включились в развитие автоматизации и робототехники.

Ключевые слова: товары ИКТ, Китай, экспорт, электронные компоненты, прямые иностранные инвестиции, неакционерные формы организации международного производства, глобальные цепочки поставок, ТНК, автоматизация и робототехника.

Одной из важных инновационных сфер, в развитии которых несомненных успехов добились страны Востока, стала электронная промышленность, производство так называемых товаров ИКТ. Согласно определению ЮНКТАД, в число товаров ИКТ входят компьютерное оборудование и периферийные устройства; телекоммуникационное оборудование; потребительская электроника (телевизоры, аудио- и видеооборудование); электронные компоненты, а также категория «прочие товары»[1].

Изучение производства товаров ИКТ в странах Востока, его эволюции, статистики международных организаций по их экспорту показывает, что в 2000-2014 гг. мировым лидером в экспорте товаров ИКТ стал Китай[2].

---

*Цветкова Нина Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока ИВ РАН

[1] См., например: Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013; 2000-2014. Information Economy. http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/table View.aspx=15850 (даты обращения: 12.04.2015).

[2] См. подр.: Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. М.: ИВ РАН, 2016.

Таблица 1

Экспорт различных категорий товаров ИКТ 2000–2014 гг. группы стран и регионы (млрд. долл.)

Экспортеры	Экспорт (млрд. долл.)				
	2000	2005	2010	2013	2014
Все страны					
Товары ИКТ	999,9	1375,3	1722,5	1921,6	1980,0
Комп. и периф. устр.	367,2	474,1	499,6	515,1	530,0
Телеком. обор.	154,7	218,7	333,4	461,8	496,0
Потребительская электроника	105,7	182,0	229,6	205,7	204,4
Электр. компоненты	321,9	392,3	574,3	657,7	667,5
Развивающиеся страны					
Товары ИКТ	429,2	769,3	1160,0	1398,0	1441,5
Комп. и периф. устр.	166,7	268,2	347,9	359,9	368,1
Телеком. обор.	38,5	97,6	217,2	338,9	363,7
Потребительская электроника	57,6	113,3	138,0	133.9	133,9
Электр. компоненты	146,9	228,8	402,2	512,4	521,9
Развивающиеся страны Азии					
Товары ИКТ	389,2	722,5	1091,3	1328,6	1372,6
Комп. и периф. устр.	152,8	254,8	330,7	340,0	344,9
Телеком. обор.	28,6	85,1	196,1	318,8	345,8
Потребительская электроника	47,9	99,4	113,0	112,3	111,4
Электр. компоненты	142,6	224,3	397,9	506,0	517,9
Развивающиеся страны Восточной Азии					
Товары ИКТ	216,8	493,5	831,0	1040,9	1076,4
Комп. и периф. устр.	81,1	175,7	257,0	276,5	281,2
Телеком. обор.	21,1	66,7	180,3	276,8	303,0
Потребительская электроника	29,6	78,3	88,3	89,9	89,6
Электр. компоненты	74,1	122,5	258,7	352,4	356,7
Юго-Восточная Азия					
Товары ИКТ	170,4	219,2	252,7	279,0	290,0
Комп. и периф. устр.	71,3	77,6	72,7	62,8	62,9
Телеком. обор.	7,4	14,9	13,4	37,6	40,8

Потребительская электроника	17,4	17,3	22,6	20,1	19,4
Электр. компоненты	68,4	101,1	137,7	152,8	160,6
Развитые страны					
Товары ИКТ	569,9	605,2	560,7	520,0	532,9
Комп. и периф. устр.	200,4	205,8	151,4	154,5	159,6
Телеком. обор.	115,9	121,0	116,0	122,1	131,5
Потребительская электроника	48,0	68,6	90,9	70,5	69,1
Электр. компоненты	174,7	163,4	171,7	144,9	145,1

Составлено и подсчитано по: Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013; 2000–2014. Information Economy. http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx=15850 (даты обращения: 12.04.2015; 2.03.2016).

В 1996 г. мировой экспорт товаров ИКТ достиг 701 млрд. долл. Доля Китая в мировом экспорте составляла только 2,7% (19 млрд. долл.). Ведущими экспортерами товаров ИКТ были развитые страны: США (124 млрд. долл.; 17,7% мирового экспорта), Япония (14,7%). Из развивающихся стран крупнейшими экспортерами были страны Азии: Сингапур (третье место, 68 млрд. долл.; 9,7%), Гонконг (5,4%), Малайзия (5,3%), Республика Корея (4,9%)[3].

Таблица 2

Экспорт товаров ИКТ из КНР и Гонконга (КНР), 2000–2014 гг. (млрд. долл.)

Группы товаров	Экспорт (млрд. долл.)						
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
КНР							
Товары ИКТ	44,1	234,1	459,5	508,0	554,3	605,8	607,6
Комп. и периф. устр.	17,9	109,1	196,9	209,0	218,5	214,1	215,9
Телеком. обор.	5,9	33,1	106,6	134,1	153,9	175,8	196,3
Потребительская электроника	11,3	46,8	64,7	66,0	69,3	70,0	71,1

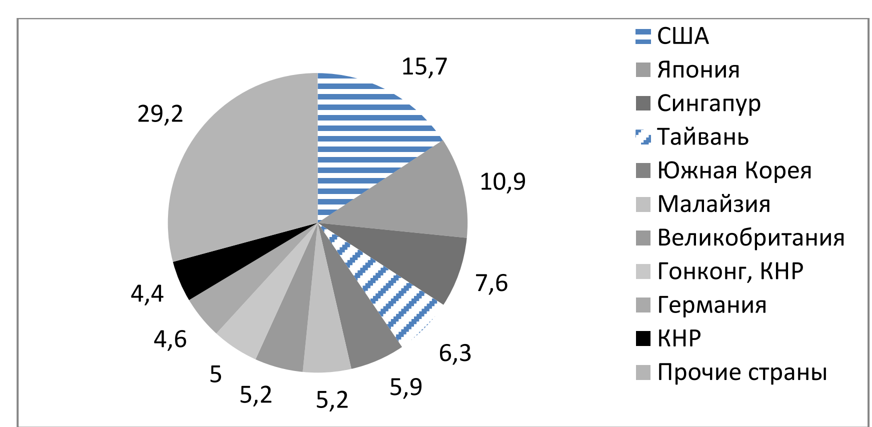
[3] Information Economy Report 2007–2008. UN. N.Y.; Gen., 2007. P. 136.

Электр. компоненты	6,6	25,5	74,1	82,2	96,1	130,4	107,3
Гонконг (КНР)							
Товары ИКТ	50,3	111,9	177,0	193,5	207,9	222,3	238,5
Комп. и периф. устр.	14,7	34,5	35,4	40,0	45,2	42,8	43,6
Телеком. обор.	5,4	7,8	37,7	45,8	53,1	64,9	70,2
Потребительская электроника	10,5	21,7	16,9	14,8	14,3	12,1	10,8
Электр. компоненты	15,8	34,4	72,2	77,7	78,7	87,3	100,4

Составлено по: Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2013. Information Economy. http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx=15850; (даты обращения: 12.04.2015; 2.03.2016).

Мировой экспорт товаров ИКТ в 2000 г. достиг 999,9 млрд. долл. КНР занимала десятое место среди стран-экспортеров, ее доля в мировом экспорте товаров ИКТ была невелика: 4,4% (44,1 млрд. долл.). Лидерами по экспорту товаров ИКТ по-прежнему были США (156,7 млрд. долл.; 15,7%), Япония (10,9%), Сингапур (7,6%). В десятку ведущих экспортеров входили Тайвань (6,3%), Республика Корея (5,9%), Малайзия (5,2%), Великобритания (5,2%), Гонконг, в 1997 г. вошедший в состав КНР в качестве специального автономного района и отдельной таможенной территории (5,0%), Германия (4,6%). Все они опережали КНР (см. рис. 1).

Рисунок 1. Ведущие экспортеры товаров ИКТ 2000 г. (%)

Составлено по источникам к табл. 1,2.

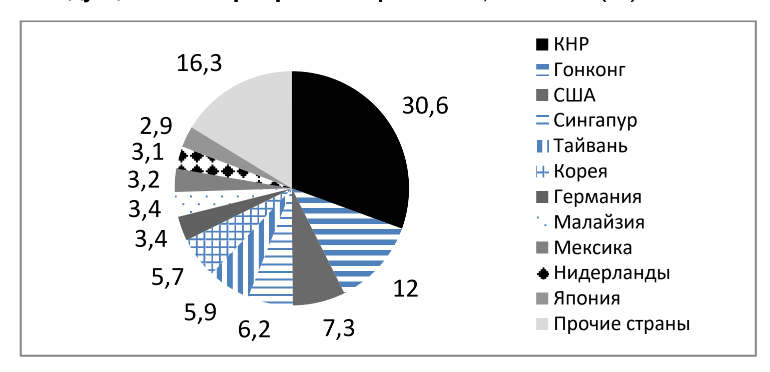
В 2005 г. Китай стал мировым лидером по экспорту товаров ИКТ (17% мирового экспорта). Второе место заняли США (128,9 млрд. долл., 9,4%), третье — Гонконг (КНР) (8,1%). В десятку лидеров входили также Сингапур (7,6%), Япония (7,3%), Республика Корея (6,2%), Германия, Тайвань, Малайзия, Мексика (см. рис. 2).

Рисунок 2. Ведущие экспортеры товаров ИКТ 2005 г. (млрд. долл.; %)

Составлено по источникам к табл. 1,2.

В 2014 г. мировой экспорт товаров ИКТ достиг 1980 млрд. долл., увеличившись по сравнению с 2013 г. лишь на 3%. Доля Китая в мировом экспорте товаров ИКТ в 2014 г. составила 30,6%. Еще 7,3% приходилось на Гонконг (КНР) (3-е место) (см. рис. 3).

Рисунок 3. Ведущие экспортеры товаров ИКТ, 2014 г. (%)

Составлено по источникам к табл. 1,2.

В 1996–2000 г. экспорт товаров ИКТ из КНР возрос с 19 млрд. до 44,1 млрд. долл., в 2,3 раза, или на 131%, он увеличивался в среднем на 33% в год. В 2000–2005 г. этот экспорт увеличился с 44,1 млрд. до 234,1 млрд. долл., в 5,3 раза, или на 431%, в среднем на 86% в год. Темпы

роста экспорта в в 2000–2005 гг. были в 2,6 раза выше, чем в 1996-2000 гг. К 2014 г. Китай колоссально упрочил свое превосходство. Экспорт товаров ИКТ из Китая в 2005–2014 гг. увеличился с 234,1 до 607,6 млрд. долл., на 159,5%, однако в 2005–2013 гг. он возрос на 158,8%, т.е. в среднем на 19,9% в год, а в 2014 г. по сравнению с 2013 г. — только на 0,4%. Периодом самого высокого роста экспорта товаров ИКТ из Китая была первая половина 2000-х гг. (см. рис. 4).

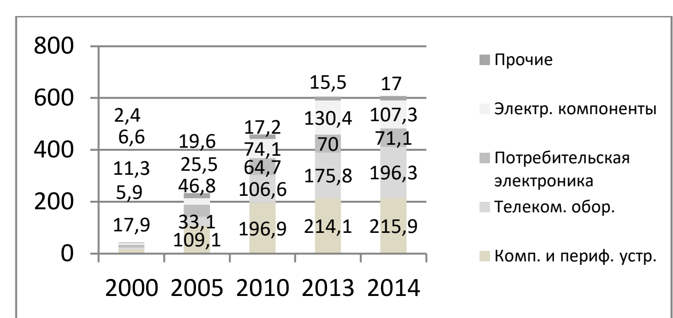
Рисунок 4. Экспорт товаров ИКТ из КНР, 2000-2014 гг. (млрд. долл.)

800
600
400
200
0
44,1
234,1
459,5
605,8
607,6
2000
2005
2010
2013
2014
Товары ИКТ

Составлено по табл. 2.

Основная масса экспорта товаров ИКТ из КНР приходится на две группы товаров: компьютерное оборудование и телекоммуникационное оборудование. Наиболее динамично в 2010-2014 гг. рос экспорт телекоммуникационного оборудования, его доля в экспорте товаров ИКТ из КНР повысилась за этот период с 23,2% до 32,3%. Доля компьютерного оборудования равнялась в 2005 г. 46,6%, она понизилась до 42,9% в 2010 г. и 35,5% в 2014 г (подсч. по табл. 2, см. рис. 5).

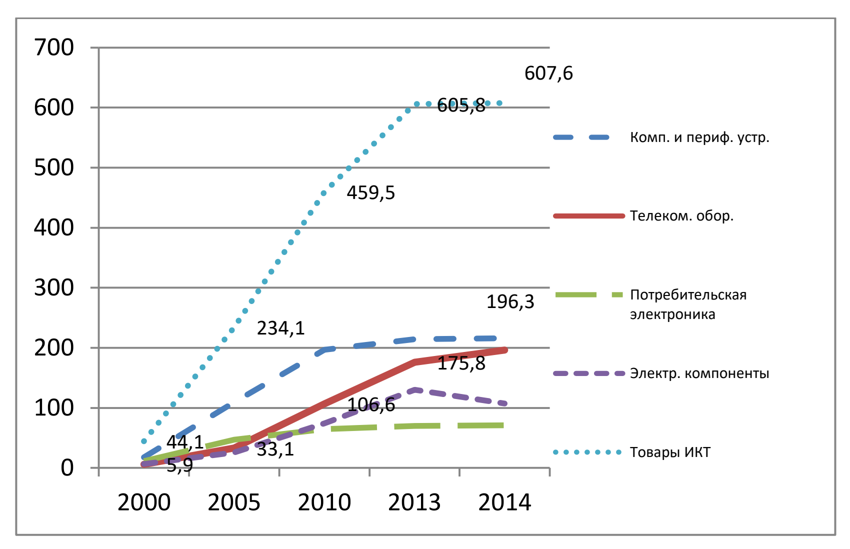
Рисунок 5. Экспорт товаров ИКТ из КНР: основные товарные группы

Составлено по табл. 2.

Если в 2000-2010 гг. наиболее динамичным был рост экспорта компьютерного оборудования, то в 2010-2014 гг. наиболее стремительно возрастал экспорт из КНР телекоммуникационного оборудования, сначала мобильных телефонов, затем – смартфонов. Это отчетливо видно на графике (рис. 6).

Рисунок 6. Экспорт из КНР различных групп товаров ИКТ, 2000-2014 гг. (млрд. долл.)

Составлено по табл. 2.

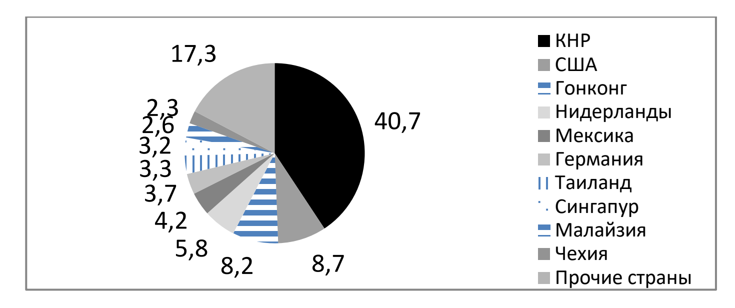
Экспорт товаров ИКТ занимает важное место в экспорте КНР: в 2014 г. доля товаров ИКТ в экспорте Гонконга составляла 45,5%, КНР — 26%. У Тайваня она составляла 35%, у Сингапура — 30%, у Малайзии — 29%, у Южной Кореи — 20%[4].

В 2000–2014 г. мировой экспорт компьютерного оборудования и периферийных устройств возрос с 367,2 млрд. долл. до 530,0 млрд. долл., однако его доля в мировом экспорте товаров ИКТ понизилась с 36,7% до 26,8%. В 2014 г. 65,1% мирового экспорта компьютеров поступало на рынок из развивающихся стран Азии. Ведущим экспортером компьютерного оборудования и периферийных устройств (мониторов, принтеров) была КНР (40,7% мирового экспорта). Второе место занимали США (8,7%), третье — Гонконг (КНР) (8,2%). В десятку лидеров входили также Нидерланды, Мексика, Германия, Таиланд, Сингапур, Малайзия, Чехия

[4] Share of ICT goods as percentage of total trade, annual, 2000–2013. http://unctadstat.unctad.org/wds /TableViewer/tableView.aspx?ReportId=15849 (дата обращения: 1.06.2015).

(см. рис. 7). Сегодня два из каждых пяти компьютеров, поступающих на мировой рынок, сделаны в Китае.

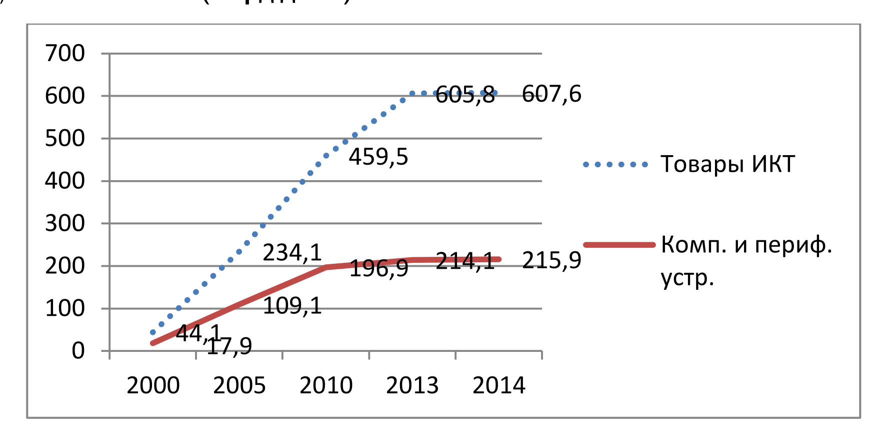
Рисунок 7. Мировой экспорт компьютерного оборудования 2014 г. (%)

Составлено по источникам к табл. 1,2.

Экспорт компьютерного оборудования из КНР увеличился с 17,9 млрд. долл. в 2000 г. до 196,9 млрд. долл. в 2010 г. и 214,1 в 2013 г. В 2014 г. он почти не возрос по сравнению с предыдущим годом, составив 215,9 млрд. долл. Следует отметить, что замедлился и рост мирового рынка компьютеров из-за насыщения рынка, из-за конкуренции смартфонов и роста мобильных подключений к Интернету.

Рисунок 8. Экспорт товаров ИКТ, в т. ч. компьютерного оборудования, из КНР, 2000-2014 гг. (млрд долл.)

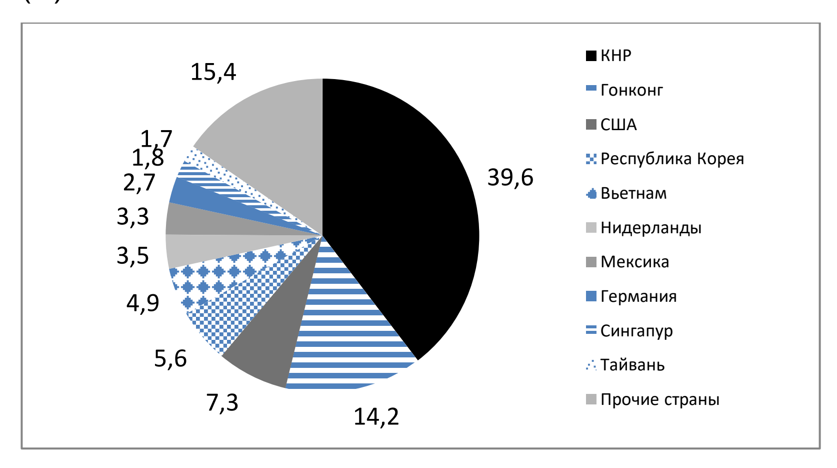

Составлено по табл. 2.

В последние годы из всех товаров ИКТ наиболее высокими темпами возрастал мировой экспорт телекоммуникационного оборудования. Он увеличился в 2000–2014 гг. с 154,7 млрд. долл. до 461,8 млрд. долл., а доля телекоммуникационного оборудования в мировом экспорте товаров ИКТ — с 15,5% до 25,1%. На развивающиеся страны Азии в 2014 г. при-

ходилось 69,7% мирового экспорта телекоммуникационного оборудования (подсч. по табл. 1).

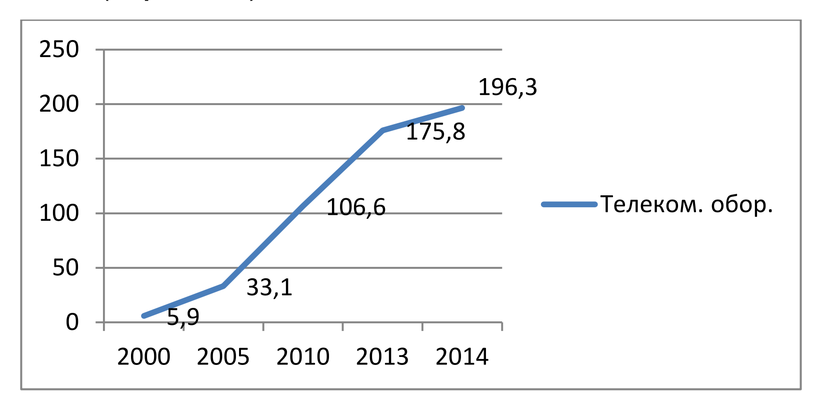
Рисунок 9. Мировой экспорт телекоммуникационного оборудования, 2014 г. (%)

Составлено по источникам к табл. 1,2.

И в мировом экспорте телекоммуникационного оборудования в 2014 г. несомненным лидером, далеко обогнавшим остальных, был Китай (39,6% мирового экспорта), вторым был Гонконг (КНР) (14,2%), третьими — США (7,3%), четвертой — Республика Корея (5,6%), пятым — Вьетнам (4,9%), В десятку лидеров входили Нидерланды, Мексика, Германия, Сингапур, Тайвань (см. рис. 9).

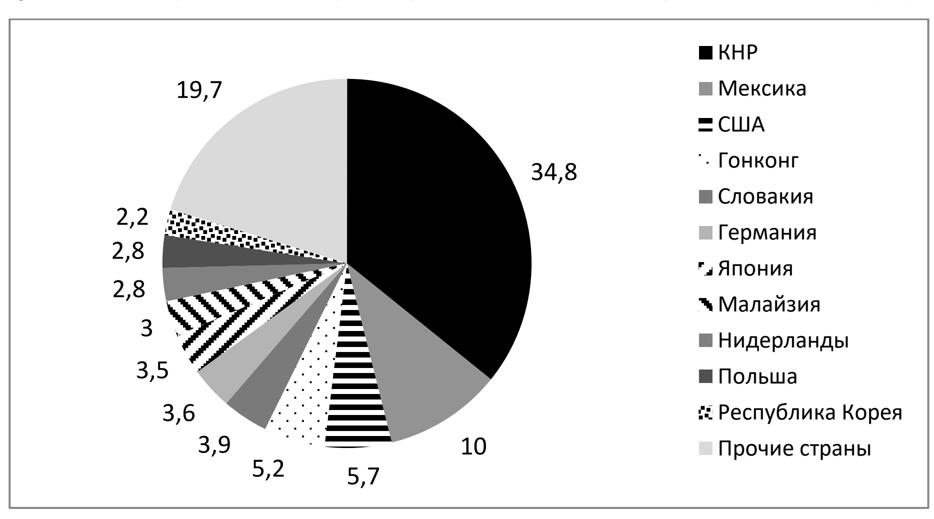
Рисунок 10. Экспорт телекоммуникационного оборудования из КНР, 2000-2014 гг. (млрд. долл.)

Составлено по табл. 2.

Экспорт телекоммуникационного оборудования из КНР увеличился в 2005-2010 гг. с 33,1 млрд. долл. до 106,6 млрд. долл., почти в 3 раза. Именно в этот период можно говорить о «революции мобильной связи», о резком скачке в распространении мобильных телефонов практически во всех странах мира. В 2010-2014 гг. экспорт мобильных телефонов из КНР возрос со 106,6 млрд. долл. до 196,3 млрд. долл., почти в 2 раза, это период распространения в мире смартфонов. Южнокорейский бренд смартфонов «Самсунг» Galaxy является одним из ведущих в мире. Но если внимательно посмотреть на аппаратуру «Самсунг», то по ярлыкам и инструкциям видно, что производится она в основном не в Южной Корее, а в КНР или во Вьетнаме (интересно еще, где производятся аккумуляторы для Galaxy Note 7). Известны и тайваньские бренды мобильных телефонов, например, HTC, но и они чаще производятся в Китае. И ноутбук «Самсунг», и телефон «Нокиа», и планшет «Асер», и телевизор «Шарп» — на всех стоит отметка «Сделано в Китае».

Рисунок 11. Мировой экспорт потребительской электроники, 2014 г. (%)

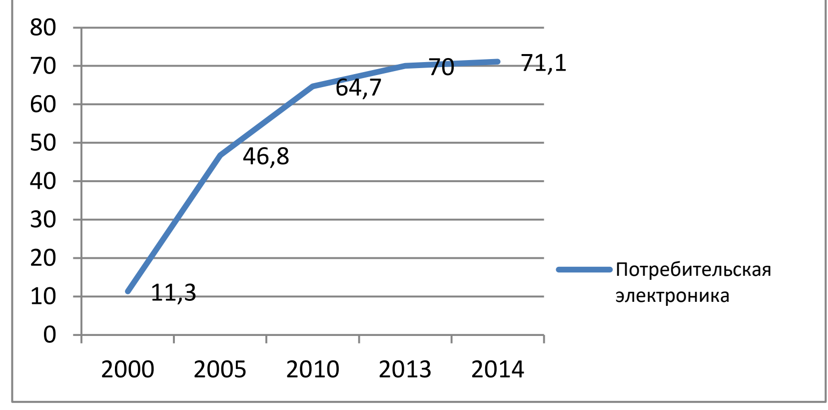

Составлено по источникам к табл. 1,2.

Мировой экспорт потребительской электроники возрастал невысокими темпами. В 2000–2013 гг. он увеличился с 105,7 млрд. долл. до 205,7 млрд. долл., а в 2014 г. даже несколько понизился — до 204,4 млрд. долл., доля этой товарной группы в экспорте товаров ИКТ почти не изменилась: 10,6% в 2000 г. и 10,3% в 2014 г. Доля развивающихся стран Азии в экспорте потребительской электроники составляла в 2014 г. 54,5%. И среди экспортеров потребительской электроники в 2014 г. лидером была КНР (34,8% мирового экспорта), Гонконг (5,2%) был четвертым. В первую десятку ведущих экспортеров входили Мексика (10,0%),

США (5,7%), Словакия (3,9%), Германия (3,6%), Япония (3,5%), Малайзия (3%), Нидерланды и Польша (по 2,8%). Экспорт потребительской электроники из КНР резко возрос в 2000-2005 гг. с 11,3 до 46,8 млрд. долл., в 4,5 раза, затем он увеличился до 64,7 млрд. долл. в 2010 г., а далее практически оставался на одном уровне (см. рис. 12).

Рисунок 12. Экспорт потребительской электроники из КНР, 2000-2014 гг. (млрд долл.)

Составлено по табл. 2.

Экспорт товаров ИКТ из КНР колоссально возрос в последние два десятилетия. Однако немалая часть товаров ИКТ в КНР производится для внутреннего рынка. Так, в 2014 г. на рынке КНР было продано 400 млн. шт. смартфонов, почти 1/3 от общего количества смартфонов, проданных в мире (1,3 млрд. шт.).

Китай в последние полтора десятилетия превратился в ведущую промышленную державу мира. В 2014 г. Китай опередил США по ВВП по паритету покупательной способности. Превзошел он США и по объему добавленной стоимости, произведенной в обрабатывающей промышленности. В 2014 г. добавленная стоимость, произведенная в обрабатывающей промышленности КНР, составила 2857,0 млрд. долл. (23,8% от общемировой добавленной стоимости, 11979,2 млрд долл.). Китай, значительно опередил по этому показателю США (2068,1 млрд. долл., 17,2% от общемировой добавленной стоимости, произведенной в обрабатывающей промышленности), не говоря уже о Японии (850,9 млрд. долл., 7,1%) и Германии (787,5 млрд. долл., 6,6%). В 2000 г. по стоимости, добавленной в обрабатывающей промышленности, Китай (384,9 млрд. долл.) занимал в мире чет-

вертое место после США (1510,2 млрд. долл.), Японии (997,9 млрд. долл.) и Германии (400,7 млрд. долл.)[5].

В 2005 г. по стоимости, добавленной в производстве радио-, телевизионного, телекоммуникационного оборудования, первое место в мире занимала Япония (20,5% мирового производства), второе — США (20,2%), третье — Китай (13,6%), четвертое — Великобритания (9,9%). К 2011 г. Китай стал первым в мире по стоимости, добавленной в производстве радио-, телевизионного, телекоммуникационного оборудования, (21,8% мирового производства), США остались на втором месте (16,8%), Япония отодвинулась на третье место (15,5%), четвертой была Южная Корея (12,8%), пятым — Тайвань (11,3%).

В мировой добавленной стоимости в производстве компьютерного и офисного оборудования в 2005 г. доля США, занимавших первое место, составляла 27%, КНР (второе место) — 19,9%, Японии (третье место) — 14,5%, Тайваня (четвертое место) — 6,1%, (пятое место) — 4,6%. К 2011 г. КНР вышла на первое место в мире по добавленной стоимости в производстве компьютерного и офисного оборудования (38,8% мировой добавленной стоимости), США переместились на второе место (23,7%), Япония осталась третьей[6].

В 2007–2011 гг. самыми высокими темпами росли 5 отраслей: черная металлургия, радио-, телевизионное, телекоммуникационное оборудование, производство компьютерного и офисного оборудования, производство электрооборудования — в этих четырех отраслях лидером был Китай, только в пятой отрасли — транспортном машиностроении — лидером были США[7].

КНР: экспорт и импорт товаров ИКТ и электронных компонентов

Важное место занимает в современных условиях международная торговля электронными компонентами. Высокий удельный вес электронных компонентов в международной торговле свидетельствует об углублении международного разделения труда. Развивается подетальное и постадийное разделение труда: в нескольких странах производятся различные виды электронных компонентов, еще в одной стране — сборка из них готовой продукции. Подетальное и постадийное разделение труда может быть

---

5 Manufacturing, value added (current US$). http://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD /countries?display=graph; http://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD/countries/1W?display=default (дата обращения:10.05.2015); WDI: Structure of manufacturing http://wdi.worldbank.org/table/4.3# (дата обращения: 8.10.2016).

6 Industrial Development Report 2013. UNIDO, 2013. P. 177.

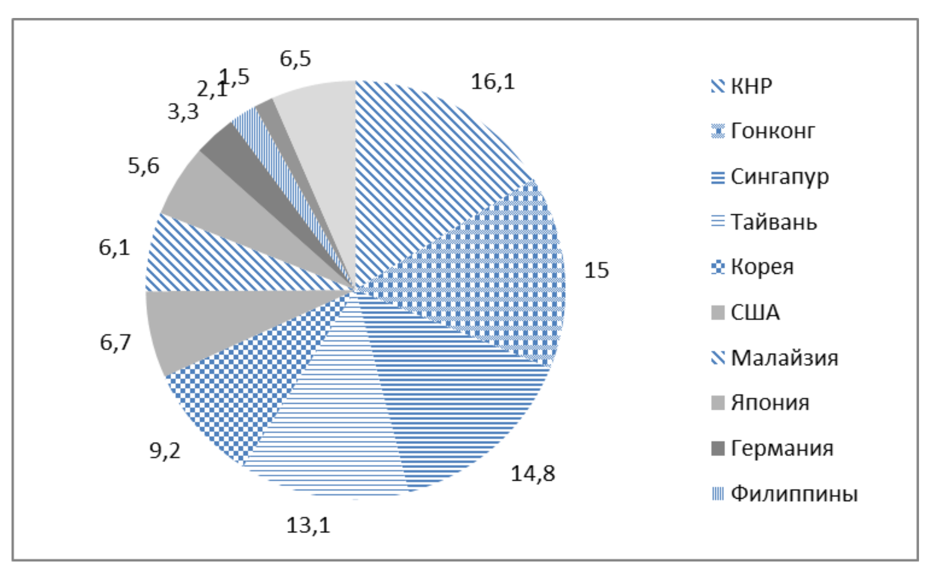
7 Industrial Development Report 2013. UNIDO. P. 176, 179.

одновременно внутрифирменным. Компоненты производятся предприятиями одной ТНК в разных странах или ее постоянными субподрядчиками, провайдерами услуг по производству электронной продукции.

В 2000 г. ведущими экспортерами электронных компонентов (ЭК) были США (66,1 млрд. долл.; 20,5% мирового экспорта), Япония (14,2%), Сингапур (11,0%), Тайвань (8,1%), Южная Корея (7,9%), Малайзия (5,7%), Гонконг, Германия, Таиланд (2,2%). Китай был десятым (2,1%).

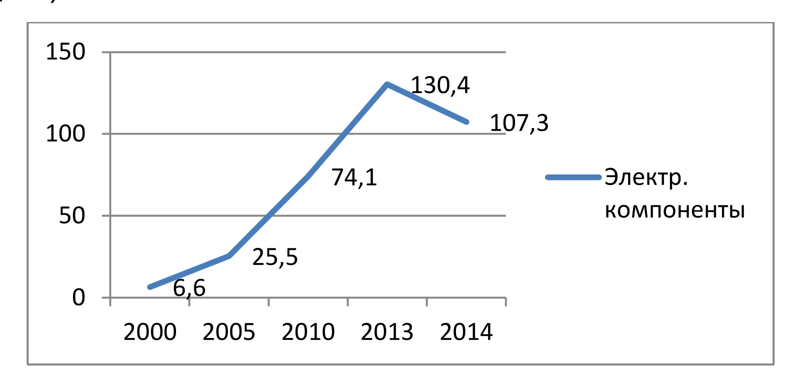
В 2013 г. ведущими экспортерами электронных компонентов были уже совсем не те страны, что в 2000 г.: Китай (19,8% мирового экспорта), Сингапур (13,9%), Гонконг (13,3%), Тайвань (11,7%), Республика Корея (8,8%). Все эти азиатские страны опережали былых лидеров. США (6,6%) переместились с первого на шестое место, Япония (5,9%) — со второго на седьмое. Малайзия (5,6%) была восьмой, Германия (3,0%) — девятой, Филиппины (1,8%) занимали десятое место (подсч. по источникам к табл. 1,2).

Рисунок 13. Ведущие экспортеры электронных компонентов, 2014 г., доля мирового экспорта (%)

В 2014 г. ведущими экспортерами электронных компонентов были, как и в 2013 г., Китай (16,1% мирового экспорта, доля несколько понизилась), Гонконг (15,0%), Сингапур (14,8%), Тайвань (13,1%), Республика Корея (9,2%). США (6,7%) занимали шестое, а Япония (5,6%) — восьмое место, Далее следовали Малайзия, Германия, Филиппины. Центр производства ЭК для товаров ИКТ переместился в страны Восточной и Юго-Восточной Азии.

Рисунок 14. Экспорт электронных компонентов из КНР, 2000-2014 гг. (млрд. долл.)

Составлено по табл. 2.

КНР в 2014 г. лидировала по экспорту электронных компонентов, но в ее экспорте товаров ИКТ они составляли только 17,7%. Специализацией КНР остаются преимущественно производство готовых изделий, сборочные операции и производства полного цикла. Экспорт электронных компонентов из КНР в 2000-2014 гг. возрос с 6,6 млрд. долл., до 107,3 млрд. долл., хотя имело место и сокращение их экспорта по сравнению с 2014 г.

Таблица 3

Экспорт товаров ИКТ и электронных компонентов (ЭК) из КНР и Гонконга: 2000, 2013 гг. (млрд. долл.).

Направление экспорта	Китай				Гонконг			
	2000		2013		2000		2013	
	товары ИКТ	ЭК	товары ИКТ	ЭК	товары ИКТ	ЭК	товары ИКТ	ЭК
Все страны	44,1	6,6	605,8	130,4	50,3	15,8	222,3	87,3
Юго-Восточная Азия	4,3	1,1	40,4	11,7	4,8	1,7	11,5	3,3
Сингапур	2,1	0,5	12,8	5,2	2,6	0,9	3,2	1,4
Малайзия			7,1	3,0	0,9	0,4	1,6	0,5
Вьетнам			7,5	1,3	…		1,6	0,4
Таиланд			5,6	0,8	0,5	0,2	2,6	0,7
Филиппины			2,1	0,6	0,6	0,2	1,4	0,3
Восточная Азия	12,6	3,3	244,5	96,4	22,4	9,7	157,2	76,6
Тайвань	0,8	0,3	16,0	9,5	2,3	1,5	5,1	2,8

Республика Корея	1,5	0,6	32,3	6,4	2,0	1,1	4,6	2,3
Китай	Х	Х	Х	Х	17,9	7,1	146,9	71,5
Гонконг	10,2	2,4	195,7	80,5	Х	Х	Х	Х

Составлено по: Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000-2013. Information Economy. http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx=15850. (дата обращения: 12.04.2015).

В 2000 г. экспорт товаров ИКТ из КНР составлял 44 млрд. долл., в страны ЮВВА (Юго-Восточной и Восточной Азии) шло 38,3% экспорта, приоритетным направлением был Гонконг. Экспорт ЭК из Китая в 2000 г. был невысоким (6,6 млрд. долл.), 2/3 из него поступало в страны ЮВВА, в т. ч. 36,4% всего экспорта — в Гонконг. В 2013 г. в страны ЮВВА направлялось 47% экспорта товаров ИКТ из КНР, в том числе 32,3% — в Гонконг. Доля электронных компонентов в экспорте товаров ИКТ составила в 2013 г. 21,5%, в 2014 г. она была еще меньше, в основном Китай экспортировал готовую продукцию. 82,9% экспорта ЭК из КНР шло в ЮВВА, 61,7% всего экспорта — в Гонконг. Китай, помимо Гонконга, вывозил ЭК преимущественно в НИС первого эшелона: на Тайвань, в Южную Корею, Сингапур.

Экспорт ЭК из Гонконга в 2000 г. составил 15,8 млрд. долл., 72,2% приходилось на страны ЮВВА, в том числе 44,9% экспорта — на Китай, 9,5% — на Тайвань, по 7,0% — на Республику Корею, Сингапур и Малайзию.

Если в 2000 г. в Китай направлялось лишь 7,1% экспорта ЭК из Южной Кореи, по 3,1% экспорта ЭК с Тайваня и из Сингапура, и у одного Гонконга была значительной доля экспорта ЭК в КНР (44,9%), то в 2013 г. Китай стал приоритетным направлением для экспорта ЭК не только из Гонконга (71,5 млрд. долл. 81,9% всего экспорта ЭК), но и из Республики Кореи (23,1 млрд. долл.; 39,7% экспорта ЭК), с Тайваня (18,9 млрд. долл.; 24,1%), Сингапура (18,3 млрд. долл.; 20,1%). Для сравнения: экспорт ЭК в Китай из США составлял 4,8 млрд. долл., из Японии — 10,6 млрд. долл., это ведущие экспортеры ЭК среди развитых стран. 37,1% взаимного экспорта 6 стран, ведущих экспортеров товаров ИКТ (КНР, Гонконга, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Малайзии) (140,5 млрд. долл.) шло в КНР и еще 37,6% — в Гонконг. Гонконг осуществляет реэкспорт электронных компонентов из разных стран региона в материковый Китай. Если делаются оценки с учетом реэкспорта (например, ВТО), то доля Гонконга в международной торговле товарами ИКТ в целом и ЭК резко снижается.

Можно утверждать, что в ЮВВА сложилось внутрирегиональное разделение труда в сфере производства товаров ИКТ, прежде всего между странами шестерки: доля взаимного экспорта ЭК достигла у них 4/5. Прежде всего потоки экспорта ЭК направляются в КНР и Гонконг. Сингапур, Тай-

вань, Южная Корея выступают в основном в качестве экспортеров ЭК. Но в них также идет значительный экспорт ЭК из стран шестерки. Китай и Гонконг поставляют в страны ЮВВА готовую продукцию, точнее Китай поставляет, а Гонконг реэкспортирует.

Если мы не будем учитывать взаимную торговлю КНР с ее специальным административным районом Гонконгом, то цифры экспорта ЭК и взаимного экспорта ЭК у шестерки заметно снизятся: в 2013 г. они составляли соответственно 321,6 млрд. долл. и 237,5 млрд. долл. Однако попрежнему доля взаимного экспорта 6 стран в общем экспорте ЭК была весьма высокой (73,8%). Главными направлениями экспорта ЭК оставались Китай (69,0 млрд. долл.; 29,1%) и Гонконг (26,3%). В страны шестерки в 2013 г. шло 48,3% экспорта ЭК Китая и 79,5% экспорта Гонконга (без их взаимного экспорта)[8].

Разделение труда между КНР, с одной стороны, и Республикой Кореей, Тайванем, Сингапуром с другой, построено на основе сравнительных преимуществ. Пока рабочая сила в материковом Китае, несмотря на рост ее стоимости, заметно дешевле, чем в этих трех странах.

В связи с фактором Гонконга встает вопрос: если вычесть взаимную торговлю материкового Китая и САР КНР Гонконга, то сохранит ли Китай свое положение мирового лидера по экспорту товаров ИКТ? Если вычесть из экспорта товаров ИКТ из КНР (605,8 млрд. долл.) в 2013 г. экспорт в Гонконг, то этот экспорт сократится на 1/3, до 410,1 млрд. долл. Если вычесть из экспорта товаров ИКТ из Гонконга (222,3 млрд. долл.) экспорт в материковый Китай, то экспорт Гонконга сократится до 75,3 млрд. долл., или на 2/3. Но соответственно общую сумму экспорта Китая в Гонконг и Гонконга в Китай (342,6 млрд. долл.), нужно вычесть и из объема мирового экспорта, экспорта развивающихся стран и экспорта стран Азии, которые с учетом этой поправки составили бы соответственно 1579,0 млрд. долл.; 1055,4 млрд. долл.; 986,0 млрд. долл. В этом случае доля развитых стран в мировом экспорте товаров ИКТ равнялась бы 33%, развивающихся стран — 66,8%, развивающихся стран Азии — 62,4%. И без экспорта в Гонконг Китай сохраняет свое лидерство, на него приходилось бы в таком случае 26,0% мирового экспорта товаров ИКТ, на Гонконг без экспорта в материковый Китай — 4,8% мирового экспорта (в десятке ведущих экспортеров он передвинулся бы на шестое место), но в этом случае правомерно было бы суммировать объем экспорта Гонконга и КНР, на которые вместе пришелся бы все тот же 31% мирового экспорта. Итак, даже при учете «фактора Гонконга», который, кстати, приводит также к завышению цифр притока ПИИ и в Китай, и в Гонконг, и в развивающиеся страны в целом, Китай и с Гонконгом, и без него сохраняет свою роль лидера в мировом экспорте товаров ИКТ, причем со значительным отрывом (по-

---

[8] Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии… С. 67

чти в 3 раза) от стран, занимающих в таком случае второе и третье места (США и Сингапура) (подсч. по ист. к табл. 1,2,4).

Таблица 4

Импорт и экспорт товаров ИКТ, в т. ч. электронных компонентов, в КНР и Гонконг, 2000–2013 гг. (млрд долл.)

	2000			2005			2013		
	экс-порт	им-порт	сальдо	экс-порт	им-порт	сальдо	экс-порт	импорт	сальдо
КНР									
Товары ИКТ	44,1	45,5	–1,4	234,1	166,8	+67,3	605,8	400,7	+205,1
ЭК	6,6	22,5	–15,9	25,5	101,6	–76,1	130,4	275,7	–145,3
Гонконг (КНР)									
Товары ИКТ	50,3	59,6	–9,3	111,9	114,7	–2,8	222,3	240,9	–18,6
ЭК	15,8	21,5	–5,7	34,4	45,6	-11,2	87,3	104,1	–16,8

Составлено по источникам к табл. 3.

В 2000 г. у Китая импорт товаров ИКТ (45 млрд. долл.) превышал экспорт (44 млрд. долл.) всего на 2%. Страна, специализировавшаяся на сборке готовой продукции, имела отрицательное сальдо по внешней торговле ЭК, которое не перекрывалось экспортом готовой продукции. Однако уже к 2005 г. ситуация кардинально изменилась, причем экспорт товаров ИКТ превысил импорт на 40%. В 2013 г. экспорт товаров ИКТ (605 млрд. долл.) превышал их импорт (400 млрд. долл.) на 50% (205 млрд. долл.). По ЭК сальдо было отрицательным, но оно с лихвой перекрывалось поступлениями от экспорта готовой продукции. Гонконг (КНР) был нетто-импортером товаров ИКТ, что связано с его особым положением центра реэкспортной торговли в составе КНР.

Таблица 5

Партнеры КНР и Гонконга по импорту товаров ИКТ (включая электронные компоненты, ЭК), 2013 г. (млрд. долл., %)

	Импорт					
	КНР			Гонконг (КНР)		
	Товары ИКТ	ЭК		Товары ИКТ	ЭК	
	млрд. долл.	млрд. долл.	%	млрд. долл.	млрд. долл.	%
Весь импорт, в т. ч.:	400,7	275,7	100	240,9	104,1	100
КНР	X	X		128,3	32,6	31,3
Тайвань	88,5	80,9	29,3	25,4	20,2	19,4

Южн. Корея	73,9	54,4	19,7	11,8	8,4	8,1
Гонконг	97,4	38,0	13,8	Х	Х	х
Малайзия	36,2	32,2	11,7	8,0	6,0	5,8
Сингапур	8,8	7,2	2,6	21,2	18,1	17,4
Филиппины	11,7	6,5	2,4	4,2	3,0	2,9
Таиланд	11,7	3,8	1,4	5,8	2,2	2,1
Вьетнам	6,6	2,8	1,0	3,4	0,1	…
Япония	25,5	18,8	6,7	11,9	6,2	6,0
США	18,2	15,4	5,6	9,2	3,7	3,6
Германия	4,6	3,4	1,2			

Составлено по источникам к табл. 3.

В 2013 г. импорт товаров ИКТ в КНР достиг 400,7 млрд. долл., 68,8% из него составляли ЭК. Из импорта ЭК в КНР 29,3% поступало с Тайваня, 19,7% — из Южной Кореи, 13,8% — из Гонконга, 11,7% — из Малайзии, 6,7% — из Японии, 5,6% — из США, 2,6% — из Сингапура, 2,4% — с Филиппин. Роль развитых стран как источников импорта ЭК была незначительной: доля Японии и США составляла только 9,3%. Первое место по поставкам комплектующих в КНР занимал Тайвань: именно тайваньские компании организовали в КНР производство электронной продукции по контрактам с западными, японскими ТНК. Южная Корея экспортировала ЭК в Китай не только для сборки продукции под южнокорейскими брендами, в частности продукции «Самсунг электроник», но и, например, микрочипы для смартфонов «Эппл».

Импорт товаров ИКТ в Гонконг в 2013 г. достиг 240,9 млрд. долл., в том числе импорт ЭК — 104,1 млрд. долл. (43,2%). Из импорта товаров ИКТ 53,1% поступало из КНР. 3/4 импорта из КНР составляла готовая продукция, ¼ — ЭК. С Тайваня, из Сингапура, Южной Кореи и Малайзии Гонконг импортирует в основном ЭК. Из импорта в Гонконг электронных компонентов 31,3% поступало из КНР, 19,4% - с Тайваня, 17,4% - из Сингапура, 8,1% - из Южной Кореи, на США вместе с Японией приходилось 9,9% (см. табл. 5).

КНР в глобальных цепочках стоимости в электронной промышленности

Рассмотрение основных направлений импорта ЭК в КНР и Гонконг и экспорта ЭК позволяет представить, как же проходят неуловимые цепочки создания стоимости. Для КНР основными источниками импорта ЭК стали страны собственного региона: Тайвань, Южная Корея, Малайзия, а также Гонконг. Экспорт электронных компонентов у КНР существенно меньше их импорта. Идет этот экспорт в основном в свой регион: в Гонконг, и в 3 новые индустриальные страны первого эшелона. Значительная

часть глобальных цепочек стоимости ограничена рамками своего региона, кроме начальной точки (НИОКР, дизайн) и конечных точек (сбыт, маркетинг, послепродажное обслуживание в разных странах).

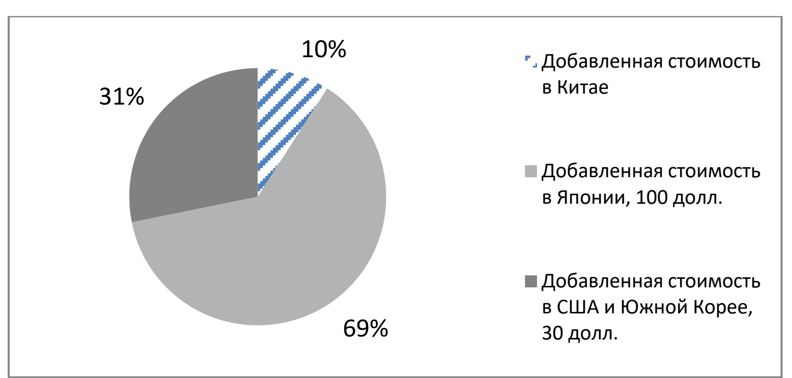
Исследовательница Кейт Дэвис поставила вопрос о том, что западные города все больше для своего выживания зависят от обширных глобальных сетей. Группа журналистов и исследователей, в которую она входила, предприняла двухнедельное путешествие по глобальной цепочке создания стоимости — от контейнеровоза в китайском порту до фабрик Шэньчженя и, наконец, шахт по добыче редкоземельных металлов во Внутренней Монголии. В Шэньчжене они посетили предприятия разного типа, выпускающие электронную продукцию[9].

По данным ЮНКТАД, среди различных отраслей в 2010 г. доля иностранной добавленной стоимости в стоимости экспорта была самой высокой в производстве компьютерного, офисного оборудования (45%). В производстве радиоприемников, телевизоров (потребительской электроники) и телекоммуникационного оборудования она равнялась 36%, а в нефтедобывающей промышленности - только 5%[10].

В конце 2000-х гг. в отпускной цене с завода одной из старых моделей айфона (144 долл.), сборка которого производилась на китайских филиалах тайваньской компании («Хон Хай»), добавленная стоимость, созданная в Китае, составляла только 14 долл., около 10%. 69% добавленной стоимости приходилось на Японию, 31% — на США и Южную Корею (см. рис. 15).

Рисунок 15. Добавленная стоимость в отгрузочной стоимости айфона.

Составлено по: Global Value Chains in a Changing World. Ed. by D. K. Elms and P. Low. WTO, Fung Global Institute and the Temasek Foundation, 2013. P. 86.

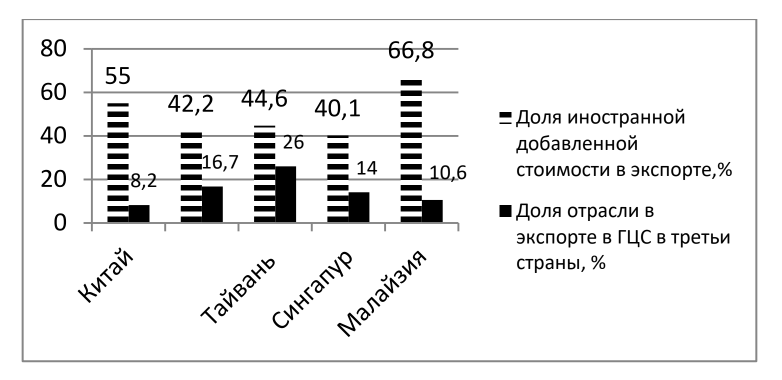
---

[9] The Changing Face of Shenzhen, the World's Gadget Factory. Written by Tim Maughan. August 19, 2015. http://motherboard.vice.com/read/beyond-foxconn-inside-shenzhen-the-worlds-gadget-factory (дата обращения: 1.10.2016).

[10] World Investment Report, 2013, U.N., N.Y.; Gen., 2013. P. 128

Однако в целом в экспорте компьютерного оборудования из Китая в 2011 г. доля добавленной стоимости, созданной в стране, повышается. Сегодня все большую долю рынка электронной продукции завоевывают сами китайские компании, причем со своими брендами. По данным ВТО (2016 г.), доля добавленной стоимости, произведенной за рубежом, в стоимости экспорта компьютерного оборудования и электроники достигла в 2011 г. в Китае 55%, в Сингапуре — 40,1%, в Республике Корее — 42,2%, на Тайване — 44,6%, в Малайзии — 66,8%. Эти данные можно интерпретировать и иначе: доля созданной в стране добавленной стоимости в экспорте компьютерного оборудования составляла в 2011 г. в Китае — 45% (что немало), в Малайзии — 33,2%, на Тайване —55,4%, в Южной Корее — 57,8%, в Сингапуре — 59,9%. Для оценки участия страны и отрасли в глобальных цепочках поставок применяется и другой показатель — восходящие связи, доля отрасли в экспорте в ГЦС — товаров соответствующей продукции, которая подвергается дальнейшей переработке в других странах. Особенно значительной была эта доля у Тайваня (26%), компании которого экспортируют ЭК и организуют сборочные производства в других странах. На втором месте находилась Южная Корея (16,7%), на третьем — Сингапур (14%). У Китая, который также экспортируют комплектующие, эта доля была ниже — 8,2% (см. рис. 16). В целом, однако, общая доля добавленной стоимости созданной в КНР, представляется немалой, это не 10%, добавленные при сборке айфона.

Рисунок 16. Глобальные цепочки создания стоимости в экспорте компьютерного оборудования и электроники в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, 2011 г.

Составлено по: WTO. Trade in Value Added and Global Value Chains. https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi (дата обращения: 20.03.2016).

Включение в глобальные цепочки стоимости стало одним из факторов успешного развития производства товаров ИКТ, электронной промышленности в Китае.

Развитие производства товаров ИКТ: прямые иностранные инвестиции и производство по контрактам

Начиналась история развития электронной промышленности в странах Азии со второй половины 1960-х гг., когда туда стали перемещаться трудоемкие ориентированные на экспорт производства обрабатывающей промышленности, в том числе и электронной промышленности (речь часто идет не о полном цикле производства, а об отдельных стадиях, например, сборке электронных устройств, производстве отдельных компонентов). ТНК стали филиалы по производству электроники со второй половины 1960-х гг. в Южной Корее, Гонконге, Сингапуре, на Тайване; в Малайзии, Таиланде, на Филиппинах.

В 1980-х гг. в процесс перемещения производств включилась КНР. В 1980–1990 гг. балансовая стоимость ПИИ во всех развивающихся странах возросла с 108,1 млрд. долл. до 529,6 млрд. долл., в 3,3 раза. В КНР она увеличилась с 0,06 млрд. долл. до 20,7 млрд. долл., в 345 раз, в Гонконге — с 1,7 млрд. долл. до 201,7 млрд. долл., в 119 раз[11].

В качестве иностранных инвесторов в КНР при этом выступали не столько ТНК из развитых стран, сколько зарубежные китайцы хуацяо, компании из стран Востока. По данным, приводимым Л. Гудошниковым и К. Кокаревым, в притоке прямых иностранных инвестиций в КНР на инвесторов из Гонконга приходилось в 1985-1990 гг. в среднем 60,7%, в 1991-1995 гг. — 58,7%, в 1996 г. — 49,5%. В провинции Гуандун доля Гонконга в притоке ПИИ колебалась от 93,7% в 1986 г. до 69,8% в 1990 г. и 78,3% в 1995 г. В этой провинции КНР на предприятиях, созданных при участии капитала из Гонконга, работало к 1998 г. от 4 до 5 млн. человек[12].

В 1990-х гг. в КНР пришли и инвесторы из развитых стран, стремительный рост инвестиций продолжился. В 1990–2000 гг. балансовая стоимость ПИИ во всех развивающихся странах возросла с 529,6 млрд. долл. до 1736,2 млрд. долл., в 3,3 раза. В КНР она увеличилась с 20,7 млрд. долл. до 193,3 млрд. долл., в 9,3 раза, в Гонконге — с 201,7 млрд. долл. до 455,5 млрд. долл., в 2,3 раза. В 2014 г. главными центрами притяжения ПИИ в ЮЮВВА по-прежнему оставались Гонконг

---

[11] Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока. С. 20-21.

[12] Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Гонконг — особая автономия Китая. М., 1999. С. 124,170–171.

(КНР) (1549,8 млрд. долл.; 31,2% балансовой стоимости в регионе), КНР (1085,3 млрд. долл.; 21,8%)[13].

Значительная часть притока ПИИ в КНР направлялась в сферу ИКТ. В 2005 г. в КНР осуществлялось 3000 проектов ПИИ в промышленности по производству телекоммуникационного, компьютерного, электронного оборудования на сумму в 21 млрд. долл. Большая часть ПИИ направлялась в производство телевизоров, ноутбуков, мобильников. Инвестиции в сферу ИКТ в КНР осуществили такие ТНК, как «Делл», «Хьюлетт Паккард», «Моторола», «Нокиа», фирмы с Тайваня. В 2004 г. в КНР действовали 3384 иностранные фирмы, производители продукции в сфере ИКТ, на них в этой сфере приходилось 21% активов, 30% общего оборота, 20% прибылей и 16% занятых[14].

Мотив для перемещения трудоемких производств в КНР – разрыв в уровне заработной платы - сохраняется и поныне. Минимальная заработная плата в США составляла 5 долл. в час, средняя зарплата – 15 долл. в час, при 8-мичасовом рабочем дне и пятидневной рабочей неделе это равно соответственно около 900 долл. и около 2600 долл. в месяц. По данным агентства «Блумберг», уровень зарплаты рабочих в обрабатывающей промышленности в 2014 г. составлял в Шанхае 450 долл. в мес., в Гуанчжоу — 400 долл., в Шэньчжене — 340 долл. Правда, в Хошимине и Ханое — только 150 долл. в месяц[15], что создает определенную конкуренцию для КНР.

Наряду с ПИИ важную роль в перемещении производств в страны Востока сыграли и продолжают играть неакционерные формы организации международного производства (НФОМП) (non-equity modes of international production). Уже в 1970-х гг. производство трудоемкой продукции на экспорт осуществлялось в странах Азии не только филиалами ТНК, но и местными предприятиями на основе субподрядов, долгосрочных контрактов о закупках, в соответствии с которыми субподрядчика обеспечивают сырьем, материалами, предоставляют ему технологию, спецификации. Заказчик строго контролирует качество той продукции, которой он дает свой бренд. Перемещение промышленных производств из Гонконга в КНР, в провинцию Гуандун происходило таким образом, что гонконгские инвесторы «переезжали» туда вместе со своей налаженной системой субподрядных связей с западными заказчиками — ТНК. Сегодня страны Востока не только привлекают ПИИ, на основе которых на их территории создаются филиалы ТНК. Они включаются в глобальные цепочки создания добавленной стоимости (ГЦС) и через производство по контрактам.

---

[13] World Investment Report, 2016, U.N., N.Y.; Gen., 2016. P. 43.

[14] Information Economy Report 2007–2008, U.N., N.Y.; Gen., 2007. P. 125.

[15] Мировая экономика и международные экономические отношения. Под ред. А.С. Булатова, Н.Н. Ливенцева. М., 2008. С. 267; China Is Set to Lose Manufacturing Crown. http://www.bloomberg.com/news/articles /2015-04-29/ china-is-set-to-lose-manufacturing -crown (дата обращения: 30.04.2015).

В мировом экспорте электронной продукции, по оценкам ЮНКТАД на 2010 г., почти половина приходится на компании с НФОМП[16]. В Докладе о международных инвестициях 2011 г. приведен список 10 ведущих компаний, работающих по контрактам в электронной промышленности: в их числе 5 тайваньских компаний, 1 гонконгская, 1 сингапурская, 2 компании из США, 1 компания из Канады.

Тайваньская Hon Hai занимала первое место среди компаний, работающих по контрактам в производстве электроники. Это — одна из крупнейших электронных компаний мира. Ее оборот в 2014 г. достиг 141 млрд. долл. В 2012 г. из общего числа занятых в «Хон Хай» в 1,29 млн человек 62,5% (806 тыс. человек) работали за пределами Тайваня, в основном в КНР, где у нее около двух десятков фабрик. «Хон Хай» открыла свой крупнейший филиал в Шэньчжене в 1988 г.

Продукция «Эппл» — престижная и дорогая, но собирается она рабочими, получающими не слишком высокую зарплату и живущими в помещениях, скорее напоминающих казарму (комната с двухъярусными койками на 8–14 человек). Как раз недавно правозащитники вновь выложили в сеть серию фотографий об условиях проживания рабочих субподрядчика «Эппл» — тайваньской компании «Пегатрон» на ее китайском предприятии. В среднем сотрудник фабрики по сборке айфонов зарабатывает в месяц 350 долл. На фото был напечатан расчет зарплаты в сумме 3264 юаня — 31,6 тыс. руб. Но из-за переработок (а это примерно 90 лишних часов в месяц, с рабочим днем до 10 часов) зарплата может превышать этот уровень[17].

Второе место среди компаний, работающих по контрактам в электронной промышленности, занимала компания Flextronics из Сингапура, она также имеет предприятия в Китае. У тайваньской компании «Кванта», субподрядчика «Асер», «Делл», «Хьюлетт Паккард», «Тошиба», «Фудзицу», «Сименс», «Леново», производственные мощности размещены в основном в Китае. Тайваньские «Вистрон», субподрядчик «Асер», «Делл», «Майкрософт», «Леново», «Хьюлетт Паккард», и «Инвентек», субподрядчик «Эппл», «Хьюлетт Паккард», «Асер», «Тошиба», «Фудзицу», «Сименс», «Леново», также имеют предприятия в КНР.

Американская Jabil выполняет контракты по производству для таких компаний как Alcatel Lucent, Intel, Phillips, в Китае она имеет филиалы в Шанхае, Янтае, Ченду, в Гонконге[18]. Среди клиентов гонконгской компании TPV — Dell, HP, IBM, Mitsubishi Electric. 69% продукции выпускается по контрактам (производство по дизайну заказчика — ODM, Original De-

---

[16] World Investment Report 2011. P. 154–156. Здесь и далее данные о компаниях взяты из: World Investment Report 2011, Annex, Table IV.1; http://www.forbes.com/global2000/list/#tab:overall (дата обращения: 1.06.2016).

[17] https://hi-tech.mail.ru/news/pegatron-photo/?frommail=1 (1.09.2016).

[18] http://www.jabil.com/ (дата обращения: 1.10.2015).

sign Manufacturing), остальные 31% — это производство под собственным брендом компании OBM (Own Brand Manufacturing): мониторы для компьютеров AOC Topview, телевизоры LDC. Свою продукцию TPV производит в основном на заводах, расположенных в материковом Китае. У канадской компании Celestica и у американской компании Sanmina SCI (№ 10 в списке провайдеров), субподрядчика IBM, Lenovo, HP, Cisco, Dell, Nokia, Caterpillar, также есть фабрики в КНР[19]. И западные ТНК, и ТНК из стран Востока, работающие по заказам крупнейших компаний электронной отрасли, имеют производственную базу прежде всего в КНР[20].

Производство товаров ИКТ в КНР: типы производителей

Производителями товаров сферы ИКТ в КНР являются и филиалы иностранных ТНК из развитых стран, из стран Востока, и национальные компании, частные и государственные. Не стоит впадать в ультраимпериализм (от которого предостерегал еще В.И. Ленин): в сфере производства товаров ИКТ немалую роль играет также малый и средний бизнес. Более того новые информационные технологии в силу самой своей специфики способствовали «ренессансу малого бизнеса» (правда, термин этот применяется в основном в отношении развитых стран). Наиболее успешные из предприятий малого бизнеса компании–стартапы стремительно трансформируются в крупные компании: таков недавний пример китайской компании «Сяоми».

О многоуровневой («многоукладной») структуре электронной промышленности КНР можно судить на примере одного из центров электронной промышленности КНР — Шэньчженя, который из рыбацкого порта с населением в 300 тыс. человек в конце 1970-х гг., став одной из 4 первых СЭЗ, трансформировался в город с 15-миллионным населением в 2015 г. «Шэньчжень — это одно из тех мест на планете, где мир с высокой плотностью сжимается в одной точке, это артефакт современной глобальной цепочки поставок»[21], пишут исследователи, «прошедшие по цепочке создания стоимости».

В Шэньчжене представлены различные сегменты электронной промышленности. Это филиалы западных ТНК, например, «Хьюлетт-Паккард», ТНК из стран Востока — «Самсунг электроникс». Наибольшую известность получило в Шэньчжене производство айфонов и айпадов по контракту с американской «Эппл» на предприятиях тайваньской «Хон Хай» («Фоксконн») в промышленном парке Лунхуа, где было занято до полумиллиона человек. Правда, известным оно стало скорее по антирекламе — в газете «Нью-Йорк

[19] World Investment Report 2011. P. 219.

[20] См. подр.: Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока: ПИИ и глобальные производственные сети // Восточная аналитика. Ежегодник 2012 г. М.: ИВ РАН, 2012.

[21] The Changing Face of Shenzhen…

Таймс» писали о массовых самоубийствах на фабриках Хон Хай, о длинном рабочем дне, низких зарплатах, плохих условиях проживания в общежитиях, похожих на казармы.

Кстати, уже с 2012 г. «Фоксконн» стала перебазировать производство во внутренние районы КНР в Чжэнчжоу (провинция Хэнань). В начале 2016 г. там уже производилось 70% выпускаемых «Хон Хай» айфонов. Число занятых на фабрике в Чжэнчжоу составило 110 тыс. человек, некоторые переехали туда из Шэньчженя. Зарплата в 2016 г. равнялась 316-474 долл. в мес.[22]. В провинции Цзянсу «Фоксконн» развивает «технологический туризм», предлагая туристам посетить ее фабрику. Туристам будут продемонстрированы ясли для малышей, игровая площадка для детей постарше, самодеятельный театр, центр по тестированию и торговый центр по продаже продукции[23].

Наряду с иностранными ТНК в производстве электроники в Шэньчжене действуют и крупнейшие китайские электронные корпорации: ZTE, Huawei, TCL. Промышленный парк TCL LCD — одно из крупнейших в мире предприятий по производству телевизоров. Он находится в часе езды от финансового центра Шэньчженя с его небоскребами. В 2004 г. TCL приобрела компанию Thompson, а той принадлежала RCA, первая в США компания по производству телевизоров. На территории промышленного парка находится музей телевидения. «Открытые для взглядов посетителей производственные линии завода наполовину автоматизированы. Помещение чистое, хорошо освещенное, с высокими потолками. Зарплата составляет в среднем 3000 юаней (около 484 долл.) при 6-дневной рабочей неделе и 8-часовом рабочем дне. Посетителей допускают и в один из 3 кафетериев завода, похожий на ресторан фаст-фуд, рабочие молодые, но старше 16 лет». Сегодня TCL наряду с другими китайскими компаниями стала размещать производство в других странах: например, в Польше, где зарплата составляет 350 евро в месяц. Крупная СЭЗ с привлечением китайского капитала есть и в Беларуси.

Шэньчжень стал и центром создания стартапов электронной промышленности или развития стартапов, созданных в развитых странах. Каждый день в городе регистрируется сотня новых компаний. Некоторые из стартапов, действующих в Шэньчжене, добились успеха, например, интересный стартап Petcube.

Не все фабрики в Шэньчжене похожи на Foxconn TCL. Маленькая фабрика Shenzhen Yuwei Information and Technology Development Co., Ltd, на которой занято около 200 человек, выпускает GPS устройства. Многие из таких малых предприятий производят электронные компоненты. Зарплата

[22] http://micgadget.com/26325/70-of-iphone-production-now-comes-from-foxconns-zhengzhou-plant/

[23] Get the Foxconn experience with new tourist factory. By Luke Dormehl . January 19, 2016 http://www.cultofmac.com/407687/get-the-foxconn-experience-with-new-tourist-factory/

на фабрике Yuwei составляла в 2015 г. 2000 юаней (320 долл.). «В цеху, где рабочие работают на конвейере, отбраковывая дефектную продукцию, душно и довольно темно. В обеденный перерыв конвейер останавливается, рабочие идут строем в столовую через металлические детекторы, проверяющие, не выносят ли они производимые устройства. Столовая, с деревянными столами и скамьями, с облупившейся краской на стенах, сильно отличается от сверкающего чистотой кафетерия TCL». В паре минут ходьбы от фабрики находится четырехэтажное бетонное здание общежития. Кейт Дэвис отмечает: «На фоне всех вещей, которые они производят для отгрузки к нам, в наши дома, где мы жалуемся, что уже не знаем, куда их класть, убожество этих общежитий отрезвляет, здесь нет ничего, кроме афиши, пары ботинок, бутылки с водой, пластмассового стула и двухъярусных кроватей без матрасов»[24]. У «Фоксконн» условия были не хуже. Проблема только в том, что производила «Фоксконн» престижную и дорогую продукцию.

Шэньчжень является также центром индустрии «шэньчжай» по производству мобильных телефонов и другой электронной аппаратуры: зарубежная технология копируется, бренды могут быть и чужими, и своими, или продукция может продаваться «без имени», no name. В продукцию могут вноситься небольшие инновации, адаптирующие ее к вкусам потребителей, но, по сути, нередко — это контрафактная продукция, хотя в статье в британском журнале «Экономист» «шэньчжай» называют китайским видом инноваций. В 2009 г. в Шэньчжене насчитывалось 30000 мелких предприятий, работавших по системе шэньчжай. На контрафактную продукцию (не только из Шэньчженя и не только из Китая) в 2009 г. приходилось 13% мобильников, продаваемых в мире[25]. Особенно большим спросом она пользуется в странах с низкими доходами.

Китайские ТНК сферы ИКТ

В октябре 2016 г. «Гугл» вышел на рынок с новым смартфоном, конкурируя с другим американским производителем — компанией «Эппл». В статье «Игра смартфонов», названной по аналогии с популярным телесериалом «Игра престолов», американский автор Джейсон Перлоу, сравнивает конкуренцию между «Эппл» и «Гугл» с войной за «Железный трон» и считает, что настоящая угроза для Вестероса исходит от «ледяных ходоков из-за Стены», к которым он относит китайские компании[26].

Если к началу 2000-х гг. в экспорте электронной продукции из КНР доминировали филиалы западных, японских ТНК, ТНК с Тайваня, из Юж-

[24] The Changing Face of Shenzhen…

[25] Information Economy Report 2010. , U.N., N.Y.; Gen., 2010. P. 46

[26] Game of Smartphones: Why neither Apple nor Google can win this war with China. Jason Perlow for Tech Broiler. June 30, 2016. http://www.zdnet.com/article/game-of-smartphones-neither-apple-nor-google-can-win-this-war-with-china/ (дата обращения: 1.07.2016).

ной Кореи, то к середине 2010-х гг. мы можем говорить о том, что в число лидеров на рынках компьютерного, телекоммуникационного оборудования вошли китайские ТНК.

На мировом рынке персональных компьютеров (куда входят настольные компьютеры, ноутбуки, рабочие станции, но не серверы и планшеты) в 2014–2015 гг. первое место занимала китайская компания «Леново»: в 2015 г. ее продажи достигли 57,2 млн шт., доля рынка — 20,7%, в 2014 г. ею было продано 59,3 млн шт. (19,2% рынка). В целом рынок персональных компьютеров переживает не лучшие времена, можно говорить о его насыщении: продажи компьютеров с 2014 по 2015 г. упали на 10,4%, с 308,4 млн шт. до 276,2 млн шт. Однако у «Леново» продажи сократились на 3,6%, меньше ,чем рынок в целом.

«Леново» опередила американские компании «Хьюлетт-Паккард» (19,4% проданных персональных компьютеров), «Делл» (14,1%), «Эппл» (7,5%), которые находились в 2015 г. на втором, третьем, четвертом местах. Пятой была тайваньская компания «Эйсер» (7,1% рынка)[27].

Общее число проданных в мире планшетов сократилось с 230,1 млн. шт. в 2014 г. до 206,8 млн шт. в 2015 г. На мировом рынке планшетов в 2015 г. «Леново» была третьей (5,4%) после «Эппл» (24,0%) и «Самсунг электроникс» (далее просто «Самсунг») (16,2%). Китайская «Хуавей» (3,1%) занимала пятое место, после тайваньской «Асус» (3,4%). В 2014 г. доля «Эппл», «Самсунг» и «Асус» была выше, чем в 2015 г.: соответственно 27,6%, 17,3% и 5,1%, а доля «Леново» и «Хуавей» – ниже: 4,9% и 1,3%[28]. Среди пяти лидеров мирового рынка планшетов - две китайских компании.

По данным исследовательской фирмы «Гартнер», в 2014 г. совокупные продажи мобильных телефонов в мире составили 1,88 млрд. шт., в т. ч. 1,3 млрд. смартфонов и 0,58 млрд. шт. обычных телефонов. На четвертое место в рейтинге крупнейших продавцов мобильников вышла «Леново». Количество проданных ею за 2014 г. телефонов достигло 84 млн. шт. (4,5% рынка), тогда как в 2013 г. продажи составили 66,5 млн. шт. (3,7%). Ее опережали «Самсунг электроникс» (392,5 млн. шт.), у которой число проданных телефонов резко сократилось по сравнению с 2013 г. (444,5 млн. шт.), а рыночная доля понизилась с 24,6% до 20,9%, а также «Эппл» (191,4 млн. проданных айфонов, 10,2% рынка против 8,3% годом ранее). «Майкрософт/Нокиа» заняла третье место (185,7 млн шт.,), что на 65 млн шт. меньше в сравнении с 2013 г. (9,9% мирового рынка мобильных телефонов). Доля южнокорейской LG (5-е место) составила 4%. Места с шестого по девятое в 2014 г. занимали китайские компании «Хуавей» (3,8%), TCL (3,4%), «Сяоми» (3%), ZTE (2,9%), десятое–

[27] IDC Worldwide Quarterly PC Tracker, January 12, 2016. http://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS40909316 (дата обращения: 2.09.2016).

[28] http://venturebeat.com/2016/02/01/idc-tablet-shipments-decline-10-1-in-2015-leaders-apple-and-samsung-both-lose-market-share/(дата обращения: 1.09.2016).

одиннадцатое места поделили японская «Сони» и индийская «Micromax» (по 2%)[29]. Всего в числе 11 лидеров были 5 китайских компаний.

На смартфоны в 2014 г. пришлось 2/3, а в 2015 г. — 80% проданных в мире мобильных телефонов[30]. По данным International Data Corporation (IDC), в 2015 г. в мире было продано 1,43 млрд. смартфонов, на 10,1% больше, чем в 2014 г. Первой была компания «Самсунг», второй — «Эппл», три другие компании среди 5 лидеров — китайские. «Самсунг» осталась лидером на мировом рынке смартфонов (324,8 млн. шт.), но по сравнению с 318,2 млн шт. в 2014 г., продажи возросли только на 2,1%, а доля на мировом рынке смартфонов (по числу проданных смартфонов) сократилась с 24,4 до 22,7%. Продажи «Эппл» возросли в 2015 г. до 231,5 млн. шт., на 20,2% по сравнению с 192,7 млн шт. в 2014 г., доля «Эппл» на мировом рынке смартфонов — с 14,8% до 16,2%.

Наиболее высокими были темпы роста продаж смартфонов у «Хуавей» — рост на 37%, она стала четвертым в мире производителем мобильных телефонов, чьи продажи перешли рубеж в 100 млн шт. (после «Нокиа», «Самсунг» и «Эппл»). «Хуавей» увеличила продажи смартфонов с 73,8 млн. шт. до 106,6 млн. шт., на 44,3%, а ее доля на рынке смартфонов возросла с 5,7% до 7,4%. Четвертой была на рынке компания «Леново», которая в 2014 г. купила американскую компанию «Моторола». Продажи смартфонов «Леново» повысились с 59,4 млн шт. до 74,0 млн шт., на 24,5%, а ее доля на рынке — с 4,6% до 5,2%[31]. Название бренда «Моторола» будет сокращено до «Мото» и будет использоваться для престижных моделей, а собственный бренд «Леново» — для более дешевых моделей. Китайская компания «Сяоми», созданная всего несколько лет назад, занимала в 2015 г. на мировом рынке смартфонов пятое место, 90% ее продаж приходилось на китайский рынок, несмотря на значительный рост продаж в Индии и выход на рынок Бразилии. Ее отрыв от компании LG, занимающей шестое место, увеличился по сравнению с 2014 г. У «Сяоми» число проданных смартфонов в 2014–2015 гг. возросло с 57,7 млн. шт. до 70,8 млн шт., на 22,8%, а доля на мировом рынке — с 4,4% до 4,9%. «Сяоми» постепенно наряду с производством самых дешевых смартфонов переключается на модели среднего диапазона цен.

Итак, китайские «Леново», «Хуавей», «Сяоми», ZTE, TCL заняли весьма заметные позиции на рынках компьютерного и телекоммуникационного оборудования. Любопытно, что три американские компании-лидера рынков компьютерного и телекоммуникационного оборудования — «Эппл»,

[29] http://www.dailycomm.ru/m/30481/ (дата обращения: 1.09.2016).

[30] https://www.strategyanalytics.com/strategy-analytics/news/strategy-analytics-press-releases/strategy-analytics-press-release/2015/07/30/huawei-becomes-world's-3rd-largest-mobile-phone-vendor-in-q2-2015#.V8Phe2wkrIU (дата обращения: 2.09.2016).

[31] IDC Worldwide Quarterly Mobile Phone Tracker, January 27, 2016.https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS40980416 (дата обращения: 1.09.2016).

«Делл» и «Хьюлетт-Паккард» широко используют на контракты о производстве, которые осуществляются тайваньскими и другими компаниями в основном в КНР.

Таблица 6

Ведущие компании из КНР и Гонконга (КНР) по производству товаров сферы ИКТ, по отраслям 2013–2015 гг. (Рейтинг «Форбс»).

	Название компании	Страна	Место в рейтинге «Форбс»		Место в рейтинге отрасли		Оборот млрд. долл.		Рыночная капитализация млрд. долл.	
			2014	2016	2014	2016	2013	2015	2013	2015
Производство компьютерного оборудования										
1	Legend Holding-	КНР		611		4		49,3		5,9
2	Lenovo Group	КНР	566	840	3	6	37,2	47,1	11,9	9,1
	Focus Media-Information Techn.	КНР		1738		12		1,3		20,9
	Great Wall Computers	КНР	1740	1922		14		11,6		2,5
Производство электронного оборудования										
7	Hikvision	КНР	1572	1098	22	15	1,5	4,1	11,4/	19,5
8	BOE Technology Group	КНР	1668	856	25	8	5,4	7,7	4,8	12,9
Потребительская электроника										
2	TCL Corp	КНР	1335	1015	8	5	13,8	16,4	3,5	6,8
3	Great Wall Technology	КНР	1740		12		15,1		0,5	8,8
Производство телекоммуникационного оборудования										
2	ZTE	Гонконг (КНР)	1220	776	8	5	12,1	15,7	7,2	8,5
Производство устройств для хранения данных										
	TPV	Гонконг (КНР)		1976		6		0,4		11

Составлено по: http://www.forbes.com/global2000/list (даты обращения: 15.09.2014; 1.06.2016)

Электронные компании из КНР входят в ведущие международные рейтинги «Форбс», «Форчун», ЮНКТАД, хотя они и уступают по обороту «Самсунг электроникс» и тайваньской «Хон Хай». В рейтинге «Форбс» 2016 г. фигурировало 10 китайских (и гонконгских) компаний по производству товаров ИКТ (см. табл. 6).

«Леново» называют «капитализм с китайским лицом». Компания была создана в 1984 г.; ее основатели — десяток ученых из Института компью-

терных технологий Академии наук КНР, которым сказали, чтобы они искали возможности зарабатывать деньги. Сначала они торговали импортной аппаратурой, потом стали заниматься проблемой использования китайских иероглифов в текстовых редакторах компьютеров IBM, разработкой китайского контента, затем перешли к производству собственных компьютеров. Впоследствии «Леново» провела IPO на Гонконгской бирже. Основной акционер «Леново» — подконтрольная Китайской академии наук «Леджендхолдингс» (41,5%) (в 2016 г. была включена в рейтинг «Форбс»), небольшой процент акций находится у американских инвестиционных фондов, более половины акций торгуется на фондовых биржах[32].

«Леново» начала свою деятельность с установки китайского контента на компьютеры IBM. В 2005 г. она купила предприятие IBM по производству персональных компьютеров в США. Операционные центры, центры сбыта «Леново» находятся в США, Китае, Сингапуре и Франции. Производственные центры компании размещены в Китае, США, Индии, Мексике, центры НИОКР — в КНР, США, Японии[33]. «Леново» расширяет свои позиции. В 2014 г. она выкупила у «Гугл» компанию «Моторола мобилити» по производству мобильных телефонов и фабрику по производству серверов у IBM.

Китайская компания «Сяоми» — это новая «история успеха» в сфере ИКТ. Компания заняла лидирующие позиции на мировом рынке смартфонов за кратчайший срок. Она была создана в 2010 г., в 2011 г. вышла на рынок смартфонов, а в 2015 г. входила в первую пятерку компаний на мировом рынке смартфонов[34].

Среди ТНК из КНР в целом немало государственных корпораций. Специфика китайских компаний по производству товаров ИКТ — чаще не прямое участие государства в капитале, а активная роль государства или государственных («бюджетных») учреждений в их становлении. «Леново» была создана сотрудниками Китайской Академии наук, ZTE — группой инвесторов, связанных с Министерством аэрокосмической промышленности КНР. «Чайна электроникс корпорейшн» (CEC), вошедшая в рейтинг «Форчун» 2014 г., — государственная компания. Она была создана в 1989 г., а в 2001 г. выкупила у голландской «Филипс» ее долю в их совместной компании по производству мобильных телефонов. Компания производит компьютеры, телекоммуникационное оборудование, полупроводники. Компания TCL Communication создана в 1999 г., хотя головная компания TCL существует с 1980-х гг. Аббревиатура TCL сначала расшифровывалась как Telecom Communications Ltd., позднее была предложена расшифровка The Creative Life (Креативная жизнь). TCL первоначально была полностью государственной компанией. Впоследствии

[32] http://www.lenovo.com/lenovo/us/en/locations.shtml (дата обращения: 3.03.2015).
[33] http://www.lenovo.com/lenovo/us/en/locations.shtml (дата обращения: 3.03.2015).
[34] http://www.mi.com/en/about/ (дата обращения: 10.09.2015).

часть акций была выпущена для продажи на фондовую биржу Гонконга, сегодня в капитале компании участвуют и частные инвесторы. В 2015 г. TCL продала 80 млн. шт. мобильных телефонов и других устройств (планшетов, носимых устройств), в т.ч. 44,5 млн. смартфонов. Компания выпускает продукцию под собственным брендом и под брендом компании «Алкатель», с которой имеет контракт о производстве. По данным «Гартнер», TCL заняла в 2015 г. 8-е место среди производителей смартфонов, 7-е место — среди производителей планшетов[35].

Отмечалась такая тенденция: проработав некоторое время в компьютерных фирмах в США и накопив определенную сумму денег, многие индийцы и китайцы вкладывали средства и использовали свой опыт для создания венчурных компаний в сфере высоких технологий у себя на родине[36]. В 2015 г. обратили на себя внимание новые китайские предприниматели. Компанию «Сяоми» называют китайской «Эппл», а ее основателя Лэй Чжуна — китайским Стивом Джобсом. Лэй Чжун был в 2016 г. 107-м в рейтинге миллиардеров «Форбс»[37]. Другой основатель компании «Сяоми» Линь Бинь также вошел в рейтинг «Форбс» 2016 г. Закончив Университет Сунь Ятсена (Гуанчжоу) в 1990 г., Линь Бинь поехал продолжать образование в США, где получил степень магистра компьютерных наук, после чего работал инженером в «Майкрософт», где участвовал в разработке «Виндоуз Виста». С 2006 г. он работал в «Гугл», сначала в США, а затем в Китае, где руководил созданием и работой подразделения «Гугл» по локализации платформы «Андроид» и мобильной поисковой системы «Гугл» в Китае[38]. Среди остальных учредителей компании фигурируют китайцы, которые учились в американских университетах, работали в компаниях «Майкрософт», «Гугл», «Моторола»[39].

Новые предприниматели из Китая заняли важное место среди миллиардеров сферы ИКТ, выделенной в рейтинге миллиардеров «Форбс» 2016 г.

Перспективы развития производства товаров ИКТ в Китае

«Уже сегодня в электронной промышленности, в производстве товаров ИКТ наиболее отчетливо проявляется конкуренция дешевого труда и робототехники. Современные сотовые телефоны и айпады могут производить как автоматы (у финской фирмы «Нокиа»), так и сотни тысяч людей:

---

35 http://www.tclcom.com/?page=company_profile; http://www.tclcom.com/?page=milestones (дата обращения: 1.09.2016).

36 Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М.: ИВ РАН, 2011. С. 234.

37 http://www.forbes.com/profile/lei-jun/ (дата обращения: 11.11.2015).

38 http://www.forbes.com/profile/lin-bin/ (дата обращения: 11.11.2015).

39 http://www.mi.com/en/founder/ (дата обращения: 11.11.2015).

фирма «Фоксконн», отмечает А.В. Акимов[40]. «Фоксконн» («Хон Хай») долгое время ориентировалась на использование дешевой рабочей силы в трудоемких производствах электронной промышленности. Однако (после скандальных публикаций о самоубийствах, плохих условиях труда и проживания в общежитиях) в 2011 г. президент «Фоксконн» Терри Го заявил, что компания намеревается широко применять роботов на своих заводах в КНР. Уже в 2013 г. на заводах «Фоксконн» в КНР использовались 10 тыс. роботов[41].

«Хон Хай» по контракту о производстве с французской «Альдебаран» и японской «Софтбэнк», уже производит в Китае разработанную этими фирмами модель эмоционального робота Пеппер. Робот высотой 120 см, способен реагировать на слова и, к тому же, связан с облачной платформой. «Этот робот может быть няней для детей и сторожем вашего дома»[42]. Еще он используется в некоторых фирмах в качестве сопровождающего для посетителей. Благодаря тому, что робот производится в Китае, цена его относительно доступная — около 2 тыс. долл., у других роботов такого типа она равна 10-20 тыс. долл.

«Хон Хай» выпускает в Китае не только роботов Пеппер, но и автоматические руки для сборочных операций, и 48 тыс. таких рук были установлены на ее заводах, в том числе 2000 — на фабрике в Куншане[43]. В мае 2016 г. в интервью английской Би-Би-Си было объявлено о сокращении 60 тыс. рабочих на одной из фабрик «Фоксконн» в Куншане (КНР) в связи с автоматизацией и говорилось о том, что рабочим будет предложена профессиональная переподготовка[44].

Ситуация на китайском рынке труда меняется. «Рабочие 1970-х гг. рождения имели низкий уровень образования, они росли в тот период, когда Китай еще был закрытым от внешнего мира. Рабочие 1980-х гг. рождения имели более высокий уровень технической подготовки и ориентировались на работу только в определенной отрасли промышленности. Те, кто родился в 1990-х гг., даже не хотят работать. Даже многие из тех, кто закончил колледж, не знают, чего хотят. Единственные дети в семье избалованы, из них получаются очень нестабильные работники. Стабильные работники — это роботы». Evenwin Precision Technology, китай-

[40] См. подр.: Акимов А.В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке // Восток (Oriens). 2015. № 1.

[41] http://www.everything-robotic.com/2011/11/huge-employer-in-china-makes-big-step.html; http://knowledge.ckgsb.edu.cn/2013/01/23/china/ chinas-manufacturing-metropolises-inside-foxconn (дата обращения: 20.04.2015).

[42] http://www.zdnet.com/article/softbank-aldebaran-launch-pepper-an-emotional-robot/ (дата обращения: 1.06.2016).

[43] Hon Hai to focus on IoT technologies and robots. http://www.taipeitimes.com/News/biz/archives / 2015/12/17/2003634954 (дата обращения: 1.06.2016).

[44] http://www.bbc.com/news/technology-36376966 (дата обращения: 1.07.2016).

ская компания электронной промышленности из Шэньчженя, в 2015 г. уволила 90% рабочих, заменила их роботами. Из 650 рабочих осталось 60, в основном инженеры, учетчики, которые следят за автоматическими производственными линиями, и это число может сократиться до 20 сотрудников. Роботы произвели продукции в 3 раза больше, чем производили раньше 650 рабочих. Процент продукции с дефектами сократился с 25% до 5%. По данным Международной федерации робототехники, в 2014 г. КНР стала крупнейшим рынком по закупкам промышленных роботов. Однако число роботов на одного рабочего остается относительно невысоким: 30 роботов на 10 000 рабочих в обрабатывающей промышленности. В Японии этот коэффициент в 11 раз выше[45].

Если автоматизация и роботизация будут повсеместными, то это приведет к сжатию глобальных цепочек стоимости в электронной промышленности и в целом к кардинальным сдвигам в существующей системе международного разделения труда, к закрытию предприятий, к сокращению рабочих мест. Однако полного отказа от ставки на дешевую рабочую силу, на мой взгляд, не будет, обе тенденции будут действовать разнонаправленно и одновременно, а результатом станет вектор, полученный при сложении этих сил. У КНР намечается несколько ответов на эти новые вызовы:

Во-первых, возможно перемещение трудоемких производств во внутренние районы КНР, с более низкой зарплатой и с рабочей силой, готовой на уступки (что уже сегодня делает «Фоксконн»). Китайские компании также расширяют географию зарубежных инвестиций, создавая филиалы в странах с дешевой рабочей силой (в том числе и в Восточной Европе), вблизи от рынков сбыта.

Во-вторых, возможна переориентация промышленности на региональный рынок. В производстве товаров ИКТ уже сложилось к настоящему времени разделение труда между самими азиатскими странами, одни (Тайвань, Республика Корея) выступают в нем как поставщики электронных компонентов, другие (Китай, Вьетнам) производят сборку готовых изделий из импортированных компонентов, а затем экспортируют их, в том числе и в страны своего региона. Доля взаимного экспорта в экспорте электронных компонентов у стран шестерки ведущих экспортеров товаров ИКТ: КНР, Гонконга (КНР), Тайваня (провинции КНР), Сингапура, Республики Кореи в 2013 г. достигла почти 4/5. В регионе усилились процессы межгосударственной экономической интеграции. Китай не участвует в Транс-Тихоокеанском Партнерстве. Однако ведутся переговоры о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства с участием 16 стран, в том числе и КНР. На уровне микроэкономики регион отличается одним из

---

[45] A Chinese factory replaced 90% of its employees with robots – production soared soon after. August 3, 2015 http://www.zmescience.com/research/technology/chinese-factory-sacks-people-gets-robots-0523534/ (дата обращения: 1.10.2016).

самых высоких уровней интеграции в мире: он весь буквально «опутан», как сетью, глобальными цепочками стоимости, в частности в электронной промышленности, причем цепочки не всегда совпадают с рамками межгосударственных интеграционных объединений.

В-третьих, сфера производства товаров ИКТ также может быть частично переориентирована на внутренний рынок. Собственно говоря, в Китае уже сегодня немалая часть товаров ИКТ производится для растущего внутреннего рынка. Китайские производители действуют преимущественно в низшей и средней ценовых категориях, рассчитанных на покупателей с невысокими доходами, но именно такие потребители и составляют большинство населения, и не только в странах Востока, спрос на такие товары сохранится.

И, наконец, в-четвертых, сам Китай в будущем столкнется с проблемой старения населения, в нем сейчас входит на рынок труда новое поколение работников, менее послушных и имеющих большие требования в отношении зарплаты, условий труда. Главное состоит в том, что уже сегодня Китай активно развивает роботизацию и автоматизацию, в том числе и в электронной промышленности[46]. Стремление компаний сохранять таким образом свою конкурентоспособность поддерживает и государство.

Если на смену длинной глобальной цепочке поставок придет автоматизированное производство в одной стране, то и это производство может размещаться не только в странах Запада и Японии, но и вблизи от рынков сбыта и, в частности, в Китае. Во всяком случае, Китай уже сегодня делает ставку на внедрение автоматизации в производство.

Важно то, что Китай, китайские компании активно включились в новый виток научно-технического прогресса — развитие роботизации и автоматизации. Опыт Китая следовало бы учесть и другим странам (в частности, России). Суть вопроса заключается не в производстве демо-версий роботов, а во внедрении робототехники и автоматизации в промышленность и другие отрасли экономики.

[46] См. подр.: Акимов А.В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке // Восток (Oriens). 2015. № 1.

Максимова Е.И.[*]

Машиностроительная индустрии Китая и ее перспективы

Аннотация. Оценка текущего состояния и прогноз дальнейшего развития ключевой для Китая машиностроительной промышленности имеет особое значение в условиях кризисного состояния мировой экономики .
В статье представлен анализ основных экономических показателей ряда отраслей машиностроения КНР, а также указываются перспективы машиностроения Китая в целом.
Ключевые слова: машиностроение, Китай, промышленное производство, станкостроение, основные экономические индикаторы, импорт, экспорт.

На рубеже 1980-х гг. правительством КНР была предпринята попытка использования крупномасштабного импорта зарубежного машиностроительного оборудования с целью модернизации национальной индустрии машиностроения. Однако, как показали дальнейшие расчеты, замещение значительной доли импорта собственным производством могло бы существенно снизить бюджетные расходы. Поэтому уже к 1990 г. около 60% продукции машиностроительного оборудования стали выпускаться в Китае.[1] В 1987 г. индустрия машиностроения получила широкое распространение по всей стране, заняв одну из приоритетных позиций в экономики Китая. Практически в каждой провинции и городе было создано предприятия машиностроительной индустрии. Основными центрами стали Шанхай, Тянцзинь, Шеньян, Пекин, Харбин, Чангчун, Тайюань, Лоян, Ухань, Чунцин, Чэнду, Сиань и Ланьчжоу. Машиностроение не случайно было выбрано ключевым направлением промышленности КНР. В понимании китайских лидеров именно качество производимых машин будет определять успех модернизации во всех сферах экономики[2].

Основные экономические показатели машиностроительной индустрии Китая

В 2011 году 46% национального дохода КНР направлялись на развитие национальной тяжелой промышленности, в частности таких отраслей, как металлургия и станкостроение. Согласно статистике только эти две

---

* Максимова Елена Ивановна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН

[1] China Machine Building [Электронный ресурс]. Дата обращения: 1.05.16 - Режим доступа: URL: www.photius.com/countries/china/economy/china_economy_machine_building.html

[2] Там же

отрасли приносят 20-30% дохода от всей промышленности Китая. В 2012 году Китай в 28-й раз (!) продемонстрировал миру наибольший рост показателя промышленного производства, составившего 7,9%[3].

С точки зрения статистики текущее положение китайской экономики в целом и машиностроительной индустрии в частности не вызывает опасений. Мировой финансовый кризис, однако, все же вносит свои коррективы в экономические прогнозы экспертов. Так, по мнению экспертов Focus Economics рост промышленного производства Китая замедлится в ближайшие два года, и составит 9,3% и 8,7% в 2016 и 2017 гг. соответственно[4].

Рисунок 1. Темпы роста промышленного производства мира в целом, %

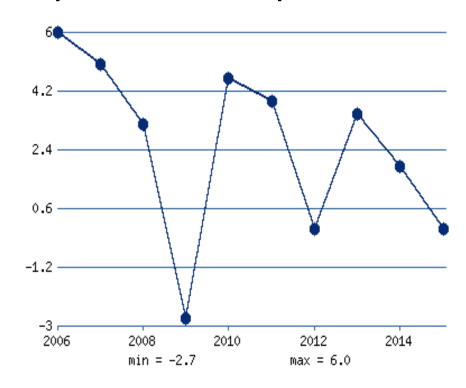
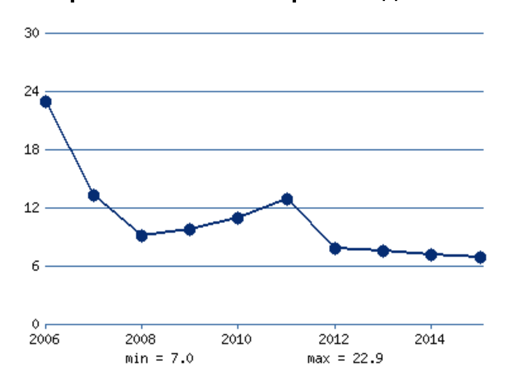

Рисунок 2.Темпы роста промышленного производства Китая, %

[3] China industry sectors[Электронный ресурс]. Дата обращения: 12.05.16 – Режим доступа: URL:www.economywatch.com/world_economy/china/industry-sectors.html

[4] Focus economics [Электронный ресурс]. Дата обращения: 13.05.16 – Режим доступа: URL:http://www.focus-economics.com/sites/default/files/FocusEconomics%20Consensus%20Forecast%20China%20-%20July%202013.pdf

Финансовый кризис негативно повлиял и на общемировой рынок машиностроения. Если в период 2009-2013 гг. он продемонстрировал совокупный среднегодовой темп роста в 11,4 % и в 2013 году его совокупный объем составил $ 229 млрд, то в течение 2013-2018 гг. ожидается замедление роста мирового рынка машиностроения рынка до 7,4%. что приведет его к размеру в $ 327 млрд[5]. В среднесрочной перспективе, согласно прогнозам экспертов Goldman Sachs, в мировом машиностроении будет происходить усиление позиций развивающихся стран, особенно Китая (табл. 1). Общий объем произведенной машиностроительной продукции возрастет с 530 млрд долл. в 2010 г. до 930 млрд долл. к 2025 г., что соответствует ежегодному приросту в 3,8%.[6]

Таблица 1

Прогноз выпуска условно-чистой продукции машиностроения, млрд долл.

	2000 г.	**2005 г.**	**2012 г.**	**2015 г.**	**2020 г.**	**2025 г.**
Бразилия	11,0	13,2	14,2	18,8	22.6	27,2
Китай	28,2	58,4	161,4	248,0	329,4	410,1
Индия	6,3	8,4	12,8	19,3	26,0	34,4
Япония	89,7	96,2	66.2	75.4	81.0	86,3
Россия	9,8	10,8	12,1	14,9	17,6	20,8
США	123,7	124,5	103,0	115,5	129,7	144,9
ЕС	158,0	160,8	157,5	178,3	193,2	204,7

(Источник: IMF World Economic Outlook, Goldman Sacks.)

При этом темпы прироста продукции машиностроения будут снижаться. Исключение составит только Россия, где в последние годы акцент делается на политику импортозамещения (табл. 2).

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста продукции машиностроения

	2000-2005 гг.	**2005-2012 гг.**	**2012-2015 гг.**	**2015-2020 гг.**	**2020-2025 гг.**
Бразилия	3,8	1,4	5,8	3,8	3,7
Китай	15,7	22,5	9,0	5,8	4,5
Индия	6,0	8,7	8,7	6,1	5,7
Япония	1,4	-7,2	2,6	1,4	1,3
Россия	1,9	2,2	2,3	3,4	3,4
США	0,1	-3,7	2,3	2,4	2,2
ЕС	0,7	-0,4	2,5	1.6	1,2

(Источник: IMF World Economic Outlook, Goldman Sacks.)

[5] China Machinery Industry Report 2015-2017. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 4.05.16 – Режим доступа: URL: www.dccchina.ru

[6] Кондратьев В.Б. Глобальный рынок машиностроения [Электронный ресурс]. Дата обращения: 2.05.16 – Режим доступа: URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=235247

Таким образом, согласно прогнозам Международного валютного фонда Китай фактически превратится в неоспоримого лидера глобального рынка машиностроения. Интерес, однако, представляет детальный анализ машиностроительной индустрии Китая.

Опираясь на данные представленные в отчете Торговой палаты КНР[7], Китайское правительство сосредоточено на быстрой урбанизации и соответственно планирует крупные инвестиции в отрасли машиностроения. В текущей экономической ситуации спрос на внутреннем рынке оценивается как высокий, а экспорт оборудования за рубеж растет. В дальнейшем улучшение торговых взаимоотношений с Россией, Бразилией и другими государствами вероятно послужит стимулированию этого роста. Межгосударственный торговый оборот КНР вырос на 6,9% в годовом исчислении по состоянию на июль 2014 года. Экспорт вырос на 14,5%, в то время как импорт снизился на 1,6%. Промышленное производство выросло на 9%[8] по состоянию на июль 2014 года (по сравнению с июлем 2013 года). Этот рост объясняется, с одной стороны, инвестициями в индустрию машиностроения, а с другой, ростом спроса на продукцию со стороны стран с развитой экономикой. По данным агенства Trading Economics экономика Китая выросла на 7,2% в 2014 году и на 7,0 в 2015 году[9] (что несколько ниже прогноза, сделанного МВФ: 7,4% и 7,1% соответственно).

В течение последних десяти лет совокупный среднегодовой темп роста машиностроительной промышленности Китая составлял 25%. Сильнейший внутренний спрос, связанный с процессом индустриализации и значительные инвестиции послужили в индустрию машиностроения тому, что Китай стал самым крупным производителем машин и производственного оборудования в мире с точки зрения общей стоимости продукции. В последнее время индустрия переживает экономическую реструктуризацию из-за замедления темпов роста инвестиций. Тем не менее, продолжающаяся индустриализация и урбанизация в Китае остаются и будут факторами роста в будущем.

Машиностроительная индустрия — один из крупнейших секторов экономики в Европе, где по большей части сосредоточены малые и средние предприятия. Их деятельность, как правило, связана с наукоемкими технологиями и формированием высокой добавленной стоимости, то есть в значительной степени инновационна, а также ориентирована на разработку индивидуальных решений.

---

[7] China Machinery Industry Report 2015-2017. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 4.05.16 – Режим доступа: URL: www.dccchina.ru

[8] China Machinery Industry Report 2015-2017. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 4.05.16 – Режим доступа: URL: www.dccchina.ru

[9] Китай. Темпы роста. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 4.05.16 – Режим доступа: URL: ru.tradingeconomics.com/china/gdp-growth-annual

В период одиннадцатой по счету пятилетки (2007-2011) китайское правительство активно поддерживало машиностроительная промышленность, что значительно способствовало развитию этого сектора. В 2011 году валовая продукция машиностроительной промышленности составила 2 трлн евро, что составляет увеличение приблизительно на 25% (в годовом исчислении). В первые пять месяцев 2011 года общая стоимость экспорта и импорта машиностроительной продукции достигла $24,7 млрд увеличившись на 29,6%[10] (в годовом исчислении). При этом рост импорта превысил рост экспорта, что привело к отрицательному сальдо торгового баланса и как следствие — усилению давления на производителей оборудования.

В целом, китайская машиностроительная промышленность Китая движется к устойчивой стадии роста. В будущем Китай намерен продолжать прилагать усилия к тому, чтобы развивать производство высококачественного машиностроительного оборудования в целях дальнейшего расширения доли рынка и конкуренции с международными игроками.

Индустрия машиностроения представляет собой значительную часть всей промышленности Китая и наиболее крупный индустриальный сектор экономики с ее техническими стандартами, постоянно подвергающимся пересмотру с целью непрерывного совершенствования. Согласно China Machinery Industry Federation (CMIF)[11] вся машиностроительная промышленность Китая включает 12 отраслей:

1. Автомобильная промышленность
2. Электрическое оборудование
3. Производство оборудования тяжелой промышленности
4. Нефтехимическое машиностроение
5. Агротехника
6. Строительная техника
7. Производство ДВС
8. Производство станков и инструмента
9. Производство измерительных приборов
10. Производство составных частей общего машиностроения
11. Техника для защиты окружающей среды
12. Упаковочное оборудование и оборудование пищевой промышленности

Эти 12 отраслей в свою очередь включают в себя 271 подотрасль, представленные более чем 120.000 предприятими и НИИ по всей стране, в которых в совокупности трудятся около 20 миллионов человек. Рассмотрим основные экономические показатели по некоторым из них.

---

[10] China Machinery Industry Report 2015-2017. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 7.05.16 – Режим доступа: URL: www.dccchina.ru

[11] China Machinery Industry Federation [Электронный ресурс]. Дата обращения: 4.04.16 – Режим доступа: URL: http://jjw.mei.net.cn/english/3ind/ind.html

Сельскохозяйственное машиностроение

В последнее десятилетие благодаря особой государственной поддержке, большим объемам инвестиций в отрасль, снижению налоговой нагрузки и внедрению результатов НИОКР сельскохозяйственное машиностроение в Китае росло чрезвычайно высокими темпами. Среднегодовая валовая продукция отрасли в этот период выросла на 15,5%, сделав Китай, таким образом, одним из главных производителей сельскохозяйственной техники.

На Диаграмме 3 представлены основные экономические показатели сельскохозяйственного машиностроения с 2006 по 2010 год. За указанный период времени количество предприятий в отрасли увеличилось на 54%: с 1757 предприятий в 2006 году до 2700 предприятий в 2010 году. Стоимость общего объема выпускаемой продукции увеличилась в 2 раза: с 15.916.000 евро до 35.475.000 евро.[12]

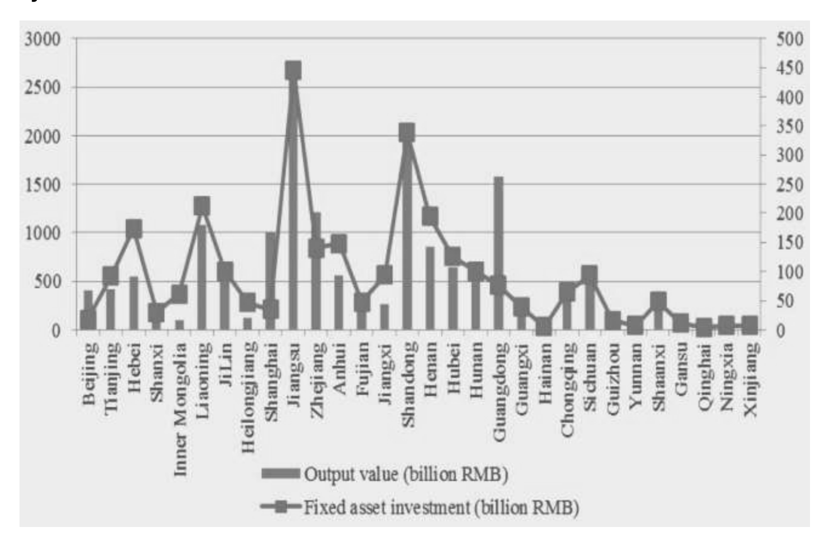
В целом политика государственной поддержки отрасли сельскохозяйственного машиностроения играет важную роль, поскольку стимулирует потенциальный спрос и, как следствие способствует увеличению объемов производства. Те виды продукции, на которые распространяются государственные субсидии, такие как оборудование для обработки сельхозпродукции и кормоприготовительное оборудование, хорошо продаются благодаря более низким ценам.

Рисунок 3. Основные экономические показатели сельскохозяйственного машиностроения КНР с 2006 по 2010 год

(Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook)

[12] China Machinery Industry Report 2015-2017. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 7.05.16 – Режим доступа: URL: www.dccchina.ru

Рисунок 4. Региональная структура машиностроительной индустрии Китая в 2011 году

Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook

По сравнению с уровнем развития европейских технологий, продукция китайской отрасли сельскохозяйственного машиностроения менее совершенна. По этой причине Китай импортирует большое количество высококачественной техники. Например, китайские производители в основном выпускают тяжелые трактора мощностью от 90 до 120 л.с., тогда как в развитых странах трактора данного класса имеют более 500 л.с.

Согласно постановление Министерства сельского хозяйства КНР и Министерства Финансов КНР от 6 января 2012 производители сельскохозяйственной техники в Китае в праве получить государственную поддержку. Так, в первой половине 2012 года пакет субсидий в общем составил примерно 20 млрд юаней (в 2011 году в целом за год было выделено 17,5 млрд юаней). Распространяются программа государственной поддержки на 12 категорий, 46 субкатегорий и 180 видов продукций.

Условия выплаты субсидий:

1) 50,000 юаней на предприятие, но не более 30% среднего объема продаж за последние 3 года;
2) трактора мощностью свыше 100 л.с. — 120,000 юаней;
3) трактора мощностью свыше 200 л.с. — 200,000 юаней;
4) тяжелые хлопкоуборочные машины — 300,000 юаней.[13]

Получатели субсидий должны быть зарегистрированы в программе государственной поддержки.

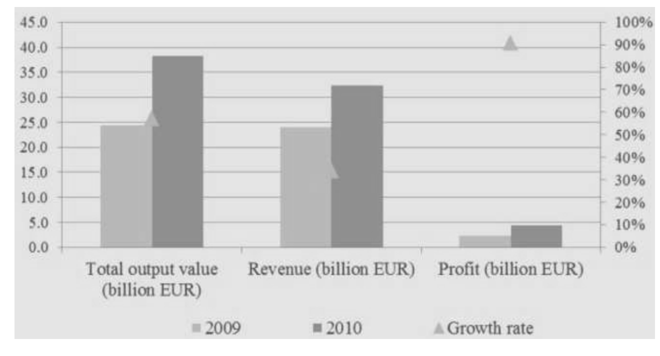
[13] China Machinery Industry Report 2015-2017. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 10.05.16 – Режим доступа: URL: www.dccchina.ru

Строительная техника

Согласно статистической информации в период 11-ой пятилетки общая выручка от продаж в машиностроительной индустрии КНР увеличилась с 15,7 млрд евро в 2005 году до 54,5 млрд евро в 2010 году, а общая прибыль машиностроительной промышленности достигла 5,6 млрд евро, при среднегодовом темпе роста в 28,05%. На сегодняшний день в отрасли строительного машиностроения Китая более 1,400 основных предприятий и более 330,000 работников.[14] На Диаграмме 5 представлены основные экономические показатели отрасли строительного машиностроения за период 2009-2010 гг., когда прибыль практически удвоилась. В данной отрасли Китай занимает лидирующее положение в мире в доходах от продаж.

Спрос на строительную технику в Китае продолжает расти в течение последних лет, привлекая зарубежных производителей на китайский рынок. С 2001 по 2009 гг. иностранные инвестиции в отрасль выросли на 200%. Наибольшую динамику роста продемонстрировали следующие продуктовые линейки: земляная техника, укладочная техника, строительные краны, катки, машины для технического обслуживания дорожного покрытия, асфальтобетоноукладчики и электропогрузчики.

Рисунок 5. Основные экономические индикаторы строительного машиностроения в 2009-2010 гг.

Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook

Китаю понадобилось более десяти лет, чтобы стать серьезным игроком не только на внутреннем, но и на международном рынке строительного машиностроения. С 2009 по 2010 гг. общий объем экспорта и импорта достиг 14,8 млрд евро, увеличившись на 45,7% в годовом исчислении. Импорт составил 6,6 млрд евро (прирост 63,2%), в то время, как экспорт

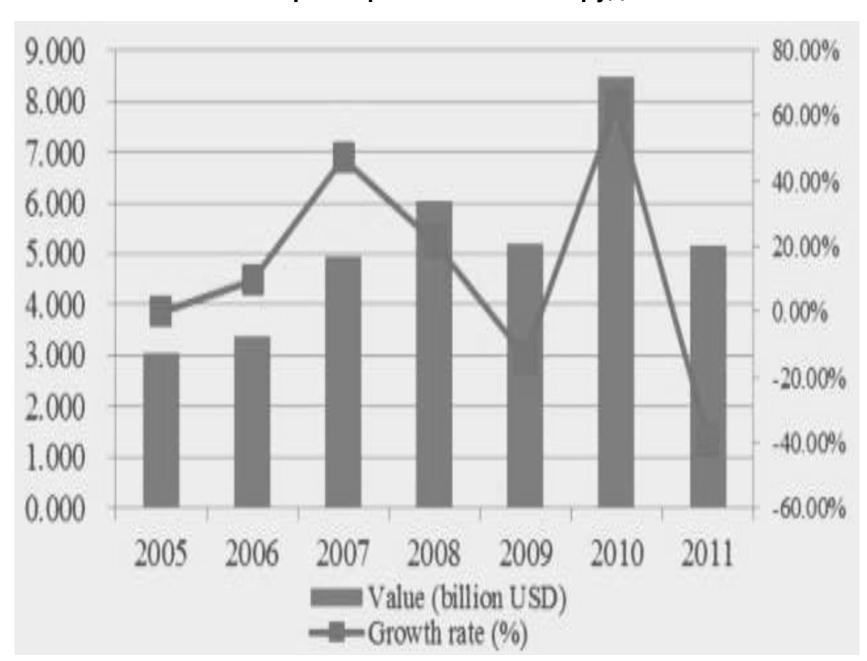
[14] China Machinery Industry Report 2015-2017. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 7.05.16 – Режим доступа: URL: www.dccchina.ru

достиг 8,2 млрд евро (прирост 34,2%). Интересно также отметить, что три ведуших китайских производителя строительной техники — Intermix GmbH, SCHWING и CIFA приобрели статус мировых лидеров в последнее время. Тем не менее, Китай по-прежнему нуждается в импорте большого количества строительной техники, особенно гидравлические компоненты и сложные экскаваторы, из-за отсутствия необходимого уровня технологического развития. Но даже несмотря на это, выручка от продаж строительной техники за 12 по счету пятилетний план достигла 900 млрд юаней к 2015 году.

*Импортируемая строительная техник*а.

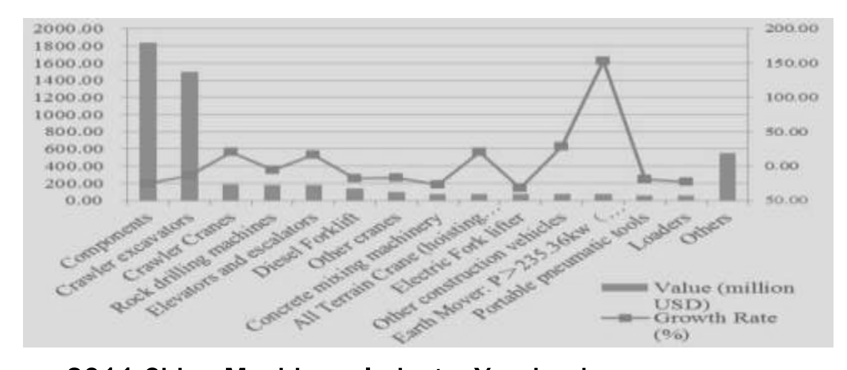
На Диаграмме 6 мы видим, что рост стоимости импорта строительного оборудования значительно снизился в 2008 и 2009 под влиянием глобального экономического кризиса. К 2010 году он снова восстановился с (с увеличением на 63,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) в основном благодаря крупномасштабным инвестициям, предпринятыми правительством. Что характерно, в 2011 году снова наблюдалось снижение.

Рисунок 6. Стоимость импорта строительного оборудования

Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook

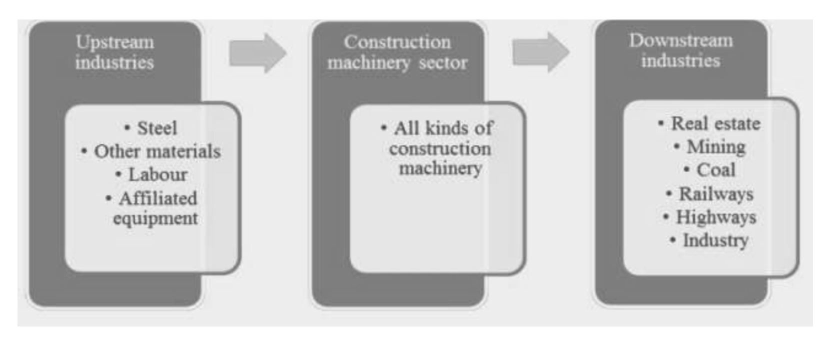
Рисунок 7. Стоимость и рост импорта основных видов строительной техники. Большая часть общей стоимости импорта приходится на различные компоненты строительной техники и на гусеничные экскаваторы.

Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook

На Диаграмме 8 представлена индустриальная цепочка, визуализирующая взаимосвязь отрасли строительного машиностроения Китая с другими отраслями народного хозяйства КНР. Так, отрасль строительного машиностроения в Китае сильно зависит от связанных с ней видов промышленности. Значительное влияние оказывают с одной стороны такие факторы, как стоимость ресурсов (например, сталь и человеческий труд), а с другой стороны отрасли последующей обработки. Из Диаграммы 8 следует, что застой в строительстве недвижимости и снижение инвестиций имеют непосредственное влияние и на спрос продукции отрасли строительного машиностроения.

Рисунок 8. Индустриальная цепь.

Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook

Обрабатывающее оборудование (станкостроение)

Станкостроение в Китае развивалось очень быстрыми темпами в течение последних десяти лет. Стоимость выпускаемой продукции увеличи-

лась с 3,7 млрд евро в 2000 году до 69,2 млрд евро в 2010 году. На сегодняшний день в Китае насчитывается более 1,000 основных предприятий данной отрасли.

Станкостроение — это движущая сила всей машиностроительной индустрии. Стоимость всей продукции подотрасли Металлорежущего оборудования составляет порядка 16,3 млрд евро, в то время как штамповочное оборудование достигает 5 млрд евро. Спрос на обрабатывающее оборудование с ЧПУ также растет. Объем выпуска продукции вырос с 59,000 партий в 2005 году до 230,000 партий в 2010, что отражает тенденцию выпуска продукции с большей добавленной стоимостью. В 2010 году было выпущено 223,000 станков металлорежущего оборудования с ЧПУ и 12,000 единиц штамповочного оборудования с ЧПУ. Но, хотя китайские производители обрабатывающего оборудования совершили огромный скачок в вопросах технологий и производственных мощностей, Китай все еще импортирует большие объемы станков средней и высшей ценовых категорий, в том числе компоненты ЧПУ, монтажные и установочные приспособления и другие компоненты штамповочного оборудования. Таким образом, импорт обрабатывающего оборудования продолжил рост в 2010 году достигнув отметки в 12,4 млрд евро, что эквивалентно 62% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Стоимость импорта металлорежущего оборудования в 2010 году составила 7,4 млрд евро и 59,8% соответственно. Предположительно, стоимость импортируемого оборудования продолжит расти, в основном благодаря импорту оборудования из Японии, Германии, Тайваня, Кореи и Италии.

Согласно ежегодному обзору мировой индустрии обрабатывающего оборудованию World Machine-Tool Output & Consumption Survey 2015 проведенному агенством Gardner Research, Китай является лидером в области станкостроения с 2009 года. Однако в последние годы наблюдается тенденция к снижению объемов производства. Так, за 2014 год продукции было произведено на $ 23,8 млрд., что меньше по сравнению с пиком в 2011 году, который составил $ 29,5 млрд. Учитывая непростую ситуацию в мировой экономике, можно предположить, что объемы производства станкостроительной отрасли Китая продолжат снижаться[15].

Таблица 3

Производство металлорежущего оборудования за 2013-2014 гг. в некоторых странах (млн. долл. США)

Страна	% металлорежущего оборудования	2013	2014
КНР	59%	$24,700.0	$23,800.0

[15] World Machine-Tool Output & Consumption Survey 2015 [Электронный ресурс].– Дата обращения: 1.03.16. – Режим доступа: URL: http://www.gardnerweb.com/cdn/cms/GR-2015-WMTS.pdf

Германия	71%	15,268.7	12,957.2
Япония	83%	11,333.6	12,831.6
Южная Корея	74%	5,150.0	5,631.0
Италия	51%	5,475,9	5,074.7
США	75%	4,956.1	4,900.4
Тайвань	82%	4,537.0	4,700.0
Швейцария	84%	3,242.8	3,111.7

Основные комплектующие машиностроительной индустрии

В Китае производство основных комплектующих (ОК) менее развито, чем другие отрасли машиностроения. Рынку особенно не хватает высокотехнологичной продукции. На сегодняшний день качество и основные характеристики ОК схожи с производимыми в 1980-х гг. Нестабильное качество и высокая текучесть кадров – основные слабые стороны отрасли. Чтобы выжить в условиях глобальной конкуренции некоторые компании вынуждены импортировать ОК из-за рубежа. Хотя Китай и сам экспортирует большие объемы ОК, эти комплектующие в основном относятся к категории трудоемкой продукции с низкой добавленной стоимостью.

В Таблице 4 представлены продажи основных комплектующих машиностроительной индустрии Китая в 2010 году, включая подотрасли крепежей, штампов и пресс-форм. Продажи металлокерамических комплектующих, цепей и пружин выросли примерно на 35%, трансмиссий на 20%, динамических муфт на 19%, деталей крепления на 15%.

Таблица 4

Продажи, экспорт и импорт основных комплектующих машиностроительной индустрии Китая в 2010 г.

Items	Sales revenue (million EUR)	Growth rate	Import value of product (million EUR)	Growth rate	Export value of product (million EUR)	Growth rate
Gears	18,125	20%	8,413.73	46%	2,156.96	58%
Fasteners	7,000	15%	2,267.98	25%	2,894.45	46%
Chains	1,850	35%	182.39	14%	563.03	25%
Springs	1,812	34%	428.22	39%	150.67	50%
Metallurgical powder	1,037	36%	-	-	63.44	0%
Dynamic couplings	1,325	19%	277.55	-33%	222.04	44%
Total	31,150	21%	11,569.87	36%	6,050.59	41%

Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook

Китай является одним из крупнейших производителей и потребителей основных комплектующих машиностроения, однако большая часть производимого оборудования относится к категории низкобюджетного. Высококачественные товары в основном импортируются из-за рубежа. В 2010 году стоимость общего объема продукции составила 31 млрд евро, что соответствовало 21% годового прироста. Стоимость совмещенного экспорта и импорта достигла 17,6 млрд евро, что равнялось 38% годового прироста. Стоимость импорта в результате продолжительного роста достигла 11,5 млрд в 2010 году, при этом наибольший относительный прирост показал такой продукт как трансмиссии (72,7%). Экспорт составил 6 млрд евро, где наибольший объем пришелся на детали крепления.

***Гидропневматические компоненты*.**

В 2012 году в Китае значилось более 3,000 предприятий производящих гидропневматические компоненты. В 2010, общий объем достигал 7,966.25 млн евро. Общая стоимость экспорта и импорта составляла 3,739,7 млн евро.

Китай представляет собой крупнейший мировой рынок гидравлической продукции и занимает второе место по пневматической продукции, в основном благодаря усилиям улучшить инфраструктуру машиностроительной индустрии. Китаю по-прежнему не хватает передовых технологий для производства высокотехнологичных гидропневматических компонентов, поэтому все также высок спрос на импортируемую продукцию из развитых стран. Так, объем импорта гидропневматической продукции составляет 38,86%.

***Пресс-формы*.**

По данным Национального бюро статистики Китая, показатели предприятий в этой отрасли улучшились в основном благодаря стимулирующему плану правительства, который помог повысить внутренний спрос. На сегодняшний день продажи и прибыли продолжают расти. В Таблице 5 представлены доходы этих предприятий в 2009 и 2010 гг., а также небольшое увеличение числа предприятий.

Таблица 5

Основные экономически показатели отрасли по производству пресс-форм в 2009-2010 гг.

Indicator	Number of enterprises	Total output value (million EUR)	Sales revenue (million EUR)	Profit (million EUR)
Y2010	2,884	20,384.50	19,995.12	1,175
Y2009	2,797	15,826.50	15,474.12	954
Growth rate	3.11%	28.8%	29.22%	23.1%

Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook

Пластиковые пресс-формы были и по-прежнему остаются наиболее растующей группой товаров с 45% долей от общего объема производства в 2010 г. В то же время, доля штамповочных форм составляла 37%, а на формы для литья и другие формы приходилось по 9%. Согласно статистике таможни КНР совокупная стоимость экспорта и импорта пресс-форм в 2010 году составила 3,3 млрд. евро, что было на 11,85% больше чем годом ранее (в том числе импорт составил 1,6 млрд. или на 4,99% больше чем в предыдущем году). Из всех категорий продуктовых групп, пластиковые пресс-формы были наибольшей, составив 55,74% от импорта и 68,96% от экспорта. Штамповочные формы оставались вторым по популярности продуктом — 38,17% и 22,9% соответственно. Лидерами с точки зрения страны происхождения являются Япония, Корея, Тайвань и Германия. В целом, рынок пресс-форм низкой и средней ценовой категорий страдает от избытка предложения в то время, как потребность в высококачественной продукции может быть удовлетворена в основном лишь за счет иностранных производителей.

Подшипники.

Согласно Национальному бюро статистики Китая сегодня в стране около 1,850 крупных предприятий занимающихся производством подшипников. В 2010 году доход этих предпритий составил 15,75 млрд евро (прирост в 36,96%), в 1,5 раза больше объема достигнутого в течение 11-ой пятилетки. Объем продукции составил 15 млрд единиц (прирост в 36,36%). Экономическая эффективность значительно повысилась с прибылью в 937,5 млрд, увеличившейся на 66,67%.

Китай потребляет и экспортирует большие объемы продукции включающей в себя подшипниковые механизмы. В 2010 году из страны было экспортировано 4,1 млрд единиц подшипниковой продукции, более чем на 50% больше, чем в 2009 году. Стоимость экспорта этого товара составила 2,6 млрд евро, что соответствует 63,63% годового прироста. Шариковые подшипники, конические роликовые подшипники, сферические роликовые подшипники и несущие части составляют основную долю экспорта этих товаров. В 2010 году было импортировано 1,7 млрд. единиц продукции, что на 30,97% больше, чем годом ранее. Стоимость импорта достигла 3 млрд. евро, что выше на 34,4% по сравнению с предыдущим годом. Количество импортированных шариковых подшипников выросло на 66,91% (1,1 млрд. единиц), а стоимость их импорта за год на 33,88% (1 млрд. евро). Подшипники импортируются в основном из Японии (898 млн евро или 29,74% от общего числа, 55,01% годового прироста), Германии (765 млн евро или 25,34% от общего числа, 21,73% годового прироста), Италии (111 млн евро или, 3,69% от общего числа, 38,07% годового прироста).

Таблица 6

Основные производители компонентов, гидро-пневматических элементов, уплотнителей, пресс-форм, подшипников в Китае

General components	CN Power Gearbox Co., Ltd Shaanxi Fast Group, Shaanxi Fast Gear Co., Ltd.
Hydro pneumatics	Shanghai Electric Hydraulic & Pneumatics Co., Ltd. Shanghai Camozzi Pneumatic Control Components Co., Ltd
Seals	Anhui Zhongding Sealing Parts Co., Ltd.
Moulds	Qingdao Haier Mold Ningbo Heli Mould Technology Co., Ltd.
Bearings	Wafangdian Bearing Group Corporation Wanxiang Group

Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook

Тяжелое машиностроение

Начиная с 2000 года наблюдается неуклонный рост сектора тяжелого машиностроения Китая. Общий объем выпуска и продажи продолжают бить собственные рекорды. В 2010 году общий объем производства отрасли составил 88,898.5 млн евро, что в 11 раз(!) превысило аналогичный показатель за 2000 год и что равняется примерно 27,5% ежегодного прироста за эти 10 лет. Сегодня в Китае около 1000 основных предприятий отрасли тяжелого машиностроения. В Таблице 7 представлены основные показатели отрасли за 2010 г.

Таблица 7

Основные показатели отрасли тяжелого машиностроения Китая в 2010 г.

Name	Number of enterprises	Growth rate	Total output value (million EUR)	Growth rate	Profit (million EUR)	Growth rate
Total	4,686	6.79%	88,898.50	22.88%	6,915.12	35.62%
Metallurgical and mining machinery industry	2,384	6.52%	40,094.75	24.33%	3,121.25	48.75%
Lifting and transport machinery industry	2,302	7.07%	48,803.75	21.70%	3,793.87	26.44%

Источник: 2011 China Machinery Industry Yearbook

Тяжелое машиностроение включает в себя 2 категории: металлургические и горнодобывающие машины и подъемно-транспортные машины. В 2010 году общий объем производства выплавки металла в Китае составил 695,000 тонн, объем выпуска горно-шахтового оборудования составил 4.19 млн тонн и металлопрокатного оборудования — 526,000 тонн.

В подъемном машиностроении выпуск кранов составил 5,77 млн, а вилочных погрузчиков — 151,000 единиц. В 2010 году стоимость экспорта металлургической продукции горнодобывающей промышленности составил 1,8 млрд евро, а стоимость импорта — 1,6 млрд евро. В первую пятерку импортируемых товаров вошли: металлопрокатные машины, запчасти металлопрокатного оборудования, дробильное/шлифовальное оборудование, фильтры и перфораторы. С точки зрения страны происхождения, китайская металлургическая горнодобывающая промышленность импортировала из Германии товаров на 479 млн евро, из США — на 350 млн евро, из Японии — на 209 млн евро и из Италии — на 182 млн евро. В том же году стоимость экспорта погрузочно-разгрузочного оборудования составила 6,9 млрд евро, а импорт достиг 3 млрд евро. Импорт и экспорт кранов снизился, составив 523 млн евро и 2,3 млрд евро соответственно. Импорт подъемно-транспортного оборудования из Германии составил 881 млн евро, из Японии 498 млн евро, из Кореи 241 млн евро и из США 187 млн евро.

Электроэнергетическое оборудование

Спрос на электроэнергетическое оборудование в основном зависит от уровня развития сектора энергетики. В 2010 году отрасль энергогенерирующего оборудования оправилась от влияния финансового кризиса и совокупный доход продолжил расти. К концу ноября 2010 года установленная мощность энергетического оборудования в Китае достигла 902,57 млн кВт, что на 10,80% больше, чем в 2009 году. Доля местных производителей энергогенерирующего оборудования возросла, что усилило их конкуренцию с местными игроками. В последние годы рынок энергогенерирующего оборудования характеризуется жесткой конкуренцией.

Прогноз 2016-2017

Текущие тренды в машиностроительной индустрии Китая:

- Местные компании как правило производят низко- или среднетехнологичное оборудование. Технологический уровень производимой продукции отстает от оборудования, производимого в развитых странах (Европейские страны, США, Япония) по таким параметрам, как качество, производительность, энергоэффективность, репутация бренда и т.д. Даже продукция нескольких ведущих китайских игроков, как правило, не достигает передового уровня качества. Инвестиции в НИОКР остаются невысокими, часто не достигая и 1% от продаж компаний, таким образом, оставляя китайских производителей в низком ценовом сегменте.

- Жесткая конкуренция среди производителей низкой и средней ценовых категорий.
- Большинство отраслей машиностроительной индустрии сильно дезинтегрированы. Официальная статистика насчитывает примерно 34,000 предприятий машиностроительной индустрии с годовым оборотом в $600,000 каждое, однако есть также множество мелких компаний, занимающихся в основном комплектующими низкого ценового сегмента.
- Ценовое давление со стороны потребительских отраслей растет, ввиду обострения конкуренции (например, в борьбе за местные рынки), хотя инвестиции в производство потребительских товаров в Китае были значительными. Так, учитывая совокупный чистый доход на душу населения и первые признаки насыщенности городских рынков, производители все чаще переключают внимание на местные рынки. Поскольку доходы местных рынков остаются очень низкими, можно ожидать увеличение спроса на оборудование низкой ценовой категории, увеличивая сферу деятельности китайских машиностроителей.
- Местные компании увеличивают производственные возможности. Кратчайший путь для китайских компаний отвечать рыночному потенциалу и давлению со стороны конкурентов – это использование эффекта от масштаба. Поддерживаемые хорошими продажами, высокими нормами сбережения, и щедрым кредитованием государственных предприятий китайскими банками, есть достаточно средств для расширения производства.
- Иностранные компании продолжают инвестировать в Китай – Иностранные инвестиции в машиностроительную индустрию Китая достигли значительного уровня благодаря многим европейским компаниям, размещающим здесь свои производственные площади. Стоимость продукции предприятий с участием иностранных инвестиций вырастит примерно на 40% в период с 2011 по 2017 гг. Поскольку эти предприятия частно имеют доступ к иностранным технологиям и знаниям, они вероятно будут готовы конкурировать с импортируемым оборудованием.
- Китайские производители постоянно улучшают свои технологии, стремясь производить продукцию с высокой добавленной стоимостью, чтобы снизить давление со стороны конкурентов.
- Несмотря на то, что импорт растет в среднем на 27% в год, начиная с 2011 года, рыночная доля импортной техники упадет с 40% в 2011 году до 32% в 2017 году (по оценкам аналитиков).
- Избыток производимой в Китае продукции экспортируется. Объем экспорта будут расти более высокими темпами, чем импорт с 2011 по 2017 гг., с ежегодным приростом в 35% против 28% соответ-

ственно. Стоимость экспорта однако все еще составляют 50-60% от стоимости импорта. Экспортные рынки обладают дополнительной привлекательностью благодаря более высоким показателям рентабельности и готовности платить со стороны клиентов. Если текущая тендеция продолжится, возможно, что к 2020 году Китай превратит торговый дефицит машиностроительного оборудования в профицит, в особенности за счет энерго-вырабатывающего оборудования.

Тем не менее, есть несколько противодействующих тенденций:

- Затраты на ведение бизнеса в Китае растут. Во-первых, стоимость неквалифицированного рабочего труда, остававшаяся практически неизменной в течение последнего десятилетия начинает расти; в частности из-за мер по установлению минимального размера оплаты труда правительством в 2005 году. Во-вторых, ожидается, что в ближайшие годы центральное правительство КНР приступит к реформированию сферы ЖКХ, что повлечет за собой повышение цен на нефть, газ, воду и электричество. Цены на земли, предназначенные для промышленно застройки могут продолжат повышаться и дальше. Кроме того, если правительство Китая будет всерьез уделять внимание вопросам защиты окружающей среды, как отмечается в плане развития на ближайшие 5 лет (12 пятилетка), это повлечет увеличение оперативных расходов производителей.
- Импортируемая в Китай иностранная техника может стать более конкурентоспобной по отношению к той, которая производится в Китае: В долгосрочной перспективе импорт оборудование в Китай может стабилизироваться
- Китай в качестве производственной базы может стать менее привлекательным для иностранных инвесторов: Если два основных стимула для производства в Китае — местный спрос и стоимость производства — потеряют привлекательность, иностранные прямые инвестиции должны снизиться. Это приведет к общему снижению производства китайской машиностроительной промышленности и снимет давление с местных производителей, занимающихся экспортированием продукции.
- Вероятна дальнейшая консолидация китайской машиностроительной промышленности: издержки производства — от сырья до зарплаты — в Китае растут. Нормы прибыли и рентабельность активов (ROI) увеличивались с 2012 по 2015 гг., но отпускные цены на продукцию не увеличивались соответственно. Поэтому увеличение рентабельности должно опираться на рост объемов производства и стоимости продаж. Оба эти фактора, в конечном счете, должны придти к одному уровню, но дальнейший рост цен может стать

причиной снижения прибыли и рентабельности. В 2014 году 15% компаний в Китае были убыточными, а в первой четверти 2015 года их число выросло до 23%. В конечном счете, не представляется неожиданным, что рынок «вытряхнул» убыточных производителей, как местных, так и инвестируемых из-за рубежа. Число конкурентов на рынке снизилось, но остались наиболее жизнеспособные.

Основные тренды машиностростроительной индустрии КНР

Растущее число заводов машиностроительной индустрии перемещаются на материковую часть Китая. К их числу в частности относятся производители из Гонконга, которые активно осваивают другие регионы. Это послужило резкому обострению конкуренции между производителями из Гонконга. Кроме того, им приходится конкурировать и с другими азиатскими производителями.

Увеличивающееся применение пластиковых материалов в электронном и телекоммуникационном оборудовании, медицине и автозапчастях послужило увеличению спроса на более точные и сложные технологии литья пластмасс. Поскольку большинство клиентов машиностроительной индустрии должны оставаться конкурентоспособными, спрос на высокое качество продолжает расти. Эта тенденция выливается в большее применение компьютерных технологий при проектировании и производстве. Например, система автоматизированного проектирования, производства и инжиниринга (CAD/CAM/CAE) структуры машины может быть применена к линиям по переработке пластмасс для лучшего проектирования высокоточного оборудования с целью устранения вибраций и улучшения жесткости.

В целях осваивания зарубежных рынков, существует растущая необходимость для производителей развивать сеть распространения продукции и обеспечивать послепродажное обслуживание. Основная стратегия для производителей – улучшение качества. Некоторые крупные производители также работают над повышением эффективности производства. Так, в случае с металлообрабатывающим оборудованием, для контроля подачи инструмента и материалов стали использоваться электронные блоки настройки. Оборудование для литья пластмассы, например, стало оснащаться программируемыми контроллерами и замкнутыми конструкциями позволяющими отслеживать положение подвижных элементов, скорость подачи сырья, а также температуру и давление, чтобы снизить процент дефектов продукции. Также были повышены меры по обеспечению безопасности. К примеру, было внедрено устройство для контроля разъема пресс-формы.

Литература

China Machinery Industry Report 2015-2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.dccchina.ru

China Machine Building [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.photius.com/countries/china/economy/china_economy_machine_building.html

China industry sectors[Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: www.economywatch.com/world_economy/china/industry-sectors.html

Focus economics [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: http://www.focuseconomics.com/sites/default/files/FocusEconomics%20Consensus%20Forecast%20China%20-%20July%202013.pdf

Кондратьев В.Б. Глобальный рынок машиностроения [Электронный ресурс]. Дата обращения: 2.05.16 – Режим доступа: URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=235247

Китай. Темпы роста. [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: ru.tradingeconomics.com/china/gdp-growth-annual

China Machinery Industry Federation [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: http://jjw.mei.net.cn/english/3ind/ind.html

World Machine-Tool Output & Consumption Survey 2015 [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: http://www.gardnerweb.com/cdn/cms/GR-2015-WMTS.pdf

*Кандалинцев В.Г.**

Страны БРИКС: сравнительный анализ инвестиционного климата

Аннотация. Анализ и сравнение основных компонентов инвестиционного климата позволяет улучшить понимание того, за счет каких факторов в странах БРИКС формируется привлекательная среда для притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В статье используется авторская модель инвестиционного климата, состоящая из десяти компонентов, а также данные исследований международных организаций.
Ключевые слова: инвестиционный климат, страны БРИКС, приток ПИИ, конкурентные преимущества, проблемные области ведения бизнеса.

Инвестиционный климат оказывает значительное влияние на объемы прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в принимающих странах. Для его оценки в статье применен индекс, состоящий из десяти компонентов. Улучшение каждого из этих компонентов значимо воздействует на привлекательность инвестирования:

Рост величины рынка — снижает себестоимость вследствие эффекта масштаба производства, позволяет осуществлять более гибкие стратегии вследствие большей сегментации рынка.

Повышение открытости экономики — расширяет количество секторов и отраслей, открытых для ПИИ, снижает потолки иностранного участия в капитале.

Развитие инфраструктуры — позволяет снизить издержки производства и увеличить производственные мощности, соединяет рынки и сферы экономической деятельности, улучшает доступ к объектам и сооружениям.

Улучшение качества трудовых ресурсов — позволяет реализовывать технологически сложные проекты, повышать качество продукции.

Сохранение относительно невысоких расходов на оплату труда — создает преимущества в ценовой конкуренции.

Усиление защиты инвестиций — стимулирует рост объемов ПИИ и передачу технологий.

Снижение рисков — вовлекает в инвестирование чувствительных к риску инвесторов.

Развитие финансовых рынков — расширяет возможности финансирования проектов с помощью национальной банковской системы и фондовых рынков.

Снижение налоговой нагрузки — увеличивает прибыль после налогов и

* Кандалинцев Виталий Геннадьевич, к.э.н., старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН

расширяет возможности реинвестирования и распределения прибыли в зависимости от приоритетов инвесторов.

Улучшение качества регуляторной среды — сокращает затраты времени и расходы на создание полноценно функционирующего предприятия.

Ниже приводятся данные по инвестиционному климату в странах БРИКС.

Инвестиционный климат

Индекс инвестиционного климата

По общей благоприятности инвестклимата страны БРИКС довольно близки друг к другу (см. Таблицу 1). У Бразилии, России и Индии индекс инвестклимата практически одинаков. Лишь незначительно от них отстает Южная Африка и чуть больше — Китай. Однако позиции стран в отдельных компонентах индекса существенно различны. В первую очередь можно отметить определенные соотношения, в которых находятся отдельные компоненты.

Таблица 1

Индекс инвестиционного климата в странах БРИКС, 2016 г.

	Бразилия	Россия	Индия	Китай	Ю. Африка
Величина рынка	8,29	8,43	9,14	10,00	7,00
Открытость экономики	9,00	8,20	7,40	5,80	9,40
Инфраструктура	5,57	6,86	5,29	6,71	5,86
Качество трудовых ресурсов	6,46	7,75	5,76	6,70	6,05
Расходы на оплату труда	9,44	8,57	10,00	9,31	7,32
Защита инвестиций	6,30	5,10	7,30	4,50	6,80
Риски	7,00	5,20	7,00	5,00	6,90
Развитость финансового рынка	5,71	5,00	5,86	5,86	7,14
Налоговая нагрузка	4,70	6,20	5,14	5,80	5,80
Регуляторная среда	5,77	7,09	5,47	6,29	6,49
ИНДЕКС ИК (СРЕДНЕВЗВЕШЕННЫЙ)	7,04	7,04	7,06	6,85	6,96

Источник: рассчитано автором на основе [1],[2],[3],[4],[5].

---

[1] Global Competiveness Report 2015-2016. /ed. by Klaus Schwab/. Geneva, World Economic Forum, 2015.

[2] Данные по индексу регуляторных ограничений ПИИ // сайт ОЭСР - http://www.oecd.org/investment/fdiindex.htm.

[3] The Human Capital Report 2015. World Economic Forum, 2015.

Во-первых, величина рынка и открытость экономики связаны обратным соотношением. Т.е., чем больше величина рынка у страны, тем более селективно она склонна подходить к открытию своей экономики для ПИИ и, соответственно, тем меньше общая открытость данной экономики. Так, из пяти стран БРИКС Китай имеет наибольшую величину рынка и наименьшую открытость своей экономики. Наоборот, Южная Африка имеет наименьшую величину рынка и наибольшую открытость экономики.

Во-вторых, уровень рисков определенно влияет на степень защиты инвестиций. Чем выше риски, тем менее надежна защита инвестиций. Наибольшие риски существуют в Китае и России, и у этих стран наименьшая степень защищенности инвестиций. Три другие страны — Бразилия, Индия и Южная Африка — имеют заметно более низкий и приблизительно одинаковый уровень рисков, и более высокий уровень защищенности инвестиций. При этом разброс значений показателя защищенности инвестиций в этих трех странах указывает на то, что качество правовой и иной защиты ПИИ может компенсировать часть рисков (как в Индии, у которой показатель защиты инвестиций лучше показателя рисков) или, наоборот, создавать дополнительную уязвимость (как в Бразилии, у которой показатель защиты инвестиций хуже показателя рисков).

В-третьих, в соотношении уровня качества трудовых ресурсов и расходов на оплату труда в целом наблюдается прямая зависимость. Так, в Индии наиболее низкое качество трудовых ресурсов и наиболее низкие расходы на оплату труда в БРИКС. В России самое высокое качество трудовых ресурсов и относительно высокий уровень расходов на оплату труда (выше только в ЮАР). Китай и Бразилия демонстрируют среднее качество трудовых ресурсов и умеренные расходы на оплату труда. Несколько особняком стоит Южная Африка. Здесь качество трудовых ресурсов лишь немного выше, чем в Индии, но оплата труда — самая высокая в БРИКС.

В-четвертых, во всех пяти странах показатель регуляторной среды выше показателя налоговой нагрузки; при этом чем выше качество и эффективность регуляторной среды, те ниже налоговая нагрузка. Так, в России самая лучшая регуляторная среда и самая низкая налоговая нагрузка в БРИКС. На втором и третьем месте по регуляторной среде находятся Южная Африка и Китай, эти же две страны делят второе-третье место по налоговой нагрузке.

---

[4] Данные о среднем уровне заработной платы в странах мира // статистический сайт - http://www.statista.com/statistics/226956/average-world-wages-in-purchasing-power-parity-dollars.

[5] Данные по индексу политического риска в странах мира // сайт компании PRS Group - https://www.prsgroup.com/category/risk-index.

Ранжирование

Ранжирование рассматриваемых стран по отдельным компонентам инвестиционного климата имеет следующий вид:

Величина рынка. 1 место – Китай, 2 место – Индия, 3 место – Россия, 4 место – Бразилия, 5 место – ЮАР.

Открытость экономики. 1 место – ЮАР, 2 место – Бразилия, 3 место – Россия, 4 место – Индия, 5 место – Китай.

Инфраструктура. 1 место – Россия, 2 место – Китай, 3 место – ЮАР, 4 место – Бразилия, 5 место – Индия.

Качество трудовых ресурсов. 1 место – Россия, 2 место – Китай, 3 место – Бразилия, 4 место – ЮАР, 5 место – Индия.

Расходы на оплату труда. 1 место – Индия, 2 место – Бразилия, 3 место – Китай, 4 место – Россия, 5 место – ЮАР.

Защита инвестиций. 1 место – Индия, 2 место – Южная Африка, 3 место – Бразилия, 4 место – Россия, 5 место – Китай.

Риски. 1 и 2 места делят Бразилия и Индия, 3 место – ЮАР, 4 место – Россия, 5 место – Китай.

Развитость финансового рынка. 1 место – ЮАР, 2 и 3 места делят Китай и Индия, 4 место – Бразилия, 5 место – Россия.

Налоговая нагрузка. 1 место – Россия, 2 и 3 места делят Китай и ЮАР, 4 место – Индия, 5 – Бразилия.

Регуляторная среда. 1 место – Россия, 2 место – ЮАР, 3 место – Китай, 4 место – Бразилия, 5 место – Индия.

Приведенные данные позволяют судить о конкурентных преимуществах соответствующих стран, лежащих в основе их стратегии привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Сравнительные конкурентные преимущества

Бразилия

Среди стран БРИКС Бразилия выделяется высокой открытостью экономики, низкими рисками и хорошим соотношением качества трудовых ресурсов и расходов на оплату труда. Эти факторы привлекательности действуют взаимосвязанно. Высокая открытость экономики позволяет иностранному капиталу оперировать в широком спектре отраслей, а низкие риски расширяют круг иностранных инвесторов, готовых реализовать те или иные проекты. Хорошее соотношение качества трудовых ресурсов и расходов на оплату труда позволяет поддерживать эффективность проектов с ПИИ как в трудоемких отраслях, где требуются ограничения на рост зарплаты, так и в технологически сложных секторах, где нужна достаточно высокая квалификация персонала.

Вместе с тем, приток ПИИ в страну сдерживают самый высокий в БРИКС уровень налогообложения компаний, а также менее сильные по-

зиции в таких компонентах, как величина рынка, инфраструктура, развитость финансового рынка и регуляторная среда (Бразилия там занимает предпоследнее четвертое место в БРИКС).

Россия

Россия лидирует в четырех их десяти компонентов инвестклимата: инфраструктуре, качестве трудовых ресурсов, легкости налоговой нагрузки и регуляторной среде. Однако в таких важнейших компонентах как величина рынка и открытость экономики страна находится в середине списка (третье место). Это говорит о том, что инвестклимат в России способен привлекать ПИИ, ориентированные на широкие в географическом смысле рынки, достаточно сложные и высокотехнологичные производства, активное реинвестирование прибыли и филиальные/представительские сети. Однако вследствие ограничений на ПИИ и средний по меркам БРИКС рынок эти возможности носят умеренный характер.

Ситуацию осложняет слабая развитость финансового рынка (5 место) и довольно значительные риски (4 место), которые к тому же усугубляются санкциями западных стран.

Индия

Страна лидирует по дешевизне трудовых ресурсов, защите инвестиций (1 место) и рискам (делит 1-2 места с Бразилией). Индия занимает сильное 2 место по величине рынка. Такая структура конкурентных преимуществ в сфере инвестклимата свидетельствует о значительном потенциале страны по привлечению ПИИ в трудоемкие отрасли и бизнесы, ориентированные на внутренний спрос. Также привлекательна Индия для инвесторов, ориентированных на долгосрочные проекты и умеренные риски.

Тем не менее есть и ощутимые проблемы. Страна занимает последнее 5 место в БРИКС в таких компонентах, как инфраструктура, качество трудовых ресурсов и регуляторная среда. Не слишком сильны позиции Индии и в открытости экономики (4 место) и легкости налоговой нагрузки на корпорации (4 место). Поэтому инвестклимат в этой стране носит дуалистичный характер: наряду с большими возможностями он создает и большие ограничения.

Китай

Поднебесная обладает лидерством в важнейшем компоненте – величине рынка. Именно величина рынка вызвала мощное притяжение для ПИИ в Китае. Однако следует заметить, что и по развитию инфраструктуры и качеству трудовых ресурсов страна занимает в БРИКС сильное 2 место, а также делит 2-3 места в таких компонентах, как развитость финансового рынка и налоговая нагрузка. Все это говорит о сильных

конкурентных преимуществах Китая и его потенциале привлекать большие объемы ПИИ.

Основными ограничителями выступают открытость экономики и защита инвестиций, в которых Китай занимает последнее 5 место в БРИКС.

Южная Африка

Страна лидирует в открытости экономики и развитости финансового рынка, занимает 2 место в защите инвестиций и регуляторной среде и делит 2-3 места в легкости налоговой нагрузки. Данная структура конкурентных преимуществ в целом характерна для менее крупных стран: упор делается на широкую доступность сфер инвестирования, поддержку инвестиционного процесса с стороны финансового сектора и его стимулирование низкой налоговой нагрузкой, максимальную комфортность организационно-правовых процедур и защиту интересов инвестора.

ЮАР уступает другим странам БРИКС по величине рынка и дешевизне трудовых ресурсов, имеет невысокое 4 место по качеству трудовых ресурсов. Соотношение качества трудовых ресурсов и расходов на оплату труда в стране наиболее проблемное в БРИКС. Оно не поддерживает в достаточной степени ни трудоемкие, ни технологически сложные отрасли.

Приток ПИИ

Объем притока

В определенном смысле, объем привлеченных ПИИ является «реальной» или «объективной» оценкой инвестклимата в соответствующей стране. Такая оценка не носит исчерпывающего характера, поскольку на приток ПИИ сильно влияют циклические факторы мировой экономики и геополитическая ситуация. Поэтому динамику входящих потоков ПИИ нужно оценивать комплексно.

Как видно из таблицы 2, в период с 2010 г. по 2015 г. приток ПИИ в страны БИКС практически стабилизировался. Тем не менее, лидер по объему привлеченных ПИИ — Китай демонстрирует все же рост по этому показателю. Это еще раз говорит о том, что величина рынка является приоритетным компонентом инвестклимата, который способен компенсировать даже слабые позиции в других отдельных компонентах.

Таблица 2

Приток ПИИ в страны БРИКС, млн. долл.

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Бразилия	83 749	96 152	76 098	53 060	73 086	64 648
Россия	31 668	36 868	30 188	53 397	29 152	9 825
Индия	27 417	36 190	24 196	28 199	34 582	44 208

Китай	114 734	123 985	121 080	123 911	128 500	135 610
Южная Африка	3 636	4 243	4 559	8 300	5 771	1 772
Итого:	261 204	297 438	256 121	266 867	271 091	256 063

Источник: World Investment Report 2016. Investor Nationality: Policy Challenges. UNCTAD, Geneva, 2016.

Сложнее ситуация с Бразилией, которая находится на втором месте в БРИКС по объему привлекаемых ПИИ. Достигнутый в 2011 г. максимум почти в 1,5 раза превосходит показатель 2015 г. Вероятно, Бразилии потребуется еще несколько лет, чтобы вернуться к максимальным значениям притока ПИИ. В условиях замедления мирового роста (не говоря уже о кризисе) такие компоненты инвестклимата как открытость, хорошее соотношение качества трудовых ресурсов и расходов на оплату труда, защита инвесторов, которые характерны для Бразилии, играю меньшую роль, чем величина рынка. Поэтому Бразилия может приближаться к сопоставимым с Китаем объемам привлеченных ПИИ главным образом в периоды благоприятной мировой конъюнктуры.

С 2014 г. на третье место вышла Индия, до того уступавшая России. Как и Китай, Индия демонстрирует в последние годы рост объема привлечения ПИИ. Как и в Китае, этот рост вызван прежде всего значительной величиной рынка страны. Однако в Индии есть и другой немаловажный компонент, эффективно работающий в условиях спада мировой конъюнктуры — низкие расходы на оплату труда. Индия успешно сокращает большое отставание от Китая в объемах притока ПИИ — с более чем пятикратного разрыва в 2012 г. до приблизительно трехкратного в 2015г.

В 2014-2015 гг. Россия испытала драматическое сокращение притока ПИИ. Решающую роль в этом сыграло падение цен на нефть и усложнение геополитического положения страны, повлекшее введение западными странами антироссийских санкций. Однако сам по себе инвестклимат России вполне конкурентоспособен в рамках БРИКС. Поэтому закрепление цены на нефть выше 60 долл. за баррель и отмена санкций способны вернуть страну к прежним объемам привлеченных ПИИ.

Для Южной Африки характерны сильные колебания притока ПИИ от года к году. Так, за 2010-2013 гг. данный приток увеличился в этой стране в 2,3 раза, а за 2013-2015 гг. упал в 4,7 раза. Налицо сильная зависимость страны от мирового цикла, быстрая и драматическая реакция притока ПИИ на ухудшение конъюнктуры и падение цен на сырье в главной инвестиционной сфере ЮАР — горнодобывающей промышленности. Параметры инвестклимата страны не позволяют амортизировать внешние шоки, поскольку конкурентные преимущества ЮАР как раз и связаны с максимальной открытостью экономики, а величина рынка здесь наименьшая в БРИКС.

Оценка инвесторов

Оценка условий ведения бизнеса в странах-получателях ПИИ, формируемая данными опросов представителей действующих в странах БРИКС иностранных компаний, в целом подтверждает, но также дополняет и уточняет индекс инвестклимата. В таблице 3 приведены данные опросов Всемирного экономического форума о наиболее проблемных областях ведения бизнеса. Из них следует, что во всех странах БРИКС существенные опасения делового сообщества вызывает проблема коррупции. При этом наиболее остро данная проблема воспринимается в Бразилии, а наименее — в Китае. По другим пунктам опросного листа разброс страновых значений выражен значительнее.

Если выделить пять наиболее проблемных областей в каждой стране БРИКС, то ситуация выглядит следующим образом. В Бразилии 1 место занимают ставки налогов, 2 место — коррупция, 3 место — налоговое законодательство, 4 место — неэффективная правительственная бюрократия, 5 место — нестабильность политики.

Таблица 3

Проблемные области ведения бизнеса в странах БРИКС, 2016 г.

	Бразилия	Россия	Индия	Китай	Южная Африка
Ставки налогов	15,9	13,3	9,6	7,8	2,6
Налоговое законодательство	12,5	7,7	11,7	7,5	0,8
Коррупция	13,6	10,9	10,9	7,9	12,3
Неэффективная правительственная бюрократия	11,9	6,0	3,5	8,7	17,7
Нестабильность политики	9,2	6,7	3,6	8,8	12,8
Ограничительное трудовое законодательство	8,7	2,7	4,4	4,0	17,5
Недостаточность инфраструктуры	7,8	4,3	4,2	6,8	4,2
Недостаточная обученность рабочей силы	4,8	4,6	2,5	4,8	12,9
Доступ к финансированию	3,4	10,7	2,8	10,8	1,8
Нестабильность правительства	3,4	3,1	5,7	4,0	1,5
Недостаточная способность к инновациям	2,8	3,6	7,3	6,7	0,2

Инфляция	2,5	13,8	7,4	8,4	1,7
Низкий уровень общественного здравоохранения	1,7	1,0	8,5	2,8	0,6
Низкий уровень трудовой этики национальной рабочей силы	0,9	3,6	6,0	5,0	4,8
Преступления и кражи	0,8	2,9	7,4	1,9	6,9
Валютное регулирование	0,2	5,2	4,6	4,0	1,7

Источник: Global Competiveness Report 2016-2017. /ed. by Klaus Schwab/. Geneva, World Economic Forum, 2016.

В России на 1 месте находится инфляция, на 2 месте — ставки налогов, на 3 месте — коррупция, на 4 месте — доступ к финансированию, на 5 месте — налоговое законодательство. Обращает внимание, что опросы по сравнению с индексом инвестклимата показывают более худший показатель России в области ставок налогообложения. Это отчасти связано с тем, что в индексе инвестклимата учитывались только данные по налогу на прибыль и косвенным налогам, в то время как в России существенны и иные налоги и отчисления (например, отчисления в фонды соцстраха). Кроме того, на восприятие налоговой нагрузки оказывает влияние и прибыльность бизнеса: одна и та же ставка налога на прибыль может восприниматься как высокая для низкоприбыльных бизнесов и умеренная, или даже низкая, для высокоприбыльных. В условиях падения цен на нефть и западных санкций прибыльность иностранных компаний в России сократилась.

В Индии 1 место по озабоченности инвесторов заняло налоговое законодательство, 2 место — коррупция, 3 место — ставки налогов, 4 место — низкий уровень общественного здравоохранения, 5 место — преступления и кражи.

В Китае 1 место получила проблема доступа к финансированию, 2 место — нестабильность политики, 3 место — неэффективная правительственная бюрократия, 4 место — инфляция, 5 место — коррупция.

В Южной Африке 1 место занимает неэффективная правительственная бюрократия, 2 место — ограничительное трудовое законодательство, 3 место — недостаточная обученность рабочей силы, 4 место — нестабильность политики, 5 место — коррупция.

Как видно из приведенных данных, в восприятии делового сообщества ставки налогов и налоговое законодательство являются весьма проблемными областями в трех странах — Бразилии, России и Индии. Инфляция воспринимается как основная проблема только в России. Фактор инфляции попадает в первую пятерку проблемных областей также в Китае, но

там он занимает лишь пятое место. Неэффективность правительственной бюрократии сильно подчеркнута в качестве основной проблемы в ЮАР, но также заметна и в данных опроса по Китаю. Доступ к финансированию воспринимается инвесторами в качестве основной проблемы только в Китае. Имеет достаточно важное значение этот вопрос и в России (четвертое место).

Только в ЮАР большое значение имеют такие проблемные области как ограничительное трудовое законодательство и недостаточная обученность рабочей силы. В других странах БРИКС эти области не попали в число пяти основных. И только в Индии в первой пятерке проблемных областей находятся низкий уровень общественного здравоохранения, а также преступления и кражи.

Говоря обобщенно, с точки зрения инвесторов наиболее типичной страной БРИКС является Бразилия. В этой стране все пять наиболее проблемных областей одновременно входят и в число пяти наиболее проблемных областей других стран БРИКС. Другими словами, Бразилия — это своего рода зеркало БРИКС. Ее антиподом в некотором смысле выступает Южная Африка. В ЮАР две важнейшие проблемные зоны не входят в число таковых в остальных странах БРИКС. Поэтому ЮАР — наиболее специфичная страна БРИКС. Россия, Индия и Китай сочетают типичные и специфичные проблемные зоны, но специфичных проблемных зон у этих стран по одной.

Литература

Global Competiveness Report 2015-2016. /ed. by Klaus Schwab/. Geneva, World Economic Forum, 2015.

Данные по индексу регуляторных ограничений ПИИ // сайт ОЭСР - http://www.oecd.org/investment/fdiindex.htm

The Human Capital Report 2015. World Economic Forum, 2015.

Данные о среднем уровне заработной платы в странах мира // статистический сайт - http://www.statista.com/statistics/226956/average-world-wages-in-purchasing-power-parity-dollars

Данные по индексу политического риска в странах мира // сайт компании PRS Group - https://www.prsgroup.com/category/risk-index

World Investment Report 2016. Investor Nationality: Policy Challenges. UNCTAD, Geneva, 2016.

Global Competiveness Report 2016-2017. /ed. by Klaus Schwab/. Geneva, World Economic Forum, 2016.

Иванова И.И.
*Ледовская О.А.**

Турция и Япония: партнерство набирает силу

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы двусторонних отношений между Турцией и Японией. Отношения между двумя странами прошли определенный исторический путь развития и характеризовались периодами активизации, застоя и оживления. Для экономических отношений характерна однонаправленность инвестиций с японской стороны и невысокий уровень взаимной торговли, что, отчасти, можно объяснить отсутствием соглашения о свободной торговле, переговоры о подписании которого продолжаются в настоящее время. За последние несколько лет, с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития, произошли позитивные сдвиги в отношениях между странами. В рамках соглашения о стратегическом партнерстве, заключенного в мае 2013 г., осуществляются многочисленные двусторонние проекты в Турции и в ряде третьих стран: открытие тоннеля «Мармарай» под проливом Босфор, где была применена японская рельсовая система; сооружение Измитского подвесного моста; подготовка реализации проекта строительства Синопской АЭС; строительство метро в Дубаи, а также строительство заводов в Туркменистане. Существует большая вероятность дальнейшего участия Японии в области расширения экспорта в Турцию технологий в космической и оборонной промышленности. Сделан вывод о том, что несмотря на то, что экономические и политические отношения между Турцией и Японией имеют огромный потенциал, существует ряд сдерживающих факторов, влияющих на их дальнейшее развитие. В частности, различаются подходы двух стран по ряду международных проблем глобального и регионального характера: по вопросам преодоления кризиса, связанного с беженцами из Сирии, а также по вопросам территориальных споров между Японией и КНР и между Японией и Южной Кореей. Тем не менее, взаимопонимание двух стран по относительно небольшим проблемам Азии и других регионов, наряду с тенденцией к развитию двусторонних экономических отношений, представляются устойчивыми, что будет способствовать значительному числу различных партнерских договоренностей.
Ключевые слова: турецко-японские отношения, японские инвестиции, Синопская атомная станция, тоннель Мармарай, стратегическое партнерство.

---

* Иванова Инесса Ильинична, кандидат исторических наук, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (У) МИД России (Московского Государственного института международных отношений (университета) МИД России)
Ледовская Ольга Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН

Турция сотрудничества между двумя странами и, соответственно, определяет их взаимные обязательства, исходя из широкого круга своих взаимодополняющих национальных интересов.входит в число немногих стран, с которыми Япония подписала «Совместную декларацию о стратегическом партнерстве». Подобный статус межгосударственных отношений, определенный в 2013 г., отражает высокую степень разностороннего

В настоящее время все отчетливее обозначаются тенденции формирования многополярного мирового порядка, при котором кроме США — главного стратегического партнера Японии — существенную роль в мировой политике и экономике станут играть и другие страны. Перед Японией объективно встала необходимость приспосабливаться к быстро меняющемся миру и новой расстановке сил на международной арене.

После прихода к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития во внешней политике страны наметились новые тенденции, которые определялись тремя основными факторами: новым пониманием идентичности Турции и ее роли в мире, стремлением к нормализации отношений с другими странами и усилению ее позиций в соседних регионах

Турция, провозгласив принцип многовекторной внешней политики, намеревалась установить и поддерживать дипломатические отношения с большим количеством глобальных игроков, выстроить такую систему международных отношений, при которой отношения между странами носят не конкурирующий характер, а взаимодополняют друг друга. Анкара, заинтересованная в расширении сфер своего влияния, стремилась стабилизировать отношения не только с соседними ближневосточными странами , но и с государствами дальнего зарубежья, в том числе с Японией.

Активная позиция страны по всем вопросам глобального и межгосударственного значения должна была способствовать укреплению позиций Турции на мировой арене.

Потребность в активизации турецко-японского сотрудничества формировалась на протяжении нескольких лет не без американского влияния. Тем не менее очевидно, что, помимо геополитических интересов США, существует объективная потребность двух стран в развитии отношений.

Исторические связи

Турецко-японские отношения прошли определенный исторический путь развития до установления дипломатических отношений между ними.

В этой связи необходимо отметить, что 2014 и 2015 годы были ознаменованы двумя памятными датами в турецко-японских отношениях, которые широко отмечались в обеих странах.

В 2014 г. исполнилось 90 лет со дня установления дипломатических отношений между Турцией и Японией. На 2015 год пришлось 125-летие

трагического события: в 1890 г. фрегат Османской империи «Эртугрул», направленный султаном Абдулхамидом II, потерпел крушение и затонул у берегов Японии после почетной миссии вручения японскому императору турецкой награды. Более 500 моряков погибли, но 69 человек были спасены японцами и доставлены на родину японскими судами.

Среди ключевых событий в турецко-японских отношениях можно назвать следующие: предложение министра иностранных дел Японии М.Терасима об установлении дипломатических отношений между Японией и Турцией в 1875 г.; решение об улучшении двусторонних отношений в связи с подписанием договора между Японией и Османской империей о дружбе в 1893 г.; переговоры о создании японо-турецкой внешнеторговой ассоциации в 1925 г.; открытие японского посольства в Стамбуле и турецкого посольства в Токио в 1925 г.

Однако о сформированных двусторонних отношениях можно говорить только после провозглашения Турецкой Республики в 1923 г. Важным событием в этом контексте явилось открытие японской торговой выставки в 1928 г. в Стамбуле, которая продолжала свою работу до 1937 г. В 1930 г. между двумя странами было заключено первое соглашение по торговле и мореходству, которое заложило основы развития торгово-экономических отношений между двумя странами, что по мнению японской стороны «должно было способствовать развитию политических отношений»[1] .

Эволюция турецко-японских отношений отмечена периодами активизации, застоя и оживления. После установления дипломатических отношений стороны проявляли стремление к развитию взаимовыгодных связей и контактов и неоднократно прикладывали немалые усилия в этом направлении, что объективно диктовалось национальными интересами обеих стран. Тем не менее, процесс налаживания и развития отношений протекал очень медленно и неровно. В результате за истекшие десятилетия отношения между Японией и Турцией как в экономической, так и в политической и культурной областях не достигли уровня развития, который в полной степени соответствовал бы значимости каждой из этих стран, их потенциальным возможностям и их положению в мире, в целом. Политические отношения между двумя странами заметно отставали от экономических.

Проблемы экономического сотрудничества

Важным событием в двусторонних отношениях стал визит в Японию премьер-министра Турции Т.Озала в мае 1985 г., целью которого было расширение взаимной торговли, привлечение в Турцию японских капиталовложений и использование высокоразвитой японской технологии.

[1]http://www.tedefebce.com/?p=3176

Стремясь к расширению сотрудничества с Японией, турецкие политические и деловые круги во главу угла ставили следующие соображения:

– необходимость увеличения объема взаимной торговли, что давало Турции важный рынок сбыта и расширяло импорт высококачественной японской продукции;
– привлечение японских кредитов и прямых инвестиций, современной технологии, что позволяло стимулировать развитие экономики и повышение качества продукции;
– создание совместных турецко-японских предприятий, в т.ч. и для деятельности в третьих странах, например, как отмечает О.Ольчмен (член правления Ассоциации турецких подрядчиков), «турецко-японские совместные компании, используя японскую технологию и турецкие инженерные возможности, смогли бы успешно осуществлять деятельность в странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, а затем и Америки»[2] .

По мнению журнала *"The Middle East Economic Digest"*, Япония могла сыграть роль своего рода противовеса в отношениях Турции со странами Европы и США, что позволяло ей проводить более самостоятельную и независимую политику в торговле и экономических связях[3].

Для Турции имел значение и тот факт, что Япония поддержала ее стремление вступить в ЕС. По мнению бывшего посла Японии в Турции К. Вати, «Турецкая Республика является важным связующим звеном между Европой и исламским миром , и ее участие в ЕС может стать символом мирного сосуществования Запада и стран ислама». Хотя, по его словам, «Япония, к сожалению, не имеет достаточных возможностей, чтобы ускорить вступление Турции в ЕС, но полностью поддерживает ее позицию в этом вопросе»[4].

Что касается интересов Японии в развитии сотрудничества с Турцией, на первый план, как и во внешнеэкономических отношениях с другими странами, выступали торгово-экономические интересы, которые усиливались географической близостью Турции к Европе и ближневосточным рынкам. По мнению японских исследователей, Турция обладала растущим рынком и значительными потенциальными возможностями в связи с будущим присоединением к ЕС в качестве полноправного члена и высоким уровнем развития экономических и политических отношений с исламскими странами[5].

Вместе с тем, японские предприниматели выделяли ряд трудностей, сдерживающих развитие отношений между двумя странами. Япония бы-

---

[2] Turkish Daily News 05.07.1988
[3] The Middle East Economic Digest 21.05.1986, с.86
[4] Turkish Daily News. 02-03.07.1988.
[5] The Middle East Economic Digest. 01.02.1984, с.24

ла крайне осторожна в отношении крупных инвестиционных проектов в Турции.

Один из бывших руководителей японского Союза предпринимателей (*Кэйданрэн)* М.Миоси так суммировал эти факторы: «В Турции недостаточна развита базовая инфраструктура - имеются трудности с энергетикой, транспортом, связью, финансово-кредитная система не обладает требуемой гибкостью, процентные ставки чересчур велики. Основное значение в плане поощрений капиталовложений в Турции придается слаборазвитым районам, а японские фирмы предпочитают делать капиталовложения в крупных городах: Стамбуле и Измире»[6]. По его мнению, негативным фактором является также длительная транспортировка морем сельскохозяйственной продукции (45 дней), что затрудняет перевозку сельскохозяйственной продукции., попытки же осуществить эти перевозки через территорию СССР оказались безуспешными[7].

Другим важным фактором, повлиявшим на невысокий уровень японских инвестиций в Турции в 80-е годы , была определенная политическая нестабильность, что было вызвано достаточно сложными внутриполитическими процессами внутри страны до военного переворота 1980 г. Вместе с тем, начавшийся период стабилизации, связанный с политическими и экономическими реформами, проводимыми премьер-министром Т. Озалом в конце 80-х - начале 90-х гг., стал существенным фактором, способствовавшим активизации двусторонних турецко-японских отношений.

Важной вехой в турецко-японских отношениях стало сооружение с помощью Японии нового моста через Босфор в Стамбуле. Его завершение летом 1988 г. стало, по мнению японских политических и деловых кругов, воплощением «выдающейся японской технологии и турецко-японской дружбы»[8]. Мост «Фатих» был построен консорциумом японских, итальянских и турецких фирм. Его стоимость составила $ 551 млн, которые предоставили в основном японские банки под низкие проценты. Мост был завершен на шесть месяцев раньше запланированного срока[9]. Генеральный директор проекта моста М.Уэда, воглавлявший одну из трех японских компаний, занятых в его сооружении, подчеркивал, что выгоды от моста неоспоримы. Соединение с его помощью двух континентов поможет разгрузить транспортную систему Стамбула, создать обводную кольцевую дорогу для грузового транспорта, курсирующего между Европой и Азией, что будет способствовать еще большему экономическому развитию Турции[10].

---

[6] Milliyet. 27.11.1987.
[7] Turkish Daily News.21.11.1987.
[8] Turkish Daily News.02-03.07.1988
[9] Ibidem.
[10] Turkish Daily News. 20-21.08.1988

Проявлением дружественных двусторонних отношений можно считать события 1999 г., когда в Турции произошло землетрясение силой 9-10 баллов по шале Рихтера, эпицентр которого находился в городе Измит, в 80 км от Стамбула. Япония тогда стала одним из немногих государств, предоставивших Турции экономическую и техническую помощь. Японское правительство направило в Турцию команды службы спасения, предоставило в дар 500 сборных домов и в рамках японской помощи выделило в общей сложности $ 1 млн , $600 тыс. из которых составили закупки лекарств, медицинского оборудования, палаток, одеял[11].

В 2000 г. был подписан План по развитию отношений между двумя странами в XXI веке. Вслед за подписанием этого плана, предусматривавшего развитие экономических, политических и культурных связей, в Японии 2003 год был объявлен годом турецкой культуры. Состоявшийся в 2006 г. обмен официальными визитами премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Турцию и президента Турции А. Гюля в Японию придал импульс развитию, прежде всего, экономических отношений, в частности, в области двусторонних инвестиций.

Япония занимает 6-е место среди всех стран, осуществляющих инвестиции в Турцию[12] и 1-е место среди азиатских стран-инвесторов[13]. В 2013 г. японские инвестиции в турецкую экономику составили $1,4 млрд[14], из них 29% приходится на автомобильное производство и 18% — на финансовый сектор[15]. С 1990 г. в Турции в г. Сакарая функционирует компания *Toyota Turkey,* которая является лидером турецкого экспорта и самым крупным предприятием в стране. Компания обеспечивает 20% производства автомобилей в Европе. Из 2 млн, автомобилей произведенных компанией к 2015 г., 1,5 млн было экспортировано[16]. В настоящее время кроме таких японских «гигантов», как *Toyota, Isuzu, Honda,* в Турции работает большое количество японских фирм в области энергетической и химической промышленности.

Японские компании участвуют в развитии инфраструктуры Турции с 1970 г. и оказывают существенную поддержку турецким компаниям в области строительства опорных мостов, развитию системы питьевой воды в столице страны Анкаре, а также внедрении в стране системы пригородных поездов.

---

[11] www.tr.emb.-japan.go.jp/T.02/01html

[12] JETRO Global Trade and Investment Report 2014- http://jetro go.jp/en/reports/white_paper

[13] www.ey.com/GL/en/Newsroom/News-releases/NewsForiegn-investment-in-turkey-doubles-in-last-five-years

[14] asialawportal.com/2014/11/27/japan-and turkey-seizing-the-potential-for-growth

[15] www.ey.com/GL/en/Newsroom/News-releases/NewsForeign-investment-in-turkey-doubles-in-last-five-years

[16] http://www.trdefence.com/?p=3176

При этом необходимо отметить проблему однонаправленности инвестиций, т.е. все вышеперечисленные финансовые потоки происходят только с японской стороны. Что касается турецких инвестиций, то очень сложно найти фирмы, осуществляющие бизнес - проекты в Японии. Это, в некоторой степени, объясняется объективными причинами. По мнению турецкого исследователя стратегического центра *Bilgesam* Я.Дирила, не только Турция , но и другие страны ограничены с точки зрения капиталовложений в Японии. «Иностранные фирмы, желающие прийти на японский рынок, должны действовать по «правилам игры» японской структуры бизнеса и учитывать стоимость рабочей силы при создании рабочих мест, налоги и т.д.»[17]. По данным турецкого стратегического центра *Bilgesam* 28 турецких фирм, которые ведут деятельность в Японии, были зарегистрированы в турецко-японской торгово-промышленной палате. Сфера их деятельности охватывает ресторанное дело, продажу сувениров, ковров, а также профессиональную уборку помещений[18].

Еще одной нерешенной проблемой экономического сотрудничества между двумя странами остается невысокий уровень взаимной торговли. В 2014 г. объем взаимной торговли между двумя странами составил $3,6 млрд, при этом на японский экспорт (транспортные средства, электронное и энергетическое оборудование, лекарственные средства, изделия из каучука и металлоизделия) в Турцию приходится $ 3,2 млрд, а на турецкий экспорт (продукты питания, напитки, табак, домашний текстиль, ковры и химические изделия) в Японию — всего $400 млн, а общая доля турецкого экспорта в общем импорте Японии составляет всего 0,06%[19]. Подобное положение дел всегда вызывало озабоченность двух стран, т.к. не отражало их реального потенциала. Однако, по мнению сторон, заключение двустороннего соглашения об экономическом сотрудничестве, техническая стадия подготовки которого была завершена в 2014 г., заложит основы взаимовыгодных торговых отношений и сократит дисбаланс двусторонней торговли[20]. Япония занимает 4-е место среди крупнейших восточно-азиатских экономических партнеров Турции после Китая, Индии и Южной Кореи по объему внешней торговли и капиталовложениям.

Негативным фактором, влияющим на двустороннее экономическое сотрудничество является разница в стандартизации продукции, существующая в двух странах. Япония предъявляет более высокие стандарты для импортной продукции по сравнению с Турцией. Как отмечают турецкие специалисты, «кроме существования специальных квот в отношении пищевых товаров, японская таможня проводит тщательный контроль импор-

---

[17] www.bilgesam.org/incele/88turkie-japonia-ilskileri
[18] Ibidem.
[19] www.mofa.go.jp/region/middle_e/turkey/data.html
[20] Dippost.com/2014/01/07/turkish-japanese-trade-volume-not-enough-turkish-pm/

тируемой сельско-хозяйственной продукции на применение химикатов»[21]. К тому же Япония предпочитает экспортировать товары из близлежащих стран, таких как Китай и стран АСЕАН. Кроме того, для турецких экспортеров невыгодно проходить долговременный и затратный процесс стандартизации, сертификации, создания этикеток и.т.п. Как отмечает Я. Дирил, « поскольку 25% японского населения составляют пожилые люди, которые стремятся вести здоровый образ жизни, необходимым условием японского импорта являются продукты «здорового питания»[22].

По мнению Я. Дирила, в деловых отношениях с японцами на первый план выдвигаются вопросы доверия и терпения. «Если ваш японский партнер не чувствует к вам доверия и не уверен в постоянном высоком качестве продукта, вы не сможете претворить в жизнь самый привлекательный бизнес-проект»[23]. Для турецких фирм больше характерен подход, при котором другой партнер узнается путем торговли, а затем формируется доверие.

Однако в последнее время Япония, переживающая экономический застой, для оживления своей экономики и увеличения капиталовложений и занятости, а также для более полного интегрирования в глобальную экономику изменила свой подход к иностранным инвестициям и приняла ряд мер поощрения и облегчения деятельности иностранных инвесторов в стране. Это нашло выражение в либерализации , в частности, импорта турецких грейпфрутов и турецкого фундука. Но, при этом, не следует ожидать очень быстрых перемен в деятельности турецких инвесторов в Японии.

С точки зрения японских экспертов, Турция может стать той страной, которая позволит Японии войти в обширный район Ближнего Востока, где она в последнее время стала играть одну из ключевых ролей[24] [16, с.23]. На электронном сайте МИД Японии Турции уделяется важное место, при этом подчеркивается ее роль в достижении Японии своих интересов в обширном ближневосточном регионе[25].

Проекты в третьих странах

Турция и Япония не ограничиваются только двусторонними проектами на территории своих стран. В этом отношении новой формой сотрудничества между ними становятся проекты, в частности, в Централь-

---

[21] www.bilgesam.org/incele/88turkiye-japonia-iliskeleri
[22] Ibidem.
[23] Ibidem.
[24] Katakura K. Japan and the Middle East: towards a more positive role. http://books.google.ru/books?id=&3VaYSE6XAC&pg=PAZ7&dq=K.Katakura+Japan+and+the+middle+east+towards+a+more+positive+role
[25] www.mofa.go/jp/region/middlee_e/turkey/index.html

ной Азии, где в этом направлении уже были достигнуты положительные результаты. Так, например, Туркменистан стал представлять большой интерес для Японии, т.к. обладает, с японской точки зрения, чрезвычайно важным достоинством — наличием широкой прослойки турецких граждан, что может способствовать укреплению статуса Японии в Центральной Азии. При этом немаловажным фактором является тот факт, что многие из проживающих в Туркменистане турок имеют двойное гражданство.

Турция, в свою очередь, содействует повышению влияния Японии в этой стране. Япония активно реализует бизнес проекты и лоббирование в Туркменистане главным образом с турецкими предприятиями. Турецкие подрядчики принимают участие в крупномасштабных проектах, которые финансируются японскими компаниями. Так, например, турецкая группа компаний «Чалык», осуществляющая строительство крупнейшего в Центральной Азии завода по переработке хлопка, оказала посредническое содействие в обеспечении благоприятных результатов в деле реализации импортных поставок оборудования и комплектующих деталей японского производства, предназначенных для переработки хлопка[26].

В 2014 г. японо-турецкий консорциум, в который входят японская компания *Kawasaki Heavy Industries* и турецкая *Ronesans Turkmen,* начал строительство газохимического комбината по переработке природного газа в Овандепе (Красный холм) под Ашхабадом. Важное значение этого комплекса объясняется, прежде всего, тем, что экономика Туркменистана, которая в значительной степени зависит от экспорта природного газа (который ограничен возможностями трубопроводной системы страны), приобретет комплекс, который ежегодно будет перерабатывать 1,785 млрд кубометров природного газа и производить 600 тыс. т высококачественного бензина марки А-92 по стандарту Евро-5[27].

В 2005 г. японо-турецкий консорциум *Dubai Rapid Link (DURL)*, в который входят японские корпорации *Mitsubishi, Obayashi* и *Kajima,* а также турецкая компания *Yapi Merkezi* выиграл по тендеру ряд контрактов на строительство метро в Дубаи на общую сумму 12 млрд дирхамов ($3,2 млрд**).** Дубайское метро, управляемое автоматически из единого диспетчерского центра после завершения строительства стало самой протяженной сетью в мире[28].

Турция и Япония могут сотрудничать в инвестировании в инфраструктуру, транспорт и энергетику стран Ближнего Востока, Северной Африки, Персидского залива и стран, соседних с Турцией. Ирак, кото-

[26] http://www.jbic.go.jp/en/adout/press/2009/0319-01/index.html
[27] http:/www/e-plastic.ru/news/nachalos-stroitelstvo-novogo-turkmeno-yapono-tyreckogo-gkhk_9230.html
[28] www.votpusk.ru/news.asp?msg=72580

рый в настоящее время находится в стадии раскола, в перспективе может представлять интерес для обеих стран с точки зрения его экономического восстановления.

Установление стратегического партнерства

За последние несколько лет произошли позитивные сдвиги в двусторонних отношениях. Происходит активизация дипломатических контактов, а также контактов на высшем уровне. В 2013 г. состоялись два визита премьер-министра Японии С.Абэ в Турцию. В мае он присутствовал на церемонии подписания соглашений о Синопской атомной станции, тендер на которую был выигран японской компанией *Mitsubishi Heavy Industries* и французским консорциумом *AREVA*. 29 октября того же года С.Абэ присутствовал на церемонии открытия туннеля «Мармарай» под проливом Босфор, соединившим азиатскую часть Стамбула с европейской, где была применена японская рельсовая система.

Подрядчиком этого крупномасштабного проекта выступил японо-турецкий консорциум *TGN,* состоявший из японской компании *Tansei* и турецких *Nurol* и *Gama*. Стоимость проекта составила $4,5 млрд, значительная часть из которых была предоставлена Международным банком сотрудничества Японии(*Japan Bank for International Cooperation — JBIC)*[29]. По мнению Дж. Бёркшира Миллера, крупного западного исследователя японской внешней политики, сотрудника центра стратегических и международных исследований Тихоокеанского форума, «проект Мармарай явился примером использования Японией мягкой силы на Ближнем Востоке, который способствовал усилению ее роли в вопросах международной безопасности (наряду с ее «антипиратской» миссиией в Аденском заливе)»[30].

В мае 2013 г. во время визита премьер-министра Японии С.Абэ в Турцию была подписана «Совместная Декларация об установлении стратегического партнерства между Японией и Турецкой Республикой»[31], целью которой было придать новое качество двустороннему сотрудничеству в политической, экономической, научно-технической, культурной, гуманитарной и др. областях.

Главные положения этого документа сводятся к следующему. Декларация закрепила практику регулярных встреч между премьер-министрами , министрами иностранных дел обеих стран, а также проведение консультаций на уровне заместителей министров. В Декларации нашло отражение важное значение, которое стороны придавали крупным, перспективным для обеих стран проектам: вышеназванному проекту «Мармарай»,

---

[29] Asahi simbun.30.10.2013

[30] Miller Berkshire J. Japan’s Strategic Push with Turkey//The Diplomat.18.03.2014

[31] www.mofa.go.jp/files/00004160.pdf

сооружению моста в заливе Измит, строительству Синопской атомной станции[32].

В Декларации стороны выразили удовлетворение в связи с заключением соглашения о сотрудничестве в использовании ядерной энергии в мирных целях, а также соглашения о сотрудничестве в строительстве атомных станций в Турции, в частности, конструкции атомной станции в Синопе.

Как отметил С.Абэ после подписания Декларации, «достижение договоренности по Синопской АЭС имеет большую значимость для Японии, которая несет ответственность за аварию на АЭС «Фукусима» и стремится внести свой позитивный вклад в развитие атомной энергетики в других странах»[33].

В рамках вышеназванного соглашения в январе 2014 г. во время визита премьер-министра Турции Т.Эрдогана в Японию стороны заявили о готовности ускорить разрешение формальностей, необходимых для начала экспорта японских атомных реакторов в Турцию для реализации проекта строительства Синопской АЭС стоимостью $ 22 млрд[34]. В настоящее время на месте строительства к начаты геодезические и сейсмические исследования при участии японской компании *Mitsubishi Heavy Industries.*

Продолжается, уже ставшее традиционным, двустороннее сотрудничество в строительстве мостов в Турции. Японские компании завершили сооружение 3-х километрового Измитского моста, 4-ого по протяженности подвесного моста в мире[35]. Турция также привлекает японские компании для строительства моста через пролив Дарданеллы, а также нового моста через пролив Босфор, который был сдан в эксплуатацию в 2015 г.

В мае 2014 г. была достигнута договоренность о создании совместного научно-технологического университета в Стамбуле, где планируется обучение студентов турецкому и японскому языкам, основам культурного наследия обеих стран. Это даст возможность использовать их в качестве персонала для совместных турецко-японских компаний.

Существует большой потенциал для кооперации между Турцией и Японией в сфере авиации и аэрокосмической индустрии. Так, запуск созданного в Японии спутника "*Tursat 4A*" в феврале 2014 г. с космической станции Байконур, расширяет коммуникационные возможности связи Турции и создает возможности для трансляций телевизионных передач по большому периметру Европы, Азии, Ближнего Востока, Африки[36].

В рамках соглашения о стратегическом партнерстве в ходе визита в Турцию японского премьер-министра С.Абэ в 2013 г. стороны договорились о сотрудничестве в области проектов в оборонной промышленности.

---

[32] Ibidem.
[33] Asahi simbun.04.05.2013
[34] http://news.mail.ru/politics/1683841/
[35] www.2326969.ru/news/news212.html
[36] www.zaman.com.tr/sonm-harberler-turcat-4a-tv-kanalarinin-yeni-frekanslari-2245053.html

Министр национальной обороны Турции Исмет Йылмаз в своем интервью японской газете *Nihon Keizai* 30 декабря 2013 г. следующим образом охарактеризовал перспективы турецко-японского сотрудничества в этой области: «Мы создаем с *Mitsubishi* группу по созданию моторов для танков и комплектующих и планируем производство нового поколения танков "*Altay*"[37](их разработка проходит совместно с Ю.Кореей). В перспективе Турция намерена наладить с японскими компаниями производство моторов для вертолетов, беспилотников и инфракрасных датчиков, а также энергоустановок для подводных лодок и кораблей[38]. Японская компания *Mitsubishi* планирует создание совместного предприятия для производства моторов для танков, что полностью снимает существующие в Японии ограничения в отношении экспорта вооружения.

После подписания соглашения о стратегическом партнерстве между Турцией и Японией существует большая вероятность дальнейшего участия Японии в области расширения экспорта технологий в оборонной области.

Фармацевтическая компания *Takeda*, крупнейшая в Японии и 15-я в мире, начала продажи четырёх лекарственных препаратов и наладила маркетинг в Турции, где фармацевтический рынок быстро развивается (в отличие от перенасыщенного европейского) и становится для Японии ключевым растущим рынком[39].

Японская компания *Maekawa Inc.*, специализирующаяся на холодильных установках и имеющая 6 предприятий по всему миру, объявила о переносе одного из своих предприятий в Турцию из Бельгии.

Обе стороны договорились о создании совместного фильма, который расскажет о трагедии фрегата «Эртугрул», о внимании и помощи, которую японское правительство и народ оказали спасшимся членам турецкой команды и отношениях между двумя странами после этого события. В результате почти 3-летней работы совместный японо-турецкий фильм «Кораблекрушение-1890», спонсором которого выступила турецкая авиакомпания *“Turkish Airlines”*, с большим успехом демонстрировался на экранах двух стран с декабря 2015 г.— в 309 кинотеатрах Японии и 300 кинотеатрах Турции.

Япония, заявляя «о стремлении установить с Турцией беспроигрышные отношения»[40] рассматривает Турцию, чья политическая роль на международной арене в последнее время значительно возросла, в качестве важного стратегического партнера в Восточном Средиземноморье и регионе Черного моря и на Ближнем Востоке. По мнению японской стороны, вышеназванные проекты в Турции дают возможность оживить японскую экономику. Как заявил председатель японо-турецкого эконо-

---

[37] www.sanuigazetesi.com.tr/savunma30.12.2013
[38] www.dunya.com/guncel/2014-de-japon-yili-olmaya-aday-214268.html
[39] http://wwwtrdefence.com/?p=3176
[40] Asahi simbun.28.10.2013

мического комитета Кэйданрен С. Умэда ,« Япония рассматривает Турцию как стартовую площадку»[41]. В этой связи показательны результаты технических переговоров в рамках соглашения об экономическом партнерстве, вынесенных на повестку дня премьер-министром Р. Эрдоганом во время визита в Японию в январе 2014 г. Как заявил член японской делегации, министр экономики, промышленности и торговли Японии Т. Мотеги, «после этих переговоров состояние турецко-японских отношений отразится и на третьих странах, а сотрудничество с третьими странами позволит значительно расширить эти отношения»[42].

Турция и Япония согласились продолжить переговоры о подписании соглашения о свободной торговле в 2014 г.[43] Турция, как известно, входит в Таможенный союз ЕС и не может единолично подписать такое соглашение с третьими странами без участия Евросоюза, переговоры с которым начались в 2014 г., но пока не увенчались успехом. Турецко-японские переговоры об этом соглашении идут параллельно с переговорами Японии с ЕС. Япония может получить определенные преимущества от подписания вышеназванного соглашения с Турцией, рассматривая ее как центр для будущих поставок на рынки Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Европы. В этом отношении важное значение приобретает использование рабочей силы Турции при создании совместных предприятий, т.к. сама Япония не может войти на рынки труда этих стран.

По мнению заместителя министра экономики, торговли и промышленности Японии Т. Мацусита, «между двумя странами должно быть подписано соглашение о свободной торговле, чтобы укрепить двусторонние отношения. Япония нуждается в молодом поколении Турции. Обе страны могут объединить свои усилия и способствовать соединению стран мира. Географическое расстояние в настоящее время может соединить нации посредством торговли»[44]. Председатель Союза турецких торговых палат и бирж, а также Совета по внешнеполитическим отношениям Р. Хисарджиоглу на 20-м совместном заседании турецко-японского совета в 2013 г. подчеркнул важное значение, которое Турция придает развитию экономических отношений с Японией: «Если наши экономические связи укрепятся, может быть сформирована самая активная и динамичная сила не только в Азии, но и на географическом пространстве от Атлантики до Тихого океана»[45].

---

[41] Akcadag Goknur. Is a Turkish-Japanese Trade Agreement Imminent? http://www.trdefence/com/?p=3176
[42] www.trt.net.tr/экономика/2014-07/08
[43] http://news.vail.ru/politics/16383841/
[44] http://news.vail.ru/politics/16383841/
[45] www.tobb.orgsayyala/03.05.2013

Сдерживающие факторы в политических отношениях

Несмотря на то, что двусторонние экономические и политические отношения имеют огромный потенциал для их развития, существует ряд сдерживающих факторов. Одна из главных причин этого состоит в различиях в подходах по некоторым международным проблемам глобального и регионального характера.

Во время визита Р. Эрдогана в Японию в начале 2014 г. главными темами переговоров были проблемы Ближнего и Среднего Востока: Сирия и Египет. Турецкое правительство возлагало большие надежды на поддержку Японией её ближневосточной политики , а также ее позиции в вопросах безопасности, в частности, для содействия окончанию вооруженных столкновений в Сирии. Япония же, по мнению экспертов, действует по согласованию с США и по мере сил старается соблюдать «концерт держав» и проводит акции гуманитарного характера в отношении помощи сирийским повстанцам[46].

Несмотря на стремление Японии играть более значимую роль в международных отношениях в регионе Ближнего Востока, она продолжает оставаться в русле американской политики и традиционно следует за позицией США в вопросах международной безопасности, не выходя за рамки американской стратегии на Ближнем Востоке. В этой связи Турция и Япония договорились сотрудничать на Ближнем Востоке в соответствии с принципами политики США и НАТО[47]. Япония согласилась оказать поддержку Турции только в отношении преодоления кризиса, связанного с беженцами из Сирии[48].

Существуют расхождения между двумя странами по некоторым проблемам в Восточной Азии. Анкара занимает нейтральную позицию в территориальном споре между Токио и Пекином об островах Сэнкаку и стремится не быть вовлеченной в напряженные отношения между Китаем и Японией.

Также существует проблема между Японией и Южной Кореей о принадлежности острова Такэсима. Хотя этот вопрос не так чувствителен по сравнению с территориальными расхождениями с Китаем, Токио и Сеул до сих пор не решили его. Турция имеет глубокие корни отношений с Ю.Кореей и предпочитает оставаться нейтральной в этом вопросе.

По мнению турецкого исследователя японской внешней политики С. Чолакоглу, «сотрудничество Турции с Японией зависит от отношений последней с Китаем и Ю.Кореей, по мере развития турецко-японских отношений будут укрепляться и отношения Турции с Китаем и Южной Кореей»[49].

---

[46] vz.ru/world/2013/6/11/636650.html
[47] www.turkishweekly.net/2014/01/13/comment/golden-year-of-tukish-japanese-relations
[48] Ibidem.
[49] Ibidem.

Япония заняла привычную нейтральную позицию и в связи со сбитым турецкими ВВС российского самолета СУ-24 в ноябре 2015г., ограничившись заявлением генерального секретаря японского правительства Ё.Суга о «необходимости проявления хладнокровия всеми сторонами». «Япония внимательно следит за ситуацией и надеется, что все стороны, как члены мирового сообщества, опираясь на объективную истину, будут действовать хладнокровно и, по-прежнему, будут проявлять сплоченность перед лицом терроризма"[50]. При этом необходимо отметить, что турецкие деловые круги не исключали определенной возможности того, что новым партнером Турции в проекте строительства атомной станции «Аккую» вместо России станет Япония[51]. В Японии высоко оценили наметившееся в августе 2016 г. улучшение турецко-российских отношений, назвав его «значительным событием»[52]. Как отмечается в японской газете *“Nihon Keizai”*, «сближение позиций двух стран имеет большое значение»[53]. При этом японская сторона отводит Турции, «в силу ее важного географического положения, роль посредника между Западом и Россией, что будет способствовать повышению значимости Турции на мировой арене и стабилизации обстановки в регионе[54].

По некоторым направлениям двусторонних отношений обе страны имеют немало объективных предпосылок для их развития на взаимовыгодных началах. Это, в первую очередь, относится к сфере экономических и научно-технических связей, которые в последние годы усилились и расширились.

При анализе современного состояния и перспектив турецко-японских отношений одним из первостепенных по значимости является вопрос о том, какую роль объективно они играют в Азии и в мире в целом: служат ли они стабилизирующим фактором международной обстановки или вносят элементы разъединения и конфронтации государств; какое влияние может оказать турецко-японское сближение на положение в регионе. Обе страны пользуются очевидным влиянием как на региональном, так и на мировом уровне, обе стали важнейшими опорами выстроенной США в послевоенный период мировой системы альянсов. Несомненно одно: если бы две столь крупные страны совместно выступали по ключевым проблемам, это имело бы весьма важное политическое значение. Как пишет американский журнал *"National Review"*, «выбор (этих) двух стран будет значить очень много еще и для США , которым будет крайне сложно сохранять свое влияние как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке, не имея

[50] Asahi simbun. 23.11.2015
[51] http://vz.ru/economy/2015/12/2/78151html
[52] Nihon Keizai simbun.11.08.2016
[53] Nihon Keizai simbun.11.08.2016
[54] Ibidem.

близких рабочих отношений с обеими странами»[55]. В этом смысле японо-турецкие отношения, их совместные выступления по крупным международным проблемам имеют важное значение.

Турецко-японские отношения, которые характеризовались разной степенью взаимной заинтересованности и взаимозависимости, в их современном состоянии можно назвать стабилизирующим фактором в сложной международной обстановке.

В конце XX в.–начале XXI в. с активизацией турецко-японских отношений начался новый этап сотрудничества между двумя странами. Оба государства с окончанием биполярной конфронтации искали пути усиления своей роли на международной арене. Рост числа визитов на высоком и высшем уровнях между ними свидетельствовал о повышении статуса Турции среди японских внешнеполитических партнеров. Япония рассматривает Турцию как одного из политических лидеров Ближнего Востока, поэтому расширение сотрудничества между странами способствует повышению политического веса страны в этом регионе.

Взаимопонимание двух стран даже по относительно небольшим проблемам, касающихся Азии или других регионов, само стремление найти точки соприкосновения, чтобы вести политический диалог - важны и полезны для смягчения и ликвидации очагов острых конфликтов в Азии. Тенденция к развитию турецко-японских экономических отношений представляется достаточно устойчивой в обозримом будущем и может принести немалые выгоды обеим сторонам.

[55] National Review.05.10.2010

*Масленникова Н.В.**

Сотрудничество между Пакистаном и Китаем в сфере ядерных технологий.

По мнению многих отечественных и зарубежных ученых, огромную роль в разработке и реализации пакистанской ядерной программы сыграла именно КНР. Данная проблематика рассматривалась отечественными учеными, но остается актуальной и не до конца раскрытой, особенно в свете последних изменений в пакистано-китайском сотрудничестве[1]. В настоящей статье автор рассматривает следующие вопросы:

- Сотрудничество в ядерной области между Исламской Республикой Пакистан (ИРП) и КНР на современном этапе — с 1998 г., когда Пакистан провел серию подземных испытаний ядерного оружия, до настоящего времени.
- Современное состояние атомной энергетики Пакистана и степень влияния китайских инвестиций на этот сектор экономики.

Ядерное сотрудничество.

Еще задолго до проведения первых успешных испытаний ядерного оружия, состоявшихся в Пакистане 28-30 мая 1998 года, в 1986 году между Пакистаном и Китаем было подписано соглашение о сотрудничестве в области ядерных технологий. В ходе реализации данного соглашения китайской стороной была передана технология изготовления ядерного заряда мощностью 25 кТ.[2] Кроме этого, Пакистан и Китай договорились о налаживании постоянного диалога между китайскими и пакистанскими учеными.

После испытаний, проведенных Пакистаном в 28-30 мая 1998 года Соединенные Штаты наложили на ИРП ряд санкций, сократив также при этом и экономическую помощь. В этим обстоятельствах, 24 сентября 1998 года премьер-министр ИРП Наваз Шариф заявил, что он готов подписать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который был принят 50-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН

---

* Масленникова Надежда Владимировна, магистрант МГИМО(У) МИД России

[1] См. подробнее: Ядерное оружие после «холодной войны»/Под.ред. А.Арбатова и В. Дворкина; Московский центр Карнеги. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – Данной теме особо посвящена глава 12 «Региональные проблемы нераспространения. Южная Азия» (Г. Чуфрин, В.Белокреницкий, В.Москаленко, Т.Шаумян).

[2] С.М.Хмелинец «Ядерная программа Исламской Республики Пакистан» доступно по ссылке: http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/14-09-04.html - Институт Ближнего Востока

(10 сентября 1996 года) и открыт для подписания 24 сентября 1996 года.[3] Он также отметил, что Пакистан готов присоединиться к этому договору даже если Индия его не подпишет, но только в том случае, если США снимут наложенные на ИРП санкции.[4])

В этих условиях для Пакистана сотрудничество с Китаем становилось все более привлекательным. Даже после того, как Пакистан провел свои ядерные испытания в 1998 году, как замечает канадский исследователь Т.В. Пол, Китай, предположительно, продолжил предоставлять помощь ИРП по строительству реактора Кхушаб (провинция Пенджаб) мощностью 50 МВт, функционирующий с целью производства плутония и тяжелой воды, хотя «такая помощь прямым образом нарушает статью 3 Договора о нераспространении ядерного оружия».[5]

Пакистано-китайское ядерное сотрудничество стало еще более очевидным после визита пакистанской делегации в Китай, который произошел сразу же после индийских ядерных испытаний. Пакистан надеялся заручиться политической поддержкой Китая по ядерному вопросу. Хотя результаты встречи остаются неопределенными, существует мнение, что Китай не выступил против проведения Пакистаном ядерных испытаний в ответ на проведение подобных испытаний в Индии. Тем не менее, официальный Пекин не дал Исламабаду никаких официальных гарантий в поддержку ядерных испытаний.[6]

Как утверждает Т.В. Пол, особую значимость приобрели пакистано-китайские отношения в сфере ядерного сотрудничества в свете того, что стал известным тот факт, что между Пакистаном и Северной Кореей состоялся обмен ядерными технологиями. По некоторым данным, появившимся в прессе в октябре 2002 года, Пакистан с 1997 года поставлял Северной Корее технологии по обогащению урана. В обмен, Пхеньян поставлял Пакистану баллистические ракеты средней дальности «Нодонг», которые могли служить средством доставки ядерных боеголовок.[7]

Роль Китая в этой сделке остается неясной, хотя некоторые специалисты полагают, что Китай способствовал ее осуществлению, приводя такое свидетельство, что по сути, БРСД «Нодонг» это копия китайской CSS-2,

---

[3] Данный договор расширяет до безусловных рамок ограниченный режим запрещения испытаний ядерного оружия, введённый Договором о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 года.

[4] Betsy Pisik, "Pakistan Will Sign Nuclear Test Ban, Even If India Doesn't," Washington Times, 24 September 1998, p.A-17.

[5] T.V. Paul “Chinese-Pakistani Nuclear Missile Ties and the Balance of Power”, The Nonproliferation Review/Summer 2003, p.5. Available at http://cns.miis.edu/npr/pdfs/102paul.pdf

[6] Там же

[7] Там же

а следовательно, именно Китай был экспортером ракетных технологий в Северную Корею и вполне мог знать о такой сделке.[8]

Тем не менее, такие предположения кажутся автору несколько сомнительными, и, прежде всего, в силу того, что точных свидетельств о том, что Китай имел непосредственное отношение к данной сделке не существует, кроме того, во многих исследованиях других авторов нет никакой подробной информации о роли КНР в этом вопросе, поэтому к данным утверждениям следует относиться с осторожностью.

Стоит отметить, что в этот период отношения Исламабада и Пекина в области ядерных технологий развивались довольно активно, о чем свидетельствует тот факт, между Пакистаном и Китаем был заключен контракт на строительство АЭС «Чашма» (мощность первого энергоблока — 325 МВт), которая была передана Пакистанскому агентству по атомной энергии 26 сентября 2000 года.[9]

Проект «Чашма»

Проект «Чашма» является знаковым в области ядерного сотрудничества Пакистана и Китая. 9 апреля 2005 года доктор Ишфак Ахмед, специальный помощник премьер-министра Пакистана по стратегической программе, заявил, что Пакистан намерен построить еще большее количество АЭС после того, как будет завешено строительство второго энергоблока АЭС «Чашма» для того, чтобы достичь выработки 8,800 МВ электроэнергии к 2020 году. Стоимость строительства второго энергоблока АЭС «Чашма» составила свыше 547 млн.долл. Второй энергоблок был введен в эксплуатацию в мае 2011 года, его мощность составила 325 МВт. Реализация этого проекта стала возможной при совместном участии Китайской национальной ядерной корпорации и Пакистанского агентства по атомной энергии. Строительство станции проходит под наблюдением МАГАТЭ.[10]

Проект «Чашма» все еще находится в стадии реализации при участии Китая; к декабрю 2016 года планируется введение в эксплуатацию третьего энергоблока станции, а к 2017 году — четвертого.[11]

Предположительно, в марте 2013 года Китай и Пакистан договорились о том, что в проекте «Чашма» появится и пятый реактор, для того, чтобы

---

[8] Там же

[9] "China Hands Over Chashma Nuclear power Plant to Pakistan" Radio Pakistan (Islamabad), 27 September 2000

[10] http://www.dawn.com/news/388561/pakistan-to-build-more-n-power-plants-ground-breaking-of-chashma-2

[11] https://www.iaea.org/NuclearPower/Downloadable/Meetings/2013/2013-09-02-09-04-TM-NPTD/10_pakistan_nasr.pdf; http://tribune.com.pk/story/654091/electricity-production-work-on-chashma-iv-plant-under-way/

решить пакистанскую энергетическую проблему.[12] В июне 2013 года правительство Пакистана заявило, что с помощью китайских специалистов в Карачи также будет построена АЭС (the Karachi Coastal Project), мощность которой составит более 1,100 МВт.[13]

Тем не менее, не следует путать гражданские ядерные реакторы проекта «Чашма», которые подкотрольны МАГАТЭ, с проектом «Кхушаб-4», который, вероятнее всего, является военным. Является довольно интересным тот факт, что некоторые исследователи не верят в то, что Китай спонсирует строительство четвертого реактора для проекта «Кхушаб», заведомо зная, что это военный объект.[14] Другие же, напротив, утверждают, что Пекин намеренно финансирует этот объект и оказывает всю необходимую технологическую поддержку.[15]

По соглашению между Пакистаном и Китаем от 2003 года, Китай согласился поставить в Пакистан еще два ядерных реактора мощностью 340 МВт каждый. Однако, существует мнение, что в действительности Китай продал Пакистану реакторы, совокупная мощность которых составляет более 1 ГВт, а не 680 МВт, как было заявлено в соглашении.[16] Вне зависимости от реальной мощности данных реакторов, эта сделка вызвала обеспокоенность Коммерческого банка Китая, который на фоне возможного наложения США санкций на Иран (в связи развертыванием там ядерной программы) принял решение прекратить финансирование этого проекта.[17]

Тем не менее, официальная позиция Пекина состоит в том, что ядерное сотрудничество с Пакистаном не является противозаконным, так как Вашингтон наладил такого же рода контакт с Индией, заключив с ней договор о сотрудничестве в 2008 году, несмотря на то, что Индия не является участником ДНЯО.[18]

Хотя ядерная «сделка» между США и Индией не вызвала каких-либо возражений в Китае, КНР взяла курс на поддержку требований Пакистана на получение от США какой-либо компенсации, уступок по положению Пакистана по отношению к ГЯП, однако Китай прямо не выступает за

---

[12] «China, Pakistan signed dealon 1,000 M Wreactor», Beijing, March 26, 2013 http://www.thehindu.com/todays-paper/tp-international/china-pakistan-signed-deal-on-1000-mw-reactor/article4549104.ece

[13] http://tribune.com.pk/story/559885/govt-to-kick-off-work-on-1100mw-nuclear-power-plant

[14] Mark Hibbs „Chinese Help on Khushab-4?", http://hibbs.armscontrolwonk.com/archive/162/chinese-help-on-khushab

[15] T.V. Paul "Chinese-Pakistani Nuclear Missile Ties and the Balance of Power", The Nonproliferation Review/Summer 2003, p.4. Available at http://cns.miis.edu/npr/pdfs/102paul.pdf

[16] Geoff Dyer and Farhan Bokhari, „China-Pakistan Reactor Deal to Open Fresh US Rift", 23 September 2010, http://www.ft.com/intl/cms/s/0/83db2ac8-c72d-11df-aeb1-00144feab49a.html

[17] Claude Rakisits «Pakistan-China Bilateral Relations 2001-2011: A Deepening but Cautious Partnership», Available at http://www.regionalsecurity.org.au/Resources/Files/vol8no3Rakisits.pdf

[18] Там же

предоставление Пакистану таких же торговых преференций от Группы ядерных поставщиков, которые имеет Индия.

Тем не менее, в этом же году ряд европейских дипломатов сообщило своим китайским коллегам, что Группа ядерных поставщиков на данный момент не согласна снять с Пакистана наложенные на него санкции, несмотря на такие требования последнего во время двусторонних переговоров с США по безопасности.[19]

Сотрудничество двух стран было продолжено и в сфере военных ядерных технологий. В марте 2011 года Пакистан провел испытания ракеты малого радиуса действия, способной нести ядерный заряд, класса Земля-Земля «Хатф-2», которая была разработана совместно с китайскими специалистами. Ракета, радиус действия которой составляет 180-200 километров, по своим характеристикам полностью идентична китайской исследовательской ракете TY-3.[20]

Китай оказывает значительную военную помощь армии, ВМФ и ВВС Пакистана. Как отмечает норвежский исследователь Кандил Сиддики, в 2013 году Китай поставил больше всего вооружений именно в Пакистан. КНР продолжает поддерживать Пакистан в сфере развития ядерных плутониевых технологий. Таким образом, Китай остается важнейшим поставщиком военных и ядерных технологий в Пакистан.[21]

Согласно рассекреченному докладу ЦРУ, опубликованному в апреле 2013 года, Китай экспортирует ядерные технологии в страны третьего мира, включая Пакистан без контроля МАГАТЭ. КНР, также по мнению ЦРУ, еще в 1970-х гг предоставила некоторые военные ядерные технологии Пакистану. Хотя, нужно отметить, что сотрудничество было равноценным: Пакистан в обмен предоставил китайцам технологии по работе с газовыми центрифугами, секрет работы с которыми привез в Пакистан небезызвестный доктор Хан.[22]

Согласно информации журнала The Diplomat, 10 февраля 2015 года во время пресс-конференции заместитель министра Комиссии по национальному развитию и реформированию Ван Сиатао заявил: «В настоящее время Китай оказывает помощь Пакистану в строительстве шести атомных реакторов на территории Пакистана, совокупная мощность которых составляет 3,4 млн. кВт». Кроме того, он добавил, что Китай продолжит

---

[19] Mark Hibbs «Pakistan Deal Signals China's Growing Nuclear Assertiveness», Nuclear Energy Brief, 2008. http://pk.boell.org/sites/default/files/downloads/Pakistan_Deal_Signals_China.pdf

[20] „Hatf-2", Missilethreat.com, http://www.missilethreat.com/missilesoftheworld/id.48/missile_detail.asp

[21] Qandeel Siddique "Deeper than the Indian Ocean? An Analysis of Pakistan-China Relations", SISA Report no. 16, Oslo, February 2014. Available at http://strategiskanalyse.no/Publikasjoner%202014/2014-02-27_SISA16_Sino-Pak_QS.pdf

[22] The Nuclear Vault, National Security Archive Electronic Briefing Book No. 423, The George Washington University, 23 April 2013.

сотрудничество с Пакистаном в этом направлении.[23] Как отмечает The Diplomat, это первое в истории сотрудничества двух стран открытое заявление о том, в каких проектах Китай оказывает ИРП помощь. До этого момента большая часть информации была засекречена. Это заявление вызвало большую озабоченность стран-членов ГЯП, так как это сотрудничество проходит без контроля со стороны ГЯП и Пакистан, не являясь членом этой организации не допустит на свои ядерные объекты наблюдателей от МАГАТЭ или ГЯП.[24]

Как сообщает журнал The Interpreter, 19 июня 2015 года Агентство по защите окружающей среды провинции Синд одобрило проект строительства двух новых атомных реакторов в западной части г. Карачи. Согласно этому проекту, два новых реактора китайского производства, более известные как К-2 и К-3, будут сооружены рядом с АЭС Карачи, которая была построена при участии канадских специалистов еще в 1970-х гг. Предполагаемая мощность реакторов составит около 2200 МВт.[25]

Подводя итоги, следует отметить, что на пути сотрудничества двух стран все еще существует несколько довольно серьезных препятствий. Во-первых, КНР, как отмечают некоторые специалисты,[26] со временем становится сложнее оказывать финансовую помощь Пакистану в том же объеме, в котором ИРП ранее ее получала. Хотя некоторые отечественные специалисты, в частности, Игорь Денисов, старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД РФ, полагает, что «Финансовые возможности Пекина сейчас [по состоянию на 02.2015] не менее велики..».[27] На мой взгляд, этот момент будет зависеть в большей степени от политической воли самого Пекина, нежели от его потенциальных финансовых возможностей. Во-вторых, если обстановка в Пакистане станет еще более нестабильной, чем она является сейчас, то Китаю будет довольно сложно оказывать помощь своему союзнику на фоне критики Пакистана по вопросам противодействия терроризму и нераспространения ядерного оружия. К тому же, Пакистан опирается не только на поддержку Китая, но и на политическую и военную помощь Соединенных Штатов.

---

[23] http://thediplomat.com/2015/02/china-confirms-pakistan-nuclear-projects/

[24] Там же

[25] http://www.lowyinterpreter.org/post/2015/07/09/Sino-Pakistan-civil-nuclear-cooperation-A-growing-challenge-to-the-global-nuclear-order.aspx

[26] Rosheen Kabraji «The China-Pakistan Alliance: Rhetoric and Limitations», December 2012, p.2 Available at https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Asia/1212pp_kabraji.pdf

[27] http://lenta.ru/articles/2015/02/19/chinapaki/

Ядерная энергетика Пакистана[28] и сотрудничество с КНР

По состоянию на август 2015 года можно выделить три главных особенности развития этой отрасли энергетической промышленности:

- Атомная энергетика Пакистана занимает пока не столь большое место в структуре экономики страны. На данный момент она имеет производственные возможности мощностью 725 МВт, однако наблюдается тенденция к увеличению этих мощностей.
- Пакистанская военная ядерная промышленность развивалась независимо от гражданской; для ее функционирования применялись местные запасы урана.
- Пакистан не подписал ДНЯО, и, кроме того, активно развивает производство своих ядерных вооружений. Это обстоятельство препятствует развитию мирного атома в стране, так как Пакистан фактические исключен из мировой торговли оборудования и топлива для атомных станций. Тем не менее, Китай все еще позитивно настроен на сотрудничество с ИРП в ядерной сфере.

В 2012 году производительность атомной энергетики составляла в среднем 96 млрд КВт/ч, из них 35 ТВт/ч — производительность станций, работающих на нефти, 27 ТВт/ч — на природном газе и 30 ТВт/ч — гидроэлектростанций.

Электроэнергия, произведенная на АЭС составляет довольно небольшую долю в общем объеме производства электричества в стране, и в 2012 г ее объем составил только 4,7% от общего объема производства электроэнергии; 4,6 ТВт/ч).

В 2012 году после потери 16% от произведенного электричества после прохода электроэнергии через сеть трансформаторов, потребление электроэнергии составило в среднем около 77 млрд КВт/ч. Пакистан не импортировал и не экспортировал электричество за 2011-2012 ф.г. Общая установленная мощность в среднем составила около 20 ГВт. В 2005 году с целью значительного увеличения генерирующих мощностей более чем 160 ГВт к 2030 году, правительством Пакистана был принят план по энергетической безопасности. Еще одной важной особенностью электроэнергетики Пакистана является то, что страна испытывает значительный дефицит электроэнергии, и веерные отключения электроэнергии стали распространенным явлением.

В июле 2013 года Исполнительный комитет Национального экономического совета (Executive Committee of the National Economic Council (ECNEC) утвердил ряд новых энергетических проектов, нацеленных на достижения

[28] Данный раздел подготовлен по материалам исследования британской ассоциации «WorldNuclearAssociation», доступно по ссылке: http://www.world-nuclear.org/info/Country-Profiles/Countries-O-S/Pakistan/

мощности в 3.5 ГВт на общую сумму 1 303 миллиардов рупий ($ 13 млрд). Из них 2200 МВт — АЭС, 425 МВт газовые ТЭС комбинированного цикла, и 969 МВт — ГЭС. Главной целью этих проектов является снижение высокой степени зависимости пакистанской энергетики от поставок нефти. Все эти проекты будут реализовываться при поддержке КНР.

В Пакистане всеми вопросами, связанными с атомной энергетикой, занимается Пакистанская комиссия по атомной энергии (Pakistan Atomic Energy Commission (PAEC). Эта комиссия, как сообщают некоторые источники, состоит из двух департаментов, которые занимаются непосредственной реализацией программ по развитию атомной энергетики: *Департамент производства электроэнергии на АЭС* (Nuclear Power Generation (NUPG)) и *Департамент атомных проектов* (Nuclear Power Projects (NUPP)).

Департамент по производству электроэнергии на АЭС осуществляет контроль за работой действующих АЭС, в то время как *Департамент атомных проектов* занимается разработкой и строительством новых станций и, кроме того, тесно контактирует с Надзорным органом в сфере атомной энергетики (Nuclear Regulatory Authority (PNRA).

В структуру атомной энергетики входят:

Комплекс АЭС «Карачи» (Karachi Nuclear Power Complex). Сооружен в 1971 году канадскими специалистами. Тип реактора - тяжеловодный водо-водяной ядерный реактор (PHWR). Находится в 25 км от Карачи, провинция Синд. Мощность станции составляет 137 МВт. На данный момент работает на пониженной мощности, так как Комиссия обеспокоена ее техническим состоянием из-за значительного возраста станции.

Комплекс «Чашма» (Chashma). Располагается на севере провинции Пенджаб. Мощность станции — 325 МВт. Тип реакторов — корпусные водо-водяные энергетические (PWR) Функционирование станции осуществляется с помощью Китайской национальной атомной корпорации под надзором МАГАТЭ (с 2006 года).[29] Основная часть станции была спроектирована Шанхайским инженерно-конструкторским институтом ядерных исследований, по образцу китайской станции Циньшань 1. Первый энергоблок был введен в эксплуатацию в мае 2000 года. Срок службы оценивается в 40 лет. Второй энергоблок введен в эксплуатацию в мае 2001. На его строительство было потрачен 51,46 млрд пак.руп (860 млн долл США, из них 350 млн — инвестиции КНР). Обогащенное ядерное топливо для реакторов типа PWR (корпусные водо-водяные энергетические реакторы) поставляются из КНР.

---

[29] http://www.nuclear.ru/news/68665/

Таблица 2

Действующие атомные реакторы в Пакистане

Реактор	Провинция	Тип	Мощность МВт	Начало строительства	Введение в эксплуатацию	Планируемый год закрытия
Карачи 1	Синд	PHWR	125	1966	Декабрь 1972	2019
Чашма 1	Панджаб	PWR	300		Май 2000	2040
Чашма 2	Панджаб	PWR	300	2005	Май 2011	2051
Всего (3)			725			

Проекты «Чашма 3» и «Чашма 4»

В июне 2008 года правительство Пакистана объявило о том, что на АЭС «Чашма» планируется построить еще два энергоблока — третий и четвертый, мощность каждого из которых составит 320 МВт. Тип реакторов — CNP-300, водо-водяные атомные реакторы китайского производства. Финансирование этого проекта осуществляется в основном китайской стороной. Соглашение о дальнейшем сотрудничестве между Пакистаном и Китаем было подписано в октябре 2008 года, в противовес соглашению между США и Индией о сотрудничестве в сфере мирного атома, которое было подписано в сентябре того же года.

В марте 2009 года Шанхайский инженерно-конструкторский институт ядерных исследований заявил, что продолжает работу над конструированием третьего и четвертого энергоблока АЭС «Чашма», а генеральным подрядчиком выступит китайская корпорация «China Zhongyuan Engineering Corp». В апреле того же года был подписан контракт на сумму 2,37 млрд долл.

В марте 2010 года Пакистан и Китай договорились о том, что КНР предоставит ИРП низкопроцентный льготный кредит на 20 лет для строительства 3 и 4 энергоблоков АЭС «Чашма», что составит 82% от общей суммы, требуемой на строительство этих реакторов. Кроме того, стороны договорились о том, что КНР будет поставлять топливо для этих реакторов в течение срока их службы — 40 лет.

В результате, в мае 2011 было начато строительство третьего энергоблока АЭС «Чашма», а в декабре того же года — четвертого.

Тем не менее, Группой ядерных поставщиков на повестку дня было вынесено несколько вопросов, касающихся поставок КНР топлива для этих энергоблоков.

Контракты на строительство первых двух энергоблоков АЭС «Чашма» были подписаны между КНР и Пакистаном в 1990 и 2000 гг.

соответственно, до 2004 года, когда Китай присоединился к ГЯП. Это означает, что с 2004 года Китаю запрещено поставлять ядерное оборудование Пакистану. Руководство КНР, в свою очередь, заявило, что проекты «Чашма 1,2» и «Чашма 3,4» тесно связаны, и второй является прямым продолжением первого.

Проект «Чашма 5»

По некоторым сведениям, в ноябре 2010 года Пакистанская комиссия по атомной энергетике заключила соглашение с Китайской национальной ядерной корпорацией на строительство пятого энергоблока на АЭС «Чашма». В феврале 2013 года предположительно было подписано еще одно соглашение, которым было уточнено, что мощность пятого энергоблока составит 1000 МВт.

Некоторые эксперты высказали точку зрения, согласно которой данная сделка является прямым нарушением ДНЯО и основополагающих принципов ГЯП. В начале 2013 года Китайская национальная ядерная корпорация подтвердила свое намерение построить в Пакистане реактор мощностью 1 000 МВт, но не уточнила, будет ли это пятый энергоблок на АЭС «Чашма» или это будет другая АЭС. Пока судьба этого проекта остается неопределенной; есть предположения, что, возможно, новая АЭС будет построена у г. Мултан, который находится в юго-западное части провинции Пенджаб.

Проект развития АЭС «Карачи» (Karachi coastal power project)

В июне 2013 года Комиссия по планированию сделала заявление, в котором указала, что два реактора производства Китайской национальной ядерной корпорации мощностью более 1000 МВт будут использованы для строительства еще двух энергоблоков АЭС «Карачи».

Рассматривался проект по строительству этих блоков в прибрежной зоне. В апреле 2013 года Китайская национальная ядерная корпорация подписала соглашение на поставку в Пакистан двух реакторов китайского производства мощностью 1100 МВт каждый. В июне того же года Пакистанская комиссия по атомной энергетике заявила, что этот проект полностью одобрен, и будет построено два новых энергоблока АЭС «Карачи» в прибрежной зоне. Стоимость строительства составила 9,5 млрд долл., причем 82% от этой суммы финансируется китайской стороной.

В конце августа 2013 года в Шанхае между Пакистаном и Китайской национальной ядерной корпорацией, китайской компаниями ZhongyuanEngineeringCo. Ltd. (CZEC), China Nuclear Power Engineering Co. Ltd. (CNPE), Институтом ядерной энергии Китая (NPIC), и Восточно-Китайским конструкторским электроэнергетическим институтом (ECEPDI). В ноябре 2013 года начались работы на площадке предполагаемого строительства, в 25 км к западу от Карачи, однако в октябре 2014 года высокий суд про-

винции Синд постановил прекратить работы по строительству станции из-за многочисленных экологических нарушений. Тем не менее, в августе 2015 года запрет был снят и строительство возобновилось.

В апреле 2015 года китайская компания China Energy Engineering Group Co (CEEC) выиграла тендер на строительство на проведение строительства и монтажных работ в прибрежной зоне строительства двух новых энергоблоков АЭС «Карачи». Эта компания заявила, что на станции будут установлены реакторы типа Hualong One (Водо-водяной ядерный реактор китайского производства).

Строительство планируется начать в конце 2015 года и, как ожидается, оно будет длиться 72 месяца. По причине того, что Пакистан не может приобрести уран на мировом рынке, стороны договорились о том, что поставки урана будет осуществлять КНР на протяжении всего срока службы реакторов, то есть 60 лет.

Тем не менее, строительство пока не может быть начато, так как Надзорный орган в сфере атомной энергетики Пакистана (Pakistan Nuclear Regulatory Authority) в данный момент изучает документацию по безопасности реакторов, которую Пакистан получил от китайской стороны. До тех пор, пока анализ не будет завершен, лицензия не строительство выдана не будет.

Таблица 3

Атомные реакторы в стадии строительства/планируемые

Реактор	Провинция	Тип	Мощность, МВт	Начало строительства	Планируемое время введения в эксплуатацию
Чашма 3	Пенджаб	CNP-300	340	Май 2011	Декабрь 2016
Чашма 4	Пенджаб	CNP-300	340	Декабрь 2011	Октябрь 2017
KarachiCoastal 1	Синд	HualongOne	1150	конец 2015	
Karachicoastal 2	Синд	HualongOne	1150	конец 2016	
Всего(4)			2980		

Благодаря активному развитию атомной энергетики с помощью КНР, 31 июля 2015 года Пакистан стал первым азиатским членом Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, CERN).[30]

Примечательным является то, что некоторые индийские и американские эксперты полагают, что к 2020 году Пакистан сможет

[30] http://www.samaa.tv/technology/2015/07/pakistan-becomes-first-asian-member-of-cern/

нарастить свое ядерное вооружение до 200 ядерных боеголовок.[31]Ряд американских ученых, таких, как Тоби Далтон и Майкл Крепон полагают, что уже к 2025 Пакистан станет третьей в мире страной по размеру ядерного арсенала.[32]

На мой взгляд, необходимо с осторожностью относиться к подобного рода оценкам и, прежде всего, к оценкам индийских специалистов, исследования которых зачастую в значительной степени являются политически ангажированными, в силу того, что во внешней политике Индия руководствуется антипакистанской риторикой.

Что касается оценок американских ученых, то к ним тоже следует присматриваться внимательнее, в силу того, что американские ученые часто следуют официальной внешнеполитической линии США, которая не всегда является обоснованной и рациональной. Исследование этих ученых в последнее время было довольно сильно растиражировано в индийских и западных СМИ,[33] поэтому, как мне кажется, заслуживает особого внимания.

В связи с этим, мне хотелось бы привести некоторые доводы в пользу того, что, вероятнее всего, такие оценки являются довольно преувеличенными:

- По сути, между Индией и Пакистаном наблюдается ядерный паритет (100 и 110 ядерных боеголовок на октябрь 2015 года, если доверять информации Госдепартамента США), а следовательно, Пакистану экономически и политически не выгодно начинать «гонку вооружений». Как показывает исторический опыт, «гонка вооружений» приводит к истощению ресурсов экономики и потере объективности в построении внешнеполитической линии государства. Экономика Пакистана довольно уязвима; к примеру, даже в ядерной сфере, которая рассматривается в настоящей аналитической работе, практически все главные ядерные объекты электроэнергетики на более чем 82-85% финансируются КНР, что говорит о том, что Пакистан сам зачастую не способен поддерживать эту систему на приемлемом уровне. Если также упомянуть и размеры внешней экономической помощи, то Пакистан является реципиентом как американской, так и китайской финансовой помощи. Так, в 2010-2011 ф.г. финансовая помощь США Пакистану

---

[31] http://timesofindia.indiatimes.com/world/pakistan/Pakistan-to-have-200-nuclear-weapons-by-2020-US-think-tank/articleshow/45250170.cms

[32] См. подробнее: Toby Dalton and Michael Krepon “A Normal Nuclear Pakistan”,Stimson Center and Carnegie Endowment for International Peace, 2015 http://www.stimson.org/images/uploads/research-pdfs/NormalNuclearPakistan.pdf

[33] http://timesofindia.indiatimes.com/world/pakistan/Pakistan-to-have-200-nuclear-weapons-by-2020-US-think-tank/articleshow/45250170.cms, http://thediplomat.com/2015/08/time-for-pakistan-to-change-its-nuclear-strategy-experts/

составила свыше 4,5 млрд долл.[34] В апреле 2015 года Китай и Пакистан договорились о том, что в транспортную инфраструктуру, и в энергетический сектор КНР инвестирует свыше 46 млрд долл. в течение следующих 15 лет.[35] Эта цифра составляет 20% от ВВП Пакистана в год.[36]Таким образом, точка зрения, что Пакистан способен экономически «осилить» такую «гонку вооружений» с Индией, является несколько необоснованной.

- Если Пакистан, в действительности, будет наращивать свои ядерные вооружения, как то утверждают вышеупомянутые американские исследователи, то это, безусловно, привлечет внимание всего мирового сообщества, в частности США (от которого Пакистан получает существенную экономическую помощь, а также военную помощь), России, Китая и Индии, что, несомненно, ухудшит репутацию Пакистана на мировой арене и помощь со стороны США и Китая будет существенно сокращена или вовсе прекращена.
- КНР будет невыгодным оказывать столь значительную помощь государству, которое наращивает ядерное вооружение у ее границ, причем это вооружение по объему будет больше того, чем обладает Китай.

Тогда появляется закономерный вопрос, с какой целью данная статистика была преувеличена столь значительно и по какой причине эта информация была растиражирована в индийских и западных СМИ?

Представляется, что это было сделано с целью оказания политического давления на Пакистан, чтобы вынудить его следовать указаниям США, внешнеполитическому курсу США, что косвенно можно предположить, если ознакомиться с информацией о встрече Б. Обамы и Н. Шарифа, на которой Б. Обама выразил обеспокоенность США пакистанской ядерной программой.[37]

В заключение хотелось бы сделать следующие выводы:

- Интересы КНР. Индия — главный конкурент Китая не только в региональном контексте, но в мировом масштабе. По мнению многих экспертов, во время своего выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН по случаю 70-летия организации, Н. Моди представлял Индию уже как мировую державу, а не как державу регионального значения. Это обстоятельство не может не беспокоить Пекин, который стремится к экономической гегемонии в мире и регионе. К тому же, у двух стран по прежнему остается

[34] http://www.cgdev.org/page/aid-pakistan-numbers
[35] http://www.nytimes.com/2015/04/20/world/asia/chinas-president-heads-to-pakistan-with-billions-in-infrastructure-aid.html?_r=0
[36] http://money.cnn.com/2015/04/20/news/economy/pakistan-china-aid-infrastucture/
[37] http://www.reuters.com/article/2015/10/23/us-usa-pakistan-idUSKCN0SG29020151023

неразрешенными территориальные-пограничные вопросы. Таким образом, КНР уже давно сфокусировался на сотрудничестве с Пакистаном, чтобы создать своего рода «противовес» Индии.

- Еще одним важным обстоятельством, по которому Китай столь заинтересован в оказании поддержки Пакистану является потенциальное стремление Пекина пошатнуть позиции США в этой стране. Китай, осуществляя широкую экономическую экспансию в Пакистане действует по большей части экономическими методами, не оказывая прямого воздействия на Исламабад. Складывается впечатление, что КНР, наращивая экономическое влияние в Пакистане выжидает того момента, пока позиции США ослабнут настолько, что Пекин сможет уже прибегнуть к политическим инструментам в отношениях с Исламабадом.
- Степень влияния Китая на атомный сектор Пакистана очень сильная. Проекты «Чашма», «Карачи» и строительство АЭС в Мултане — это все китайские проекты, которые финансируются Китаем на грантовой или кредитной основе (на льготных условиях) примерно на 82-86% от общей стоимости каждого проекта.
- Трудно сказать определенно, передал ли Китай Пакистану те необходимые ядерные технологии, которые потребовались для создания ИРП атомного оружия, так как все возможные документы по этой теме носят закрытый характер. Если же опираться на предположения большинства ученых, то в целом, именно Китай предоставил Пакистану необходимые технологии после того, как Запад «отвернулся» от сотрудничества с Исламабадом в области развития мирного атома.
- Атомная энергетика Пакистана занимает на данном этапе небольшую долю в общем производстве электроэнергии, однако строительство АЭС, в действительности, может в какой-то степени решить проблему энергодефицита в стране. Большая часть атомной энергетики ИРП сильно зависима от китайских инвестиций.

Аникеева Т.А., Васильев А.Д., Васильев Д.Д., Досовицкая В.В., Дробышев Ю.И., Тимохин Д.М., Тишин В.В.

Третья Международная Уйгуроведческая Конференция: история, культура, общество. Москва (Звенигород), 23-26 октября 2016 г.

23-26 октября 2016 г. в Звенигороде прошла Третья международная конференция по уйгуроведению (Third International Conference on Uyghur Studies), организованная по гранту РГНФ №16-01-14003 «Организация и проведение международной конференции «История и культура уйгуров» (рук. проекта Д.Д. Васильев), при участии Института европейских, российских и евразийских исследований (Institute for European, Russian and Eurasian Studies, IERES) Школы международных отношений им. Ллойда Эллиотта (Elliott School of International Affairs), являющейся подразделением одного из крупнейших университетов США, Университета Джорджа Вашингтона (The George Washington University).

В подготовке и проведении конференции приняли участие также Институт востоковедения РАН, Российский государственный гуманитарный университет и Национально-культупрное объединение уйгуров РФ. Для подготовки конференции был создан Оргкомитет, в состав которого вошли представители всех исполнителей проекта.

Проведение уйгуроведческих конференций имеет традицию, заложенную еще советскими учеными-тюркологами, фундаментальные и полевые исследования которых создали научную школу и подготовили специалистов, работавших в академических и университетских центрах РСФСР и Союзных республик, где были созданы научные подразделения и институты уйгуроведения.

Первая Всесоюзная уйгуроведческая конференция состоялась в Алма-Ате в 1979 г., следующая, более масштабная Всесоюзная Уйгуроведческая Конференция прошла там же в 1991 г. После длительного перерыва эта тема была предложена исследовательской Центральноазиатской Программой (CAP) Университета Дж. Вашингтона, благодаря которой состоялись две международные конференции, активное участие в которых принимали приглашенные организаторами российские ученые. Первая Международная Уйгуроведческая Конференция состоялась в Вашингтоне, США, 24–28 сентября 2014 г.; Вторая Международная Уйгуроведческая Конференция – в Париже – Брюсселе, Франция–Бельгия, 17-20 октября 2015 г. Организаторы обратились к российским участникам с предложением провести совместно следующую международную конференцию в Москве. Это оказалось возможным после получения гранта РГНФ и Третья Меж-

дународная Уйгуроведческая конференция состоялась в Звенигороде, под Москвой 23–26 октября 2016 г.

Доклады представили более 60 ученых из РФ, США, Франции, Великобритании, Ирландии, Швейцарии, Турции, Казахстана, Австралии, Германии, Индии, Киргизстана, Таджикистана, Швеции и Тайваня. Российская делегация была представлена учеными из ИВ РАН, ИДВ РАН, ИВР РАН, Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул), Москвы, С.Петербурга, Норильска. Проведение конференции в пансионате РАН «Звенигородский» было обеспечено за счет гранта РГНФ, транспортные расходы участников (авиаперелеты и трансфер) обеспечивались американскими со-организаторами проекта.

Конференция была организована на высоком научном и техническом уровне – был подготовлен сборник тезисов докладов на русском и английском языках, обеспечены возможность презентаций, двухсторонний английско-русский перевод, а также перевод с уйгурского языка, который использовался в презентациях и культурной программе.

К открытию конференции был приурочен выпуск специального сборника статей по истории и культуре уйгуров, изданного в Усть-Каменогорске (Казахстан).

Заседания проходили в течение трех дней в 7 Секциях:

1. Древняя и средневековая история и археология уйгуров.
2. Ислам в жизни населения Синьцзяна.
3. Экономика региона.
4. Образование. Воспитание. Идентичность.
5. История Синьцзяна в XX в.
6. Антропология. Этнография уйгуров.
7. Филология и искусство уйгуров

В рамках работы секции «**Древняя и средневековая история и археология уйгуров**» было представлено несколько интересных докладов, каждый из которых становился объектом обсуждения и дискуссии. Первым из них был доклад **Д.Д. Васильева** (ИВ РАН, Москва, РФ) «Очерк к итогам комплексных исследований древнеуйгурской крепости на озере Тере-холь в Туве», который был посвящен одному из наиболее масштабных проектов по исследованию тюркских древностей в Российской Федерации, а именно окрестностей древнеуйгурской крепости Пор-Бажын в Туве. В докладе рассматривались найденные экспедицией надписи, предлагались варианты прочтения их источниковедческий комментарий. Важно отметить, что доклад был сопровожден видеорядом, что дало возможность слушателям лучше оценить масштаб и качество проделанной работы. Таким образом, доклад Д.Д. Васильева предложил слушателям богатый массив информации по источниковедению истории уйгур.

Следующим докладом было выступление **Н. Турсуна** (Фэйрфакс, США) «Малоизвестная «уйгурская история» А.Н. Бернштама в уйгурской историографии», где рассматривалось развитие уйгурской историографии в целом и непосредственно научный вклад А.Н. Бернштама в виде исследования «О древней и средневековой истории уйгуров». Данная работа был посвящена политической, социальной и культурной истории государств уйгуров, таких как Уйгурский каганат, Государство Турфано-Уйгурского идикута и династия Караханидов и является первым примером систематической истории уйгурского народа. Данное выступление Н. Турсуна важно, прежде всего, для исследователей древней и средневековой истории уйгурского народа, а также специалистов в области историографии. В докладе **А.Ш. Кадырбаева** «Уйгурское Турфанское княжество – пятый улус империи Чингиз-хана» автор подробно изложил историю данного государственного образования до начала монгольских завоевательных походов, процесс вхождения этого государства в состав империи Чингиз-хана. Далее в докладе было показано также дальнейшие участие уйгур в составе монгольских армий в завоевательных походах, в частности во время монголо-хорезмийской войны 1219-1221 гг. Доклад базировался на богатой источниковой базе: были представлены сведения, как из китайских, так и арабо-персидских памятников.

Доклад **Д.М. Тимохина** и **В.В. Тишина** (оба – ИВ РАН, Москва, РФ) «Страна Югур» (к локализации битвы войск Хорезмшаха Мухаммада с монголами)» касался одного из важнейших событий, предшествовавших монголо-хорезмийской войне, а именно сражении между войском хорезмшаха Мухаммада и монгольским корпусом Джучи-хана. При описании данного события в труде персидского историка Джузджани упоминалась «Страна Югур», объяснению данного термина и его локализации, а также вопросам исторической географии, этнической истории того периода и был посвящен данный доклад. Доклад вызвал дискуссию по поводу интерпретации этнических терминов, упоминаемых в китайских источниках.

Завершило работу секции «**Древняя и средневековая история и археология уйгуров**» выступление **Ю.И. Дробышева** (ИВ РАН, Москва, РФ) с докладом по теме «Монгольский Каракорум – историческая память уйгуров». Автор посвятил свое выступление выяснению причины, по которой монгольская столица стала носить именно такое название, и пришел к выводу о том, что это должно было быть связано с особенностями местности, рядом с которой располагался этот город. В ходе выступления автор выдвинул несколько гипотез относительно природных объектов, которые могли стать причиной подобного названия города, что встретило живой отклик слушателей и дальнейшую дискуссию.

На секции № 2 «**Ислам в жизни населения Синьцзяна**» было заслушано 6 докладов под председательством **Дэвида Брофи** (Сидней, Австралия).

В докладе **П. Буньон** (Женева, Швейцария) «Свидетельства культурного и религиозного наследия в Синьцзяне: пример мусульманских усыпальниц» на примере мавзолеев Махмуда Кашгарского и Ходжи Апака рассматривалось функционирование объектов культурного наследия в Синьцзяне. Докладчица попыталась проанализировать отношение власти и общества к объектам культурного наследия. Автор предлагает трактовку концепции культурного наследия как производной определенной логики устоявшейся системы ценностей.

В докладе **А.Д. Васильева** (ИВ РАН, Москва, РФ) «Документы о панисламистском движении в Синьцзяне в начале XX в. (по материалам российских архивов)» были рассмотрены документы из РГВИА, ГАРФ, АВПРИ о региональных связях мусульман Ферганы и Кашгара, взаимном религиозном и идеологическом влиянии сквозь призму переписки российских государственных чиновников, дипломатов и военных, служивших в центрально-азиатском порганичье Российской империи в начале XX в.

В докладе **Д. Брофи** «Сирийский салафит в Китае: Шами Дамолла и мусульмане Синьцзяна» было рассказано об османском подданном, родом из предместий современного Алеппо, мулле по имени Шами Дамолла. Будучи одним из активных османских религиозных деятелей, Ш. Дамолла отправился в Кашгар, где пытался распространять среди местного населения представления о бытовавших в Османской империи современных исламских практиках и тенденциях. О его деятельности свидетельствует активная полемика с ним некоторых представителей мусульманской интеллигенции Кашгара на страницах мусульманских газет того времени. В канун Первой мировой войны Ш. Дамолла собирался отправиться в Кашгар вместе с младотурецкой военной миссией, но отказался от этого, по-видимому, из-за идеологических разногласий с членами партии младотурок.

Гроуз Тимоти (Терре-Хот, Индиана, США) в докладе «Исламская вуаль в Синьцзяне: политическая и общественная борьба за определение уйгурских женских украшений» рассказывает о продолжающейся общественной дискуссии между компартией Китая и уйгурскими мусульманами том, что может являться женским украшением и что – нет. Автор говорит о новой моде среди уйгуров на вуали и покрывала, частично закрывающие лицо и покрывающие голову женщин. На основании своих собственных наблюдений автор приходит к выводу о том, что уйгуры имеют свое собственное понимание того, как должны сочетаться высокая мода и религиозные предписания в данном случае. Автор сделал вывод о том, что решение о закрытии головы, лица и других частей тела нельзя считать чем-то реакционным; наоборот, это шаг навстречу современной исламской моде, часто вопреки мнению китайского правительства.

Сара Тайнен (Боулджер, Колорадо, США) в своем докладе «Культурные практики и социоэкономическое неравенство в Урумчи» попыталась рассмотреть способы сохранения местным уйгурским населением культурной идентичности. До-

кладчица рассмотрела особенности поведения, употребления пищи, ношения национальной одежды, как способа сохранения тюркской и исламской идентичности уйгуров. По ее мнению, социально-экономическое расслоение внутри уйгурского сообщества и его классовые противоречия существенно усложняют вопрос сохранения и поддержания национальной и религиозной идентичности.

Росс Холдер (Дублин, Ирландия) в своем докладе поставил проблему защиты религиозной и культурной самобытности уйгуров. Он рассмотрел меры, принимаемые для защиты прав нацменьшинств в рамках основных договоров по правам человека ООН, а также в Международной конвенции по ликвидации всех норм дискриминации, которая была подписана Китаем.

Председателем 3-й секции «**Экономика региона**» был Зам. директора ИДВ РАН, д.э.н., проф. А.В. Островский (ИДВ РАН, Москва, РФ). На секции было заслушано 6 докладов.

В своем докладе «Программа развития западных районов Китая – важный фактор подъема экономики Синьцзяна» **А.В. Островский** рассмотрел структуру экономики СУАР и ее связи с соседними территориально-административными единицами КНР. По его мнению, от темпов развития экономики СУАР зависит и социальная стабильность региона. Важным препятствием на пути экономического подъема в Синьцзяне является недостаточный объем инвестиций в регион, что существенно замедляет темпы его экономического развития по сравнению с другими регионами КНР.

В своем докладе «Приграничное сотрудничество Синьцзяна в рамках Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай»» **А. Бондаренко** (ИДВ РАН, Москва, РФ) рассмотрела деятельность региональной организации приграничного сотрудничества, созданной руководителями законодательных органов власти Алтайского Края и Республики Алтай РФ, Восточно-казахстанской области РК, Баян-ульгинского и Ховдского аймаков Монголии и Синьцзян-уйгурского автономного района КНР. Докладчица проанализировала деятельность совета в сферах охраны окружающей среды, туризма, развития транспорта, культуры, науки и образования. Автор делает вывод о том, что совместная деятельность администраций приграничных территорий направлена на повышение уровня уровня жизни местного населения и содействие в организации приграничного сотрудничества.

С.Б. Кожирова и **Б. Ракишева** (обе – Астана, Казахстан) в докладе «Уйгуры Казахстана: история миграционных волн» рассказали об истории переселения уйгурского этноса из Западного Китая на территорию современного Казахстана и отчасти Киргизии. Авторы разработали и привели определенную периодизацию миграционных волн – после 1881 г. и в 1960-е гг. Основное внимание авторы уделили положению уйгуров в современном Казахстане. Среди них был выделен ряд групп – потомки разных миграционных волн, городские и сельские жители, ко-

ренные жители и мигранты, компактно и дисперсно проживающие и т.д. Авторы также проанализировали динамику численности уйгуров в последние 60 лет, отметив тенденцию на снижение численности уйгурской диаспоры.

Рейхан Дильнур (Страсбург-Париж, Франция) в своем докладе «Притягательные факторы уйгурской миграции: Турция и Сирия» сосредоточила внимание на важности Турции, практически не затронув сирийский аспект, заявленный в выступлении. По мнению автора доклада, такие характеристики, как климат, существование обширной диаспоры, лингвистическая близость, исторические и религиозные связи, политическая и экономическая ситуация в принимающей стране и ее иммиграционная политика являются привлекательными факторами для переезда уйгуров в Турцию. Численность уйгурской диаспоры в Турции и ее общественно политическая значимость там имеют тенденцию к увеличению.

Дж. С. Финли (Ньюкасл, Великобритания) в докладе «Взгляд на уйгуров: публичное отстаивание взглядов и война полов в парижской уйгурской диаспоре» проанализировала деятельность уйгурского эмигрантского журнала «Regard sur les Ouighours» который выходит в свет в Париже. Автор приходит к выводу, что хотя журнал и позиционируется как «аполитичный и нерелигиозный», он, тем не менее, высказывается в поддержку уйгурского общества и пропагандирует культуру и традиции уйгуров. Кроме того, журнал служит площадкой для обсуждения на первый взгляд небольших и, казалось бы, малозначительных тем, которые тем не менее остро стоят на повестке дня уйгуров в мире.

Р. Тум (Новый Орлеан, США) в докладе «Уйгурские связи между Индией и Китаем» на основании ранее неизвестных источников рассмотрел религиозные связи населения Синьцзяна с Индией и другими мусульманскими общинами на территории Китая. Существенную роль в развитии ислама на территории Синьцзяна сыграли суфийские шейхи братства Муджаддидийа, которые пронесли свою религиозную традицию из Индии от места ее зарождения в Восточный Туркестан. Там они сыграли важную роль в реформировании местного ислама и дальнейшем распостранении суфийского вероучения среди других групп китайских мусульман. Последователи братства Муджаддидийа и по сей день пользуются большим авторитетом среди мусульман Синьцзяна.

На **секции № 4** «**Образование, воспитание, идентичность**» было заслушано семь докладов под председательством Робертса Шона (Вашингтон, США).

В докладе **Ли Куантая** (Индиана, Блумингтон, США) «Дилемма превращения Синьцзяна в часть Китая: образовательная политика империи Цин и провинциализация во второй половине XIX в.» была раскрыта политика в сфере образования, проводившаяся империей Цин среди уйгурского населения Синьцзяна после повторного завоевания его территории в 1878 г. Посредством китайских образовательных стандартов, основанных на конфуцианском учении, эта политика вела к политической легитимации набора должностных лиц из числа уйгуров, который

осуществлялся с помощью гражданских экзаменов, как это было в течение многих веков принято в самом Китае.

Сандрин Эмманюэль Катрис (Агуста, США) выступила с докладом «Создание и пропаганда идеалов Мао у молодежи в Синьцзяне в 60-е гг.», в котором обрисовала методы развернутой пропагандистской кампании 1960-х гг., нацеленной КПК на создание в Синьцзяне согласованной и однородной молодежной культуры. Эта пропагандистская работа велась не только там, но и в других национальных окраинах, и должна была, по замыслам идеологов, привести к национальному единству в Китае. На примере личных историй, опубликованных в прессе и показанных в фильмах и других агитационных произведениях искусства, распространявшихся в Синьцзяне в указанный период, автором были показаны методы идеологической обработки уйгурской молодежи.

Джеймс Либолд (Мельбурн, Австралия) в докладе «Перемещенное уйгурское и тибетское образование: обучение элит нацменьшинств» поднял острый вопрос неудачной попытки руководства Китая по созданию высокообразованного и в то же время лояльного корпуса элиты этнических меньшинств (в данном случае, тибетцев и уйгуров). Вопреки предполагавшейся интеграции студентов – представителей нацменьшинств в китайское общество, чаще всего у этих молодых людей усиливается ощущение их инаковости.

Последствиям этого ощущения чуждости, невключенности в китайский социум был посвящен доклад **Джеймса МакМюррея** (Сассекс, Великобритания) «Уйгуризироваться все более и более». Опираясь на полевые этнографические исследования, проведенные им в Уркмчи в 2012-2014 гг., автор рассмотрел сознательные усилия ряда уйгурских информаторов реинтеграции в уйгурскую среду (изучение языка, овладение практикой ислама, ношение национальной одежды и прием национальной пищи).

Шон Робертс (Вашингтон, США) в своем докладе «”Кочуп Кеганлар”: уйгурские иммигранты в Советском Союзе в 1950-х – начале 1960-х гг.» затронул тему особой группы уйгуров, переселившихся в середине XX в. из Китая в среднеазиатские республики СССР. В отличие от уйгуров, давно живших в СССР, эти иммигранты в основном, не владеют русским языком и превосходно знают ислам. Вследствие культурных различий, они создали на новой родине собственное сообщество. В докладе обсуждались вопросы развития этого сообщества, его отличия от других сообществ уйгуров на территории Средней Азии, а также его перспективы в качестве отдельной культурной группы.

В своем докладе «Формирование виртуальной идентичности хань в Синьцзяне: этничность, религия, управление» **Ши Цзяньюй** (Гонконг-Тайбэй) осветил сложную проблему конструирования этнической идентичности, одним из агентов создания которой служат культурные системы. Автор отметил, что эти системы укрепляют этническое самосознание через непрерывные взаимодей-

ствия. В докладе были проанализированы два дискуссионных форума «Xinjiang Researcher» и «Xinjiang Observer», участниками которых являются, в основном, представители двух элитных групп ханьцев, расходящихся во взглядах относительно управления Синьцзяном. По мнению докладчика, в противовес уйгурской национальной идентичности, в Синьцзяне на региональном уровне сформировалась концепция национальной идентичности «синьцзянских ханьцев».

Наконец, в заключительном докладе «Тюркский мир – история и перспектива» Шарип Ахмедов (Москва, Россия) предложил пять критериев оценки древней и средневековой истории тюркских народов, обсудил происхождение и смысловое значение терминов «тюрк» и «уйгур» и выдвинул новый подход к описанию и осмыслению процессов возникновения, развития и последующего распада тюркских империй Евразии.

Секция 5 под председательством В.А.Бармина (Барнаул, РФ) была посвящена истории Синьцзяна в XX в. Ввиду актуальности поставленных вопросов работа секции привлекла широкое внимание всех участников конференции. На секции выступили специалисты из США, России и Казахстана.

Первым был заслушан доклад В.В. Досовицкой (ИВ РАН, Москва, РФ) о политике Японии в Синьцзяне в 30-х гг. XX в. В.В. Досовицкая сообщила, что в 30-х гг. XX в. целью Японии, во всей видимости, было создание сети марионеточных государств в стратегически важных регионах. В эту сеть вошли Маньчжоу-Го (в Северо-Восточном Китае) и Мэнцзян (в центральной части Внутренней Монголии). Третьим ключевым звеном должно было стать прояпонское исламское государство в Синьцзяне. Проект так и не был осуществлен, однако сам факт проникновения японского влияния в Синьцзян меняет общепринятое представление об экспансионистских планах Японии в Центральной Азии и говорит об их большей масштабности.

А.К. Камалов (Институт востоковедения КН МОН Казахстана, Алматы) рассказал об истории Восточно-Туркестанской республики (1944-1949), основываясь на материалах уйгурского журнала «Иттипак» (Союз), то есть не на основе широко известных документов на китайском, русском и английском языках, а на основе местных источников, которые на данный момент изучены недостаточно и привлекаются только как дополнительный материал.

Председатель секции В.А. Бармин (Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул) сделал доклад о характере влияния повстанческого движения коренных народов Синьцзяна на советско-китайские отношения в 1945-1955 гг., когда первоначально восстание нашло всестороннюю поддержку СССР. Однако вскоре политическая линия была изменена из-за вступления СССР в войну с Японией и подписания договора о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой.

Независимый исследователь из Казахстана В.Г. Обухов (Усть-Каменогорск) рассказал о роли Синьцзяна в атомном проекте СССР. Как утверждает Обухов, в 1942 г. на территории СССР начались поисковые, изыскательские и исследовательские работы по урановым месторождениям. В поле зрения оказалась и китайская часть Центральной Азии с ее радиоактивными и стратегическими подземными богатствами.

Е.С. Баженова (Институт Дальнего Востока РАН, Москва) сделала доклад о развитии населения Синьцзяна в 1955-2015 гг. Е.С. Баженова сообщила, что Синьцзян является одним из самых редконаселенных районов страны, хотя и занимает весьма обширную территорию. Число его жителей составляло 23,0 млн. человек в 2014 г., то есть всего 1,5% общей численности населения КНР. Как утверждает Баженова, в КНР была принята Программа освоения западных регионов, в соответствии с которой Синьцзян стал ключевом пунктом Экономического Пояса Великого шелкового пути. Кроме того, этот проект призван сократить разрыв между восточными и западными провинциями Китая.

Уйгурский вопрос и геополитика Евразии стали предметом последнего доклада К. Кылыча из Университета Пенн-Стейт (Пенсильвания, США). Кылыч подчеркнул, что с момента окончания Холодной войны уйгурский вопрос в Китае изменил свой статус, перестав быть исключительно внутренней проблемой и став политической проблемой с региональными последствиями.

Синьцзян всегда был и остается стратегически важным регионом. В последнее время геополитическое значение Центральной Азии привлекает повышенное внимание, а уйгурский вопрос вызывает новое обсуждение не только в самом Китае, но и на региональном уровне.

В работе 6 секции «Антропология. Этнография» особенно хотелось бы выделить доклад Л.А. Чвырь (ИВ РАН, Москва, РФ) «Традиционная семейная обрядность уйгуров», где автор сопоставил три основных цикла семейной обрядности уйгуров – детский, свадебный и похоронный, с целью выявить их общее структурно-семантическое содержание. Участники конференции не только ознакомились с интересными и крайне важными сведениями о традиционной семейной обрядности уйгуров, но и задали целый ряд вопросов докладчику, на которые получили вполне исчерпывающие ответы.

Совместный доклад С.Б. Кожировой, Т.В. Мармонтовой (обе – Астана, Казахстан) «Этнический состав населения Синьцзяна: история и современность» в большей степени политилогический по содержанию вызвал не только вопросы, но и острую полемику между частниками конференции и авторами. В результате, небольшие выступления по данной проблеме участников после прочтения данного доклада лишь подчеркивают значимость предложенной темы и интерес к ней специалистов из разных стран мира. Доклад З.В. Анайбан «Уйгуры и тувинцы. Фрагменты общей истории» предложил участникам с одной стороны обзор исто-

рии присутствия уйгуров в Туве, а с другой стороны стал примером историографического исследования в рамках данной проблематики. Доклад был тепло встречен участниками, которые с интересом выслушали его содержание, после чего докладчик представил исчерпывающие ответы на появившиеся в ходе его выступления вопросы.

Завершил работу секции доклад австралийского исследователя Ала М. (Сидней, Австралия) «Разнообразие голосов в сообществах уйгурской диаспоры – анализ недавнего обзора Интернет-ресурсов», который познакомил участников конференции с анализом результатов онлайнового опроса, который был организован для уйгуров всего мира в период с марта по май 2016 г. Данный опрос и его результаты во многом лучше и нагляднее демонстрирует современную жизнь всемирной уйгурской диаспоры с социальной, культурной, экономической, религиозной и политической точки зрения. Доклад был с интересом встречен участниками конференции, которые, в свою очередь, задали исследователю несколько важных вопросов, на которые Ала М. дал исчерпывающие ответы.

Заседание секции 7, посвященной филологии и искусству уйгуров состоялось 25 ноября под руководством проф. Аблета Семета (Гёттинген, Германия).

На секции прозвучали сообщения, посвященные литературе, религии, музыкальной культуре уйгуров. В хронологическом отношении доклады данной секции также охватывали крайне широкий диапазон многовековой истории уйгуров: так, доклад А.Туранской (ИВР РАН, Санкт-Петербург) был посвящен различным историческим сведениям о взаимодействии монгольской и уйгурской литературных традиций, доклад А. Семета — вопросам происхождения древнеуйгурской религиозной терминологии, сообщение Э. Эркина (Анкара, Турция) представляло собой общий обзор географических названий Восточного Туркестана. В то же время современной культуре уйгуров был посвящен доклад Э. Андерсон (Индиана, Блумингтон, США) «Струящиеся мелодии струящихся слов: лингвистическое, музыкальное и культурное звучание уйгурских перформативных искусств», являющийся результатом более чем трехлетних полевых исследований уйгурского музыкального искусства в Урумчи (Китай) с целью исследования теоретической основы отношений между языком и музыкой в перформативных искусствах. Э. Андерсон анализировала механизмы адаптации и усваивания уйгурской музыкальной культурой иноязычных культурных ценностей.

Сотрудники Отдела истории Востока ИВ РАН Д.В. Дубровская и Т.А. Аникеева также представили свои доклады на этой секции.

Д.В. Дубровская ИВ РАН, Москва, РФ) в своем докладе «Художник-иезуит Джузеппе Кастильоне (1688–1766) и Си-Юй» обсуждала серию так называемых «Боевых гравюр на меди», заказанным императором в ознаменование его военных побед на территории недавно завоеванного Си-Юя – будущего Синьцзяна. В число шестнадцати листов входят, например, такие, как «Умиротворение и сдача

Или», «Штурм Гадан-Ола», «Снятие осады Черной Реки», «Битва за Аркуль», «Великая победа при Курмане» и другие. Кастильоне работал над оригиналами гравюр вместе с художниками-иезуитами Жаном-Дени Аттире, Игнатием Сишельбартом и Жаном Саллюсти. Уменьшенные копии были отосланы в Париж, переведены в гравюры и лишь затем вернулись в Китай. В докладе сделана попытка вписать творчество Джузеппе Кастильоне и других художников-иезуитов в политический контекст Цинского двора второй половины XVIII в.

Доклад **Т.А. Аникеевой** (ИВ РАН, Москва, РФ) «Уйгурские дестаны. Книжная и устная традиции» был посвящен жанру дестанов в уйгурской фольклорной и литературной традициях. Уйгурские дестаны представляют собой разновидность фольклорного жанра народной повести, широко распространенного у некоторых тюркских народов (в частности, у турок, азербайджанцев, туркмен) и сочетающего элементы устности и книжности. С одной стороны, повествовательная традиция уйгурских дастанов восходит к древней общетюркской эпической словесности. С другой стороны, — и прежде всего в сюжетном отношении, — уйгурские романические дастаны тесно связаны с арабской и персидской фольклорной (волшебная сказка) и литературной традициями, откуда были заимствованы сюжеты, персонажи, стилистические клише таких дастанов, как «Тахир и Зохра», «Шахсенем и Гарып», «Сенубер». Дестаны сочетают прозаический и стихотворный текст; последний представляет собой силлабические четверостишия, ряд образов, метафор, сравнений которых были внесены напрямую из классических средневековых поэтических традиций Средней Азии.

Культурная программа конференции была подготовлена совместно с Национально-культурным объединением уйгуров РФ (председатель — **Р.Т. Садыков**). В день заезда участников состоялось открытие выставки работ уйгурских художников Казахстана, которые разместили в фойе пансионата около ста своих произведений живописи и графики (по окончании конференции выставка продолжила свою работу в ЦДХ на Крымском валу). Национальный колорит и этнографический аспект сюжетов картин произвели большое впечатление на участников конференции, многие из которых впервые познакомились с современным искусством уйгуров СНГ.

В день открытия конференции вечером был устроен фольклорный концерт профессиональных уйгурских исполнителей народных музыкальных произведений и баллад-мукамов. В национальных костюмах были исполнены также народные танцы, связанные с календарными и семейными праздниками уйгуров. Среди зарубежных уйгуроведов нашлись также исполнители произведений уйгурского народного творчества. В последний день работы конференции уйгурскими поварами участникам были предложены блюда традиционной уйгурской кухни. По окончании конференции зарубежные участники совершили экскурсию в Саввино-Сторожевский монастырь.

Научное издание

Восточная аналитика
Выпуск 1, 2016

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Верстка И. В. Федулов

Формат 70x100/8. Усл. печ. л. 9,1. Уч-изд. л. 5,76.
Тираж 300 экз. Подписано в печать 25.01.2017 Заказ №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел. Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА».
Москва, ул. Озерная, 46. Тел.: (495) 726-31-69, 623-45-54, 625-38-13
E-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо